РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
Антон Орлов
КРЫСИНЫЙ ВОР

Антон Орлов

Крысиный Вор

Серия «Сонхийский цикл», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11283008
Крысиный Вор / Антон Орлов: Москва; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82632-2

Аннотация

В мире Сонхи опять неспокойно – но разве может быть иначе? Слишком много здесь колдовства и противоположных интересов. Борются за влияние магические организации, строит козни волшебный народец, плетет интриги древний маг Тейзург, рвутся в мир людей демоны Хиалы, вынашивает планы мести повелитель амулетов Дирвен, пытается обрести утраченную гармонию песчаная ведьма Хеледика, а бывший Страж Мира, вернувшийся домой после долгого отсутствия, объявляет войну местным террористам. Да еще Госпожа Вероятностей ведет свою игру, втягивая в нее всех, кто попадается на пути, и чем ее игры закончатся – она и сама не знает.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 59
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Антон Орлов
Крысиный Вор

© Орлов А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1
Заснеженная тропа

Луну он вначале принял за фонарь, такая она была большая, круглая, желтая, да еще висела низко, в просвете меж двух черепичных крыш.

С полчаса погуляю – и вернусь.

Эта мысль сопровождала его замирающим эхом. Разумеется, через полчаса он вернется туда, откуда пришел.

Туда – это куда?..

Похоже, он упустил из виду что-то важное, но связанное с этим смутное беспокойство не мешало восхищенно озираться по сторонам: слякотная ночная Аленда была прекрасна.

Темень. Под ногами хлюпает. Из клубящихся в небе туч сеется мокрый снежок. Дома как будто сотканы из теней, лишь кое-где тускло светятся окошки в частых переплетах.

Ночь за порогом его не остановила: если дожидаться, когда над Алендой взойдет солнце, недолго опоздать на работу. Как обычно, затянул с отчетом, который сегодня сдавать, последний срок. Лучше два десятка боевых операций, чем один полновесный отчет по установленной форме. Бюрократическая тягомотина наводила тоску, и в придачу невтерпеж хотелось прогуляться по этому городу, не мог он больше сопротивляться и откладывать.

Через полчаса я должен вернуться домой. Домой?.. Но ведь я уже вернулся! Наконец-то я дома, в Сонхи, до чего же здесь хорошо…

Похолодало, в воздухе закружились снежинки. Скользко. Зато выбеленная пушистым снегом Аленда больше не пряталась под непроглядными ночными вуалями. Теперь можно было рассмотреть и обережный орнамент на стенах, и украшенные лепниной балконы, похожие на замороженные белые цветы, и улыбающиеся маски воровского бога Ланки на обшарпанной храмовой ограде, и обросшие бородками сосулек рыла водосточных труб, и узорчатые кованые кронштейны с вывесками лавок и мастерских. Заиндевелая черепица на крышах в лунном свете переливалась алмазами. Самая настоящая зимняя сказка, так и должно быть… Только на этих обледенелых улицах надо смотреть под ноги, а то недолго поскользнуться.

Он не поскользнулся. Его сшибла с ног громадная собака – спасибо, что в наметенный сугроб, а не на мостовую. Это была не атака: невесть откуда взявшийся, словно в мгновение ока слепившийся из снежных хлопьев пес заливался приветственным лаем, делая паузы лишь для того, чтобы облизать ему лицо.

От этой возни в сугробе он мигом согрелся, хотя перед тем начал замерзать. Пусть оделся тепло, все равно перепад температуры тот еще.

Что за перепад температуры, почему? И полчаса уже истекло, даже больше… Куда я собирался вернуться через полчаса?..

На секунду его охватила растерянность, мелькнула холодящая мысль, что он сделал ошибку – *прошел по тропе, которую тут же замело снегом*, и теперь ему не найти обратной дороги.

Впрочем, ничего страшного. Он же в Сонхи. Он дома.

Вислоухий белый пес продолжал скакать вокруг и ластиться, оглашая окрестности радостным лаем. Пахло от него не псиной, а морозными просторами.

– Погуляешь со мной по городу?

Это предложение было с восторгом принято, и дальше они пошли вместе.

Светало, из бесчисленных труб поднимались в розовеющее небо дымки, и все больше окон наливалось мутноватым янтарным сиянием – Аленда просыпалась. Человек и собака

бродили по булыжным улочкам, оставляли первые цепочки следов на пустынных в такую рань заснеженных бульварах, переходили по горбатым мостикам через темные незамерзшие каналы. Он никогда раньше не бывал в Аленде, но то ли уже видел ее на чьих-то рисунках, то ли ему о ней рассказывали… Главное, что он наконец-то здесь. Теперь бы еще вспомнить название своей улицы и номер дома.

Когда я сюда приехал, я остановился у кого-то или в гостинице? Я ведь должен был где-то остановиться, раз у меня с собой никаких вещей… И откуда я приехал? И откуда незадолго до рассвета ушел гулять, решив, что на полчаса? На работу же опоздаю… Кстати, что у меня за работа?

Эти соображения напоминали пляску искристой снежной пыли в морозном воздухе.

Ладно, начнем по порядку. Меня зовут… Как меня зовут?..

Вот это уже слишком. Одно дело – отправиться на прогулку и заблудиться, и совсем другое – забыть собственное имя. Притом что он знает имя мира – Сонхи, и имя города – Аленда, столица Ларвезы.

Я знаю все, но только не себя… Стихи? Где и когда я их слышал или, может, читал?..

– Ты ведь, наверное, в курсе, где я живу? Идем домой!

Пес глядел на него с восторженным собачьим умилением, склонив большую голову набок.

Мимо прогрохотал запряженный парой лошадок фургон с надписью «Прочие булки», пришлось отступить к стене. Пахнуло свежей выпечкой. Он почувствовал, что проголодался, а у него, по всей вероятности, и денег-то нет… Как ни странно, деньги в карманах нашлись: два кошелька, один с серебряными и золотыми монетами ларвезийской чеканки, другой набит медяками.

– Давай тогда где-нибудь позавтракаем. Мне кофе и бутерброды с колбасой, тебе колбаса без кофе.

Навстречу попадалось все больше прохожих, он с любопытством рассматривал местную одежду и лица, заодно улавливая то, что скрыто за видимостью. Прислуга потянулась за покупками, мелкие чиновники торопились на службу, дворники лопатами сгребали снег и посыпали обледенелую мостовую песком из тележек. Серьезный народ, все при деле. Он снова подумал о своей работе, на которую не пошел, потому что где ее искать, эту работу, и на душе стало неспокойно.

Бросилась в глаза вывеска «Чайные бусы», под ней покачивалась гирлянда деревянных шариков с нарисованными чашками. Судя по грязной табличке с затейливо начертанными буквами, это была улица Укатившихся Бусин.

Похоже, он оказался первым сегодняшним посетителем. Небольшое уютное помещение озарено светом масляных ламп. Две темноватые гравюры: на одной девушка в развевающихся одеждах догоняет карету на проселочной дороге (понимайте, как хотите – то ли брошенная невеста, то ли проголодавшаяся нежить), на другой представительный мужчина в мантии поражает молнией понурое страшилище.

– Сударь, собачка ваша не кусается? – поинтересовалась хозяйка.

– Думаю, нет. Это не моя собака, на улице пристал. У вас найдется для него кусок колбасы? Я заплачу.

– А если пристал, так на улицу и гоните! Зачем с собой привели?

Он откинул капюшон, и женщина, враз сменив гнев на милость, расплылась в улыбке:

– Ой, ну ладно, пусть вот тут в уголке посидит. Видно, что послушный. Хороший песик! Для вас так и быть уж, будет ему колбаска, а сами чего желаете?

Она меня знает? Вот хорошо, хоть что-нибудь о себе выясню…

– Пожалуйста, сначала чашку кофе, покрепче и со сгущенкой.

– Кофе?! – Выщипанные брови поползли вверх, а потом хозяйка рассмеялась. – Ох вы, шутник! Или небось из приезжих? Подумали, раз приехали в Аленду – тут можно зайти в любое заведение и угоститься кофе? Да я его никогда и не пробовала, и если б оно у нас продавалось, стоило бы таких деньжищ, что человеку экономному на месяц хватит. Зато у меня есть хороший сиянский чай разных сортов и горячий шоколад, в нынешний морозец в самый раз! А второе, о чем вы сказали – сгущеница какая-то?

Сгущеница, сгущенка… Бессмыслица, но звучит забавно. Он усмехнулся своей оговорке.

– Я имел в виду, сливок погуще.

– А мясного пирога не желаете? Еще горяченький!

Он взял пирог, черный чай с сахаром и сливками, маленькую чашку шоколада. Пес на колбасу даже не посмотрел: не голодные мы.

– Спасибо, очень вкусно. Кажется, я уже заходил к вам в «Чайные бусы»? Может, вчера или позавчера…

Ничего такого ему не казалось, но вдруг приветливая хозяйка что-нибудь о нем знает?

– Ни разу не заходили, а то б я вас запомнила. Вас, сударь, с кем-то другим не спутаешь, волосы уж больно приметного цвета, да и на лицо вы не из тех, на кого поглядишь и тут же долой из памяти. – Она улыбнулась ему с кокетливым одобрением и в то же время чуть покровительственно. – Так что ко мне вы заглянули в первый раз, но уж надеюсь, не в последний. Наверное, где-нибудь по соседству поселились?

– Я не помню, где я живу. Вышел погулять по городу и забыл, куда я должен вернуться.

– Если вы скажете, как вас зовут, я пошлю девчонку порасспросить у знакомых…

– Как меня зовут, я тоже не могу вспомнить.

– Это значит, вы головой на гололеде ударились, вот у вас память-то и отшибло, жалость какая! Поскользнуться и упасть – обычное дело в эту пору, а вам теперь надо в лечебницу, чтобы вас лекарь посмотрел. Ближайшая будет на улице Нелюбезного Пекаря, и еще одна чуть подальше в другой стороне, в закоулке за площадью Экзорцистов, туда вам надо.

Когда он в предрассветный час вышел за порог, гололеда еще не было, подморозило позже. Это он отлично помнил – как и все остальное, что произошло с ним сегодня утром, уже после того как некая неведомая сила аккуратно расположила его память. Но в лечебницу так в лечебницу. Хотя и не любил он обращаться к лекарям. Никогда не любил.

Найти улицу Нелюбезного Пекаря оказалось не проще, чем решить головоломку. Неширокие булыжные улочки кружили и петляли, к тому же то и дело что-нибудь интересное привлекало его внимание: нарисованные поверх штукатурки или кирпичной кладки обережные узоры (мелькнуло в уме странное бессмысленное словечко «граффити»), причудливые фонари, вывески, флюгера, башенки… Вдобавок приходилось смотреть в оба, чтобы не поскользнуться, не наступить в кучу навоза и не попасть под копыта лошади.

Он то откидывал утепленный капюшон плаща – хозяйка «Чайных бус» сказала, что у него волосы приметного цвета, так, может, кто-нибудь из знакомых узнает его и окликнет – то снова надевал, когда уши начинали мерзнуть.

В конце концов стало ясно, что решить топографический ребус самостоятельно ему не под силу, и он спросил дорогу у проходившего мимо парня в стеганом кафтане и долгополой коричневой рясе. Тот охотно пустился в объяснения: сейчас мы на улице Серебряных Колесниц, и тебе нужно дойти по ней до конца, повернуть направо…

Несмотря на свое название, улица выглядела неказисто: сараи да заборы, за которыми виднелись заснеженные кровли невысоких построек. Еще тут было два обветшалых особняка, украшенных щербатыми скульптурами – сугробы оттеняли грязноватую белизну облезлых стен и арок. Судя по заколоченным крест-накрест окнам, там никто не жил, кроме

волшебного народца. Увидеть бы кого-нибудь из этих существ, но те средь бела дня людям не показываются.

Если заглянешь в гости, я тебе их покажу.

Кто ему это обещал?..

Из-за угла появилась женщина в серо-зеленом плаще и торопливым шагом направилась к ним. Из-под вязаной шапочки выбились светлые пряди, симпатичное молодое лицо разрумянилось от мороза и быстрой ходьбы.

Он с облегчением улыбнулся – наконец появился кто-то, кого он знает! – и назвал ее по имени:

– Зинта!

Впрочем, радость оказалась преждевременной. Зинта утверждала, что они незнакомы, и она никогда его раньше не видела. Вполне может статься, что их пути уже пересекались, ведь она лекарка под дланью Тавше: сколько больных и раненых она исцелила во славу Милосердной, сколько народу в это время стояло рядом – всех не упомнишь. Но его она совершенно точно не знает. И, кстати, с головой у него все в порядке. Никаких следов сотрясения или внутреннего недуга. Скорее всего, он пострадал от какого-то колдовства, и здесь нужна помощь мага, а не лекаря.

Зинта попросила парня в рясе отвести его в гостиницу при монастыре Кадаха Радетеля, а завтра проводить на улицу Розовых Вьюнов, к магу Суно Орвехту, который либо разберется, что с ним случилось, либо подскажет, к кому обратиться за помощью.

Его не покидало ощущение, что они все-таки знакомы, но по какой-то непонятной причине она его не узнает, и если он сумеет это ей объяснить – возможно, недоразумение разрешится… Но тут откуда-то сверху раздался простуженный каркающий голос:

– Эй, а я знаю, кто ты такой! Я все про всех знаю!

Он поднял голову – и завороженно уставился на существо, сидевшее на обледенелой крыше сарая.

Как будто человек начал превращаться в птицу, да застрял на середине, и ни туда, ни сюда. Лысая голова, мутноватые слезящиеся глаза, по-стариковски умные, и мощный длинный клюв, угрожающе загнутый на конце. Голая грудная клетка покрылась от холода гусиной кожей, вместо рук пара больших темных крыльев. Ноги по строению вроде бы человеческие, хоть и заросли перьями, а ступни похожи на чудовищные курьи лапы.

В первый момент можно было подумать, что эта несуразная нелюдь носит штаны, но на самом деле туловище ниже пояса, а также бедра и голени сплошь покрывало взъерошенное серовато-черное оперение. Единственный предмет одежды – грязный полосатый шарфик на тощей шее, вряд ли птицечеловек исхитрился сам его повязать.

– Что ты обо мне знаешь?

– Все знаю! – Тот спрыгнул с крыши, тяжело хлопнув крыльями и обдав людей смрадом нечищеного птичника. – Я знаю, откуда ты пришел. Знаю, как тебя зовут сейчас и как звали раньше, знаю, почему ты оказался в таком положении. Играем в три загадки? Отгадаешь каждую с трех попыток – скажу тебе истинную правду, не отгадаешь – мозги мои!

Ага, так заведено: если не найдешь правильного ответа, пернатое чудовище долбанет тебя по темени своим страшным клювом и угостится содержимым черепной коробки.

Зинта и монах дружно напустились на оголодавшего искусителя, да еще из-за сугроба выскочил белый пес, перед тем куда-то запропастившийся. Птицечеловек бросился бежать, пес с рычанием кинулся за ним, оба скрылись за углом.

– Это был настоящий крухутак?

И так ясно, что настоящий, но он не удержался от бестолково-восторженного риторического вопроса.

– Можно подумать, ты ни одного раньше не видел, – хмыкнула лекарка.

– Не видел, но хотел посмотреть.

Ее серые глаза понятливо сощурилась:

– А может быть, ты иномирец?

Это показалось ему вполне вероятным: если он *вернулся* в Сонхи – значит, он вернулся сюда из какого-то другого места… Думать об этом было трудно, словно искать тропу, которую замело снегом.

Зинта заторопилась по своим лекарским делам, он посмотрел ей вслед с ощущением, что из пальцев выскальзывает какая-то очень важная ниточка, которая могла бы вывести его из этого лабиринта «помню – не помню».

Что ж, деваться было некуда, и он отправился в монастырскую гостиницу.

Провожатого звали Джамо. Щуплый, хлопотливый, категоричный. Ему было немногим больше двадцати, монахом он стал недавно, однако рядом со спутником, который с восхищенным жадным любопытством глазел по сторонам, он преисполнился сознанием своей житейской умудренности. Всю дорогу так и сыпал наставлениями. Среди них попадались дельные: например, совет не брать себе абы какое имя, потому что в нынешней ситуации это может привести к тому, что уже никогда не вспомнишь, как тебя назвали при рождении. Но большая часть была из разряда «держись ближе к стене, а то попадешь под лошадь», «держись подальше от стен, а то зашибет сосулькой», «в гостинице не роняй мелкие вещи на пол, а то их чворки съедят».

Монастырь был незатейливый, кирпичный, с арочными нишами, в которых стояли бронзовые статуи Радетеля в одеяниях разных времен и сословий. Справившись, есть ли у гостя деньги, Джамо велел ему сделать «приличествующее пожертвование на храмовые нужды» и проводил в свободную келью.

Никаких изысков, но кровать застелена чистым покрывалом, окно с двойной рамой оклеено бумажными полосками от сквозняков, в углу пышет жаром чугунное полушарие растопленной печки. Над столом книжная полка, дабы постояльцы проводили досуг за полезным чтением: «Как уберечь свой подвал от гнупи», «Кадаховы наставления благотворителю: помоги, но не навреди», «Путевые заметки достопочтенного Зибелдона о жарком мире Ванксис», «Советы юной барышне: как избежать соблазнов столицы», «Размышления и сетования Шаклемонга Незапятнанного о конфузном происшествии с неким амулетчиком и волшебным зверем куджархом». Были тут и романы в завлекательных обложках: «Разумная модистка Нелинса и пираты», «Разумная модистка Нелинса и вурван», «Три разбитых сердца, или Беда неразделенной любви», «Ривсойм – победитель сойгрунов».

Он снял плащ и куртку, оставшись в свитере. Вышел в коридор.

С одной стороны двери, на каждой вместо номера деревянная табличка с изречением. Ему досталось следующее: *«За мудростью не надо ходить далеко. Где бы ты ни был, раскрой глаза, посмотри вокруг – и увидишь многое»*.

С другой стороны вереница окон в частых переплетах, с заснеженными карнизами и нависающими сосульками. Во дворе монахи в коричневых рясах выколачивали на снегу ковры с сакральными изображениями.

В конце коридора находилась уборная. Под трубой с краником стояло ведро, и над этим хозяйством еще одна табличка предупреждала: *«Кто за собой не смывает, тот подобен скотине в хлеву и гневит Кадаха»*.

Вернувшись в номер, он приступил к ревизии своего имущества. Может, найдется вещь, поглядев на которую получится хоть что-нибудь вспомнить? Да и в любом случае полезно знать, что у тебя есть, в особенности если понятия не имеешь, где твой дом.

Это смахивало на обыск, с той разницей, что обыскивал он самого себя. Кроме пары увесистых кошельков обнаружились кожаные перчатки с теплой подкладкой, расческа, чистый носовой платок, кастет и несколько штук ножей, спрятанных в потайных карма-

нах. Сплошь холодное оружие, но ведь бывает какое-то еще… Ну да, боевые амулеты, огнестрельные ружья и самострелы.

Один из стилетов особенный: небольшой, изящный, с притягательно мерцающими на узком клинке то ли узорами, то ли рунами.

Это для ближнего боя… Или нет, вообще не для боя. Надеюсь, не придется им воспользоваться.

Разложенный на кровати арсенал наводил на интересные выводы касательно его работы. Наемный убийца?.. Догадка ему не понравилась, но в то же время мелькнуло представление, что его когда-то обучали ремеслу такого рода.

Хм, а это что? В потайном кармане куртки обнаружился цилиндрический кожаный футляр, внутри свернутый в трубку документ. Написанная каллиграфическим почерком грамота на бумаге с водяными разводами, с двумя печатями, сообщала, что за подателя сего гостевая въездная пошлина в ларвезийскую казну уплачена. Надо беречь, вдруг пригодится.

Вновь рассовав находки по карманам, он весь день читал, прерываясь лишь для того, чтобы сходить в трапезную. Питались тут по монастырскому распорядку. Его со страшной силой тянуло в город – побродить еще по улицам Аленды, увидеть побольше, но монахи отговорили: если у тебя нелады с памятью, до консультации с магом лучше никуда не ходи, а то не ровен час, опять что-нибудь забудешь и заблудишься. Он решил обождать до завтра.

Ближе к ночи его охватило беспокойство, которое скорее будоражило, чем угнетало. В окно заглядывала полная желтая луна – это ведь, наверное, она выманила его на прогулку в прошлый раз? Уже наученный горьким опытом, он преодолел искушение и остался в гостинице, а наутро с облегчением обнаружил, что хотя бы вчерашний день помнит во всех подробностях.

После завтрака они с Джамо отправились к Суно Орвехту на улицу Розовых Вьюнов. Было пасмурно, температура около нуля, сугробы раскисли, с крыш капало – обычная для Аленды зимняя погода.

Стоп, что значит – «температура около нуля»? Опять чепуха в голову лезет. Или это сочетание слов все же что-то означает, хотя нипочем не вспомнить, что именно?

От этих размышлений его отвлекло зрелище, открывшееся за очередным поворотом: дворцы всех оттенков белизны, с колоннадами, башнями, воздушными галереями, статуями на фронтонах и золочеными шпилями. Этот великолепный ансамбль раскинулся на добрый десяток кварталов по ту сторону свинцово-серого канала, словно городской мираж, окутанный блеском проглянувшего в прореху меж облаков зимнего солнца.

– Это и есть резиденция Светлейшей Ложи?

– А что же еще? – с гордостью отозвался Джамо.

Улица Розовых Вьюнов находилась неподалеку от этого средоточия магии и власти. Возле нужного дома стояло два фургончика, на одном были намалеваны груша и яблоко, второй украшала узорчатая надпись *«Гирлянды, маски, драпировки»*. Возницы ругались между собой, выясняя, кто кому перегородил дорогу. Их обоих костерила с крыльца богато одетая женщина, худощавая, остроносая, тонкогубая, с пронзительным властным голосом:

– Хватит уже горлопанить, остолопы, давайте-ка выгружайте то, за что вам деньги плочены!

Монах, улучив момент, оробело спросил, нельзя ли увидеть господина Орвехта.

– Братец Суно еще не вернулся, приходите завтра. А ну, хватит базлать на всю улицу, как недоеная скотина! Заносите товары в дом по очереди, второй раз повторяю. Если повторю в третий – пеняйте на себя!

Спорщиков проняло, и те подчинились, продолжая глухо переругиваться, чтобы сохранить лицо.

Присмиревший Джамо потянул спутника за плащ, и они ретировались, мимоходом поймав обрывок разговора в небольшой толпе зевак, собравшейся поодаль:

– У них уже который день кутерьма, племянницу господина Орвехта выдают замуж.

– Барышню Хеледику, ведьму?

– Да не путайте, барышня Хеледика – воспитанница почтенного Орвехта, а замуж выходит его родная племянница из деревни, барышня Глодия. Услышали боги-милостивцы наши молитвы, уж теперь-то здесь вполовину тише станет…

– Вы так думаете? У них еще барышня Салинса осталась непристроенная, и они с маменькой будут разводить такой же тарарам, покуда у господина мага терпение не лопнет и он их не выставит. Ох, за что же милостивцы наказывают нас такими соседями…

– Известно за что – за грехи. А свадьбу, говорят, с размахом закатят, чего только не накупили для торжества!

– Бедняга жених…

– Жених тоже хорош бедокур, два башмака пара.

– Несчастный парень недурен собой, а барышня Глодия на лицо истинный страх, вылитая матушка…

– А вы потише, потише, а то госпожа Табинса услышит. Она за квартал чует, когда ей кости полощут.

– И ведь никто не верил, что хоть одну из этих ужасных девиц сбудут с рук, а вот же на тебе! Эх, надо было об заклад побиться…

Когда повернули за угол, он помотал головой, чтобы поскорее избавиться от остаточного дисгармоничного мельтешения – не перед глазами, даже не в мыслях, на каком-то ином уровне.

– Не отчаивайся, – с некоторой напыщенностью посоветовал Джамо. – Сходим завтра, а сейчас пошли обратно.

– Я погуляю по городу, вернусь к вечерней трапезе.

– А ну как опять все позабудешь? – Монах даже руками всплеснул.

– Не забуду. То, что со мной случилось, уже случилось, это была однократная опасность. Впереди ничего похожего нет, я чувствую.

– Да что ты можешь чувствовать, если даже не знаешь, как тебя зовут?!

Своей интуиции он доверял, но внятно объяснить ничего не мог. В конце концов Джамо сварливо пробормотал: «Что ж, Кадах заповедал нам радеть о тех, кому нужна помощь, но не докучать заботой!» – и отправился по делам, а он опять остался наедине с Алендой. Он словно опьянел от этого города, большого, старинного, по-зимнему пестрого – россыпью карнавально-ярких пятен среди грязноватой рыхлой белизны.

Только почему – *старинного*? По сравнению с чем? Наверное, с чем-то, оставшимся позади, за снежным занавесом забвения… Впрочем, Аленде не меньше трех тысяч лет, местами попадаются совсем древние постройки и скульптуры, так что это определение для нее в самый раз.

Порой он озирался, высматривая вчерашнего четвероногого знакомца, но тот так и не появился. Зато облако над дальними крышами напоминало очертаниями кудлатую вислоухую собаку, словно плывет по небу сам Северный Пес в своей облачной ипостаси… Он подумал об этом не всерьез, но в то же время с ощущением, что так и есть, и в течение некоторого времени щурился, вглядываясь. Потом отвлекся на еле различимый посреди серой хмари крылатый силуэт: кто там – крухутак или какая-то птица?

Миновав небогатые кварталы с обветшалыми горохово-желтыми домами, полными снежной каши извилистыми улочками и похожими на пустые клетки летними верандами чайных, он вышел к обшарпанной кирпичной ограде, из-за которой доносился людской

гомон. За ближайшим входом – точнее, проломом – виднелись торговые ряды, в воздухе плавал дым жаровен. Рынок. Там ему делать нечего.

Вдоль ограды сидели на подстилках закутанные в тряпье попрошайки. Чувствовалось, что они мастера своего дела, и это мешало ему проникнуться их жалким видом – театр ведь, а прохожие нет-нет, да и бросали мелочь.

Тех, кого по-настоящему задавила нужда, здесь не было, профессиональные нищие гоняли чужаков со своей территории. Настоящая голытьба искала пропитание на помойке за рынком. Он забрел туда случайно: поворот – и впереди тупик. Дощатый «мусорный домик», несколько доверху полных замызганных корзин, разбитая телега без колес, россыпь мерзлого подгнившего лука.

В отбросах рылись трое изможденных оборванцев, им досаждала стайка мальчишек в красных и зеленых курточках. Эта шантрапа кривлялась, толкалась, кидалась луковицами и снежками, один выхватил из-под носа у тощего парня с забинтованной шеей хлебную корку, отскочил в сторону и начал приплясывать, дразня находкой, другой совал своим жертвам в лицо дохлую крысу и глумливо приговаривал: «А хочешь крыску? Вку-у-усная крыска! Не дам тебе крыску!»

В следующий момент он разглядел, что никакие это не дети, а взрослые карлики, на редкость уродливые. А еще через пару секунд до него дошло, что они вовсе не люди.

Их длинные вислые носы напоминали сизые баклажаны, а непропорционально крупные головы покрывала вместо волос черная щетина, жесткая и колючая – она переходила на загривки, придавая коротышкам зловещее сходство с гиенами. Кроме щегольских курточек на них были потрепанные штаны и тяжелые деревянные башмаки, у одного поблескивала в ухе золотая серьга в виде массивного кольца.

Гнупи. Пакостливый ночной народец, обитающий бок о бок с людьми. Ему кто-то о них рассказывал, и запомнилось, что они выбираются колобродить в темное время суток, а дневной свет слепит им глаза, вынуждая отсиживаться в подполье. Впрочем, этой шайке дневной свет вроде бы не мешал.

– Эге, а парень-то нас видит! – скрипуче заметил один из черноголовых коротышек. – Ишь как вылупился!

– Да враки, не может он нас увидеть, – возразил другой. – Чары господина от кого хошь нас прикроют, и от магов, и от самого Дирвена-задирвена…

Гнупи начали хихикать, словно вспомнили что-то веселое. Один из них с ужимками подобрался к доходяге в изъеденной молью шубе с располосованными полами и сунул за шиворот луковицу. Похоже, злосчастные жертвы своих мучителей не видели, хотя и слышали их голоса.

– Я вас вижу. Какого черта вы к ним привязались?

Теперь в его сторону повернулись все – и гнупи, и люди. Первые ухмылялись с нагловатым вызовом: мол, видеть-то видишь, но что ты сможешь нам сделать? Зато оборванцы уставились на неожиданного заступника с оторопью, от которой один шаг до паники. С таким выражением, словно глазам своим не могли поверить. Их исхудалые бледновато-смуглые лица побледнели еще сильнее, до смертельного воскового оттенка. Тот, который пытался нашарить у себя под отрепьем запихнутую за ворот луковицу, оставил это занятие и что-то шепнул собрату по несчастью.

Быстрый нервозный обмен репликами вполголоса, на незнакомом языке. Он ощутил их нарастающий ужас – словно взбурлила какая-то тошнотворная муть с кровянистой примесью.

Они обо мне что-то знают. Спросить?..

Не то чтобы ему очень хотелось разговора с этими битыми жизнью ребятами – судя по реакции, те знали его не с лучшей стороны, – но это шанс хоть что-нибудь о себе выяснить. Хотя бы имя, и на том спасибо.

– Послушайте, я мог бы угостить вас обедом в трактире…

Оборванцы начали пятиться, глядя на него со смесью страха, отчаяния и непонятной горечи.

Что я им сделал?..

– Парень, иди куда шел, – процедил гнупи с золотой серьгой. – Так и быть, отпускаем тебя подобру-поздорову. А иначе пеняй на себя!

Вожак этой шайки. Его мутновато-зеленые, как болотные лужицы, глаза смотрели оценивающе, с деловой прохладцей, словно их обладатель прикидывал, какой бы подлый приемчик пустить в ход. Длинный тонкогубый рот растянулся в хищной улыбке, которая выглядела опасней, чем угрожающие гримасы других гнупи. Он смахивал на уличного бандита из тех, с кем лучше не связываться.

– Оставьте их в покое.

– А если не оставим? – еще шире ухмыльнулся обладатель серьги.

Не то чтобы человеку было совсем не страшно – их семеро, к тому же это волшебный народец, – но идти на попятную он не собирался.

– Убирайтесь отсюда.

– Это не твоя помойка, и не тебе тут распоряжаться. – Вожак сощурил наглые болотные глаза. – Или ты пришел сюда прибарахлиться? Кружавчиков найти себе на манжеты, если кто-то из богачей выкинул ненужные, или там ботинки, из которых можно выдрать еще годные стельки? Так и быть, можешь тут порыться, мы тебе разрешаем. За это будешь нам должен. Не стесняйся! – издевательски-радушный приглашающий жест в сторону облезлого «мусорного домика». – Бережливый человек сперва заглянет сюда, а потом уже пойдет по лавкам за обновками.

Гнупи злорадно захихикали. Их недавние жертвы пробирались вдоль стеночки к выходу из тупика.

– Гляньте, удирают под шумок! Ладно, парень, нам тоже пора, теперь вся помойка твоя. Может, и найдешь чего на свой вкус… Не будь невежей, скажи спасибо!

– Стойте! – Он заступил дорогу ораве черноголового народца. – Я сказал, хватит их изводить.

Нож он вынул стремительным отработанным движением, это получилось само собой. Возможно, он и впрямь наемный убийца или кто-нибудь еще в этом роде? Но сейчас он не собирался никого убивать, просто ему нужен был весомый аргумент, чтобы гнупи не кинулись вдогонку за улепетывающими жертвами.

Не учел он только одного: дохлой крысы как метательного снаряда. Мелковатый по сравнению с остальными гнупи перед этим раскручивал ее за хвост, будто бы забавляясь, – и, как выяснилось мгновением позже, неспроста раскручивал.

Удар в лицо. Он успел чуть-чуть отклониться, так что прилетело не в полную силу, но этого хватило, чтобы на секунду-другую окунуться в зыбкую темноту. Из носа потекла кровь. Хорошо, если хрящ не треснул. После этого он вспомнил, что в таких случаях полагается делать – или, скорее уж, рефлексы проснулись, – и выставил щит между собой и противниками, заодно перекрыв выход из тупика.

– Он магичит! – раздался обиженный возглас. – Полундра, это маг-ведьмак, в зеркале свиной пятак!

– Понятное дело, кто же еще, раз он нас увидел, – презрительно фыркнул вожак в алой курточке. – Только где ему с нами тягаться… Парень, тебе когда в последний раз задавали взбучку?

Он бросил быстрый взгляд через плечо: оборванцы удирали по безлюдному проулку со всей скоростью, на какую были способны. Двое ковыляли довольно шустро, хотя и спотыкались, третий был совсем плох и еле поспевал за товарищами. Гнупи в два счета их догонят. Надо задержать зловредных коротышек, тогда у этих бедняг будет шанс затеряться в толпе на рынке.

– А тебе? – сощурился «маг-ведьмак».

Такое впечатление, что ввязываться в уличную драку не на равных ему не впервой. Где-то и когда-то его даже грозили выгнать с работы, если он еще раз… И, кажется, в конце концов выгнали – но не за это, а за что-то другое. Впрочем, он не мог бы сказать с уверенностью, что это ему не приснилось. Да и не до того сейчас.

Его щит как будто расслоился на бесполезные колышущиеся полосы. Он отпрянул вбок, чтобы увернуться от невидимой дряни, по ощущениям похожей на рой иголок… И тут же шарахнулся в другую сторону – рой, промчавшись мимо, изменил направление и опять устремился в атаку. Успел встретить ее стремительно выброшенным новым щитом: «иголки» увязли в нем, словно мухи в желе.

– Почему заклятье господина его не берет?! – негодующе выпалил кто-то из гнупи.

– Щас возьмет, – пообещал вожак. – Как раз на такой случай у нас есть гостинец!

Незримое желе затряслось, да так, что человеку передалась эта мерзкая неритмичная дрожь, расшатывающая зубы и проникающая в каждую клеточку. Он больше не мог контролировать свой собственный щит. Гнупи с золотым кольцом в ухе довольно осклабился.

Он попятился, рассчитывая выйти из зоны поражения – при условии что она невелика и пресловутое «заклятье господина» не потянется за ним, как приклеенное. Под каблуком противно хрустнула крысиная тушка.

– Эй, не раздави ее! – всполошился мелкий гнупи в темно-зеленой, как еловая хвоя, курточке. – Не топчи еду! Отдай мою крыску!

Все-таки удалось погасить эту дрожь, для чего сначала пришлось войти с ней в резонанс, чтобы после, подчинив ее своей воле, свести на нет. Довольно мучительный способ. Нервы, мышцы, зубы – все ныло, и фуфайка под свитером промокла насквозь.

– Смотри-ка, выдержал… – удивился главный пакостник с серьгой, меряя его нехорошим задумчивым взглядом. – Только у нас припасено еще кое-что… Проси пощады, смертный, а для начала верни Шнырю его собственность, на которую ты наступил!

– Эту, что ли, собственность? – преодолев брезгливость, он поднял за хвост серое тельце со скрюченными розоватыми лапками.

– Эту, эту! – Шнырь аж подпрыгнул. – Давай сюда!

– С извинениями верни, – ухмыльнулся вожак.

Гнупи зашушукались и осклабились, предвкушая потеху: противник выглядел полностью выжатым.

– Ага, сейчас.

В чем он нуждался, так это в отвлекающем маневре, и оппоненты сами предоставили такую возможность.

Он повторил фокус Шныря, раскрутив «еду» за хвост – гнупи, судя по сосредоточенно-азартному выражению носатых физиономий, приготовились ее ловить, – но крыса полетела не в них, а на крышу ближайшего сарая. Глухой удар о жесть. Сверху посыпался снежок.

– Ты что сделал? – взвизгнул Шнырь. – Ты нарочно, да?! Отдавай крыску, рыжий ворюга!

– Ты еще не знаешь, с кем связался, смертный!

– Вот теперь и лезь за ней, раз закинул, не то мы тебе покажем, где крухутаки зимуют!

– Ты об этом еще пожалеешь!

– Мы про тебя нашему господину расскажем, нашего господина все боятся!

– Так вы эту дохлятину несли господину на обед? – поинтересовался он, выгадывая время.

– Думай, что говоришь, смертный, наш господин крыс не ест. У него это самое… как оно называется… изысканный вкус! Но тебя он все равно не помилует, потому что ты причинил нам обиду и помешал вершиться справедливости. – Гнупи с золотой серьгой ронял фразы пренебрежительно и веско, словно истинный король темных подворотен. – Доставай крыску, если не хочешь усугубить свою вину!

– Если тебе слабо́ притянуть ее колдовством, поставь корзины с мусором одну на другую да заберись повыше, – подхватил другой, у которого пуговицы на грязноватой темно-красной курточке были сделаны в виде матерчатых шариков того же цвета.

– Поздно. Пропала ваша крыска.

Пока они препирались, на крышу спикировала ворона, ухватила мертвое серое тельце и взмыла в небо.

– Так нечестно! – завопил Шнырь. – Она моя! Ворюга-подлюга!

Гнупи возмущенно загалдели и давай швырять в обидчика гнилым луком. Он выставил щит и начал отступать по закоулку меж двух глухих заборов, благо измордованных оборванцев уже след простыл. Хорошо, если тем хватило ума скрыться в толпе… А с другой стороны, стоило бы разыскать их, чтобы задать пару вопросов.

Пришлось дважды обновлять щит – гнупи не на шутку разозлились и применяли какое-то каверзное волшебство, которое рвало его защиту в клочья. При этом он не мог достать их своими импульсами. Черноголовый народец еще и дразнился:

– Ой, мы уже боимся! Ну-ка, попробуй еще раз!

– Вот умора, он лупит магией, как дубиной! Эй, неумеха, а заклятья плести тебя никогда не учили?

– Ну, попади в меня, попади! Смотри-ка, опять промазал! Это тебе не крыску своровванную повыше закинуть!

– Эй, парень, зачем тебе магия? Ты лучше настоящую дубину возьми, и то больше толку выйдет!

– Беги, беги, мы все равно тебя найдем!

– Горькими слезами поплатишься за крыску! Наш господин тебя самого в крысу превратит!

За стеной с набившимся в щели кирпичной кладки снегом разноголосо шумел рынок. Он забрался туда через первый попавшийся пролом. Гнупи отстали. Впрочем, не то чтобы совсем отстали – кто-то из них продолжал следить за ним издали.

В этом углу торговали ковриками, вениками, циновками, тряпичными половиками и еще – из-под полы – амулетами сомнительного качества. Раскрасневшиеся от холода продавцы нахваливали свой товар… который они вряд ли успеют продать… потому что недолго им осталось.

Он подобрался и замедлил шаги, пытаясь уловить, откуда пришло это ощущение. Знакомое ощущение. *Рабочее*. С той стороны. Время еще есть. Немного, но есть. Выбросив из головы гнупи, он привычно двинулся наперерез вторгшейся на рынок смерти.

Вабро Жмур Золотая Серьга до сих пор не определился, что ему больше нравится – вольное житье или служба у господина. Казалось то так, то этак.

Гнупи сами по себе. Так заведено. Над черноголовым народцем издавна не было никаких хозяев, а уж пойти в услужение к человеку – и вовсе позорище неслыханное.

С другой стороны, господин – могущественный маг, куда круче магов Светлейшей Ложи, и обеспечивает своих слуг зельем, защищающим от солнечного света: смажешь зенки

с утра пораньше – и развлекайся весь день на зависть сородичам, которые вынуждены до заката отсиживаться в подполье.

Вабро и его шайка очутились в рабстве не по собственной воле, а потому что припекло. Эх, нечего было разевать рот на собственность господина Тейзурга, но кто же знал, что все так скверно обернется? Он тогда сильно прогневался, ворвался к ним в подземелье прямо из Хиалы в демоническом облике и с дюжину гнупи разорвал на куски, а остальных помиловал в обмен на клятву верной службы.

Не сказать, чтобы рабская доля оказалась невмоготу тяжкой. Господин посылал их шпионить, собирать слухи, чинить пакости тем, кто ему не угодил. Однажды приказал выкрасть из Дома Инквизиции женщину, которая приходилась ему то ли подружкой и чужой женой, то ли просто подружкой для разговоров. Невозможного он не требовал, и даже когда отправил своих невольников за этой самой госпожой Зинтой, снабдил их такими заклятьями, что они утерли нос магам-инквизиторам и ушли без потерь.

Вабро он еще и золотую серьгу пожаловал: «есть в тебе нечто колоритно негодяйское, требующее завершающего штриха, и с серьгой ты будешь смотреться до умопомрачения стильно». Жмур этих заковыристых речей не понял, но золотой цацке обрадовался.

Однажды несколько потрепанных гнупи со стороны пришли к Вабро с подарками, чтобы он замолвил за них словечко перед могущественным покровителем. Бедолаги из тех, кого оттуда изгнали экзорцисты, отсюда шуганули свои же, и теперь им осталось ютиться в самых незавидных дырах. Жмур тоже хотел их спровадить – больше из куража, чем из каких-то практических соображений, но тетушка Старый Башмак заступилась и доложила о просителях господину.

Обычно где гнупи, там и тухурва, которая опекает их, варит для них еду в своих котлах, шьет им новые курточки из украденной у людей ткани, так что Старый Башмак угодила в кабалу вместе с остальной шайкой.

К этим рохлям, которые сами попросились в рабство, господин отнесся благосклонно – мол, лишними не будут. Золотая Серьга с этого только выгадал: больше стало тех, кем он может командовать.

Шнырь был из пришлых, совсем ледащий, потому что минувшей осенью ему сильно досталось от магов-экзорцистов. Он воспрянул духом после того, как сумел добыть крысу. Отобрал у кота-мышелова, который волок добычу, чтобы положить на хозяйское крыльцо. Известное дело, коты – наглющие зверюги, и гнупи ничего против них сделать не могут, поскольку непреодолимое Условие запрещает черноголовому народцу причинять вред домашним животным. Шнырь словчил: толкнул железные ведра, те покатились, загрохотали, котяра с перепугу выронил задавленную крысу, а гнупи схватил ее и был таков. Гордый ходил, аж глаза светились. Уже второй день таскал ее с собой, никак не мог нарадоваться. Теперь он пригорюнился, и его мнение о людях после стычки с рыжим проходимцем лучше не стало.

– Мы про него господину расскажем, – посулил с нехорошим предвкушением Хумдо Попрыгун. – Господину это не понравится, правда, Жмур? Господин из его кровушки нам глазное зелье сварит!

Гнупи обменялись усмешками. Один из ингредиентов снадобья, защищающего их глаза от дневного света, – кровь мага людской расы. У господина Тейзурга недостатка во врагах не было, всегда найдется, кого пустить на зелье для верных слуг. Ему досадили волшебники Светлейшей Ложи, навели на него чары, из-за которых он в ближайший десяток лет не сможет воспользоваться Вратами Перехода и прогуляться ни в какой другой мир. Положим, хотели-то они обратного – сделать так, чтобы духу его в Сонхи больше не было, но вышло наперекосяк.

– Ага, мы все расскажем! – шмыгнул печально свисающим носом чуток приободрившийся Шнырь. – Отольются ворюге крыскины слезки! Тьфу, наши слезки…

Кто-то предложил:

– А может, пойдем за ним да зададим ему жару, как следует зададим, он же слабак! Пойдем, а, Жмур?

– Не пойдем, – отрезал вожак, поддав тяжелым деревянным башмаком вывалившуюся из корзины с мусором индюшачью голову. – Он не слабак, силы у него на троих, но заклятья господина еще сильнее. Не будешь замечать разницы и думать своей гнилой башкой – пропадешь ни за грош, как Шнырева крыска.

– Он не использовал заклятий, ни одного, даже самого простенького, как последний неуч. Орудовал силой, словно табуретом в трактирной драке, вот умора!

– А одежа у него знатно пошита – ровнешенькими мелкими стежками, и пахнет необычно… Пришлый он.

– Кажись, иномирец, – процедил Золотая Серьга. – Хотя чуется, что нашенский, сонхийский. Может, он из тех, кого называют возвратниками. Скажем о нем господину, а уж тот разберется, как его наказать.

Предстоящее объяснение заставляло Вабро втайне трепетать и злиться. Они проявили самоволие. Им было приказано всячески изводить этих троих и никого больше не трогать, с посторонними не связываться, а они сшиблись с посторонним… Правда, тот сам к ним прицепился. И рассказать о стычке всяко придется, потому что если утаить, а господин потом узнает – еще хуже прогневается.

Ага, смекнул Жмур, надо особливо давить на то, что заклятье невидимости подвело, и нахальный молодой маг как увидел гнупи, сразу давай куражиться, хотя никто его не задирал. Заступился за трех поганцев, которые, по словам господина, таких гнусных дел натворили, что им за это целую вечность не расплатиться. Шныря обидел. Жаль, присочинить нельзя: черноголовые из того народца, которому Условие не позволяет говорить неправду. Вот тетушка тухурва – другое дело, чего хочешь наплетет, ей можно, поэтому гнупи и держатся за компанию с тухурвами, а Жмур волей-неволей выложит все как есть.

Эти размышления прервал запыхавшийся Шельмяк, с топотом влетевший в переулок, – его отрядили на разведку, выследить, куда подевались сбежавшие жертвы.

– Там идет злыдня всех-на-куски!

– Сюда идет? – удивился Вабро. – Неужто на помойку?

– На рынок. Туда, где людишек побольше.

Смерть всех-на-куски гнупи чуяли, хотя человеческие маги, которые изобрели эту напасть, маскировали ее всякими хитроумными заклятьями в несколько слоев. Об этой способности черноголового народца люди не знали, а гнупи, понятное дело, помалкивали.

– Отойдем подальше, – решил вожак. – А потом, как рванет, вернемся за свежатиной.

И они припустили по закоулкам прочь от рынка. Остановились за квартал, по ту сторону особняка с толстыми каменными стенами.

– Знатный у нас будет сегодня ужин! – ухмыльнулся Хумдо Попрыгун. – Уж тетушка Старый Башмак расстарается, когда мы мясца притащим!

– И ливера! Давно мы жареной печенки не едали, я уж и вкус позабыл!

– А если лавки с тканями разнесет, еще и бархатом разживемся красным и зеленым, обновки справим!

– И атласом, блескучим, как вода в весенней луже!

– Злыдня добрая идет, нам мяска шматок несет!

– А положить-то не во что…

– Найдем куда положить, хоть в узелки завяжем. Там же много чего будет валяться…

Высоко в пасмурном небе кружили крестообразные силуэты с широко раскинутыми крыльями – отощавшие крухутаки, по той или иной причине не улетевшие на юг и не залегшие в зимнюю спячку. Они знали все на свете, знали и о том, что на Кирпичный рынок пожаловала смертница с «ведьминой мясорубкой».

По Условию крухутаки могут убивать только тех, кто проиграл в три загадки, но им не возбраняется съесть мозги покойника с развороченной головой, ежели таковой подвернется. Что ж, нынче будет им пиршество! Угощения на всех хватит, и на гнупи, и на пернатых умников.

– А наши где? – вспомнил Золотая Серьга о поручении господина.

– Вдоль забора ковыляют. Несдобровать им. Господин говорил, они не должны легко умереть и отделаться от наказания, да в этот раз не по его велению выйдет.

– А этот рыжий? – угрюмо спросил Шнырь.

– А он, вот дела-то какие странные, прямиком навстречу злыдне направился. Я-то думал, он *видящий*, раз даже нас углядел, но, выходит, нет, а то бы драпанул оттуда во всю прыть.

– Может, и видящий, да смерти своей близкой не видит. С людьми всяко бывает.

– Это ему за мою крыску, – мстительно добавил маленький гнупи в елово-зеленой курточке.

Он уже второй день ломал голову, что у него за работа, никак не мог вспомнить, и тут работа сама его нашла.

Женщина в низко повязанном платке и мешковатом темном пальто, не молодая, не старая, с угрюмо-благопристойным выражением на непримечательном лице, пробиралась по рыбному ряду в глубь рынка. Не здесь. Она еще не дошла до цели, в запасе несколько минут.

Кто это: «посылка» или «сука»? «Посылка» не ведает, что творит. Человека отправляют на смерть, засадив ему внушение и для подстраховки накачав наркотой, чтобы не опомнился. «Сука» отдает себе отчет, что делает. Мотивы у нее могут быть идейные, религиозные, личные – какие угодно, не важно: главное, что она пошла на это по собственной воле.

С «суками» он не церемонился, а «посылку» старался спасти, если обстоятельства позволяли.

Ты работаешь, как профессионал, но ты не профи. Ты никогда не станешь настоящим профи, мозги у тебя не так заточены, хотя это не мешает тебе быть уникальным спецом в нашем деле.

Кто ему это говорил? Кто-то из сослуживцев? Из начальства? Впечатление мелькнуло и пропало. Возможно, в спокойной обстановке он сумел бы вытащить воспоминание целиком и хоть что-нибудь о себе узнать, но сейчас не до того.

Он мысленно потянулся к смертнице – и как будто влип в затхлое, вязкое, светящееся до рези в глазах желе. Почти сразу возникло мерзкое ощущение удушья. Выдержал несколько секунд, но этого хватило, чтобы *увидеть*.

«Мир полон грязи и скверны, те, кто не с нами, должны умереть, а тех, кто ради их уничтожения жертвует собой, за гранью земной жизни ждет великая награда и заслуженное блаженство», – что-то в этом роде, плюс несокрушимая убежденность в собственной душевной чистоте.

«Сука». Тем проще. Другой вопрос, как ее обезвредить.

Это совсем не то, с чем он работал раньше. Принципиально иное оружие.

Там были… вещества-реагенты… при их взаимодействии происходит выброс разрушительной энергии…

Он с трудом припомнил эту подробность, как будто пытался прочесть слова, написанные на тонущем в воде размокшем листке бумаги.

Здесь не реагенты, а магия, смертоносный клубок заклинаний. Прежний опыт не годится, но, кажется, он понял, что с этой дрянью можно сделать – при условии, что удастся подобраться к «суке» вплотную.

Мысли были похожи на вспышки, и вся окружающая реальность превратилась во что-то мигающее, лихорадочное. Время поджимало. Он завернул в проход меж двух облепленных чешуей прилавков, будто бы для того, чтобы хорошенько рассмотреть красноперых рыбин с заледенелыми темными глазами. Надвинул капюшон, спрятав собранные в хвост волосы. Никакого яркого пятна, которое могло бы привлечь внимание «суки». Отпихнув с дороги торговца, попытавшегося ухватить за рукав, он бросился за смертницей, делая вид, что высматривает в людском круговороте кого-то другого.

Над рынком курились дымки многочисленных жаровен. Народ галдел, торговался, шутил, сердился, приценивался, не чуя близкой погибели.

– Нелинса! Нелинса, ты где?!

Две девушки оглянулись – наверное, их тоже звали Нелинсами, как «разумную модистку» из книжек, оставшихся в келье монастырской гостиницы.

Поравнявшись с «сукой», которая целеустремленно шагала мимо прилавков с орехами и мочалками к двухэтажному деревянному строению под засиженной птицами шатровой крышей, он чуть обогнал ее, а потом, резко развернувшись, сбил с ног подсечкой. С опережением на секунду вцепился одной рукой в горло, укрытое платком, другой туда, где должно находиться под тканью пальто солнечное сплетение. Выпустил «когти» – невидимые, неощутимые, но способные рвать в клочья всевозможную нематериальную дрянь.

Впрочем, красиво располосовать магическую бомбу не получилось: «когти» увязли в этой пакости, она опутала их клейкими нитями, и еще вопрос, кто кого поймал….

– Грабят! – заполошно возопили в толпе. – Гляньте, люди, что делается – грабят, насилуют!

Ага, именно так это и выглядело со стороны. Какой-то купец замахнулся на бесчинствующего парня дубинкой с медными заклепками. Нацелился огреть по темени, но он услышал, как в воздухе свистнуло, успел отклониться, и удар пришелся по плечу, враз онемевшему.

Воспользовавшись этим, «сука» вывернулась и проворно отползла в сторону. Ее пальто было перемазано грязью, на одутловатом лице застыло сосредоточенное неодобрительное выражение, словно того и гляди начнет кому-нибудь пенять за нарушение приличий.

– Все назад! – крикнул он, пятясь от разъяренного заступника и сшибая с ног людей, которые стояли слишком близко. – Берегись, сейчас рванет!

Не удалось уничтожить эту дрянь полностью. Кое-что осталось, и смертница уже отдала последнюю команду. Изгвазданное пальто колыхнулось, будто надутый ветром мешок, а потом она то ли застонала, то ли закряхтела, вслед за этим послышался мерзкий хруст и такой звук, словно с натугой раздирали на части что-то влажное и неподатливое. Тех, кто находился ближе, забрызгало кровью и ошметками внутренностей. А он с облегчением понял, что все-таки успел. Почти. Заклинание, которое должно было снести полрынка, всего лишь превратило свою носительницу в ужасающее кровавое месиво.

Он огляделся: все, кроме смертницы, живы. Плечо ныло, и это ощущение усиливалось, онемевшая рука висела плетью. Зато бить его больше не пытались. Лихой купчина с дубинкой исчез за чужими спинами, остальные пятились в стороны, при этом кто вцепился в свои амулеты, кто читал обережные заклинания, кто взывал к богам.

Пошатываясь, как пьяный, он двинулся прочь. Остановить его никто не рискнул. Народ расступался, шарахался, спешил убраться с дороги в тесные боковые проходы. Кто-то

в панике налетел на прилавок, покатились рассыпанные орехи, под ногами захрустела скорлупа. Окружавший его со всех сторон людской страх напоминал секущий ледяной дождь. Наверное, у тех, кто наслаждается чужим страхом, это вызывало бы иные ощущения, но он не любил, когда его боятся.

Убравшись в другой конец обширного рынка, он в течение некоторого времени плутал среди дощатых галерей и линялых полотняных палаток, потом наконец-то заметил вдалеке, в просвете, кирпичную ограду – и вот тут-то возникло чувство, что его преследуют.

Почти всю дорогу от Уженды до столицы Суно Орвехт дремал в своем купе, которое, как и весь вагон, пропахло едой, отсыревшей обувью и хвойными благовониями. В командировке не выспался, обстоятельства не располагали. Впрочем, спать-то он там спал, но это был не отдых, а та еще работенка. Гоняться за снаяной на ее территории – все равно что сесть за доску сандалу с профессиональным шулером.

Уженда – городок из тех, где летом благодать и сплошное цветение, балы-маскарады под открытым небом, журчание старинных фонтанчиков на булыжных перекрестках, долгие чаепития под сенью увитых виноградом шпалер, зато зимой все хоронятся по домам, улицы пустеют. То слякоть, то гололед, мокрый снег так и норовит залепить глаза – в столице это не повод для того, чтобы жизнь замирала, но другое дело провинциальная глушь.

В Уженде разбушевался волшебный народец. Иногда такие неприятности случаются, и местные маги живо наводят порядок. Вернее, так было до недавних пор, до того, как стряслось *то, о чем нельзя говорить*. Теперь наступила новая эпоха, но простые обыватели об этом пока не знают, и дайте-то, боги-милостивцы, чтобы они узнали об этом как можно позже.

Народец еще с осени почуял слабину и начал то там, то здесь чинить безобразия пуще прежнего. С месяц назад гнупи добрались до часов на башне ужендийской мэрии и обломали стрелки, а на циферблате намалевали ухмыляющуюся вислоносую рожу – мол, трепещите, смертные, пробил наш час! Лазить, прыгать и подсаживать друг дружку они способны не хуже балаганных акробатов, по стенам ползают, как пауки.

Горожане от такой беспредельной наглости вначале оторопели, потом возмутились и потребовали, чтобы маги Ложи немедля разобрались с нечистью и защитили налогоплательщиков. Делать нечего, маги отправились разбираться: экзорцисты плетут заклятья, кормильцы им в помощь тянут силу из Накопителей… Ага, как бы не так. Кормильцы делают вид, что тянут, словно актеры на сцене, черпающие ведрами пустоту из картонного колодца. Непосвященные должны думать, что все обстоит, как раньше, а невысокая эффективность магических действий – это, э-э, временные затруднения вследствие неких метафизических завихрений.

Объяснение насчет затруднений и завихрений пока работало: рядовой слушатель, не желая прослыть дураком, понятливо кивал и соглашался с тем, что «нужно подождать, когда амплитуда спонтанных магических возмущений перейдет в фазу затухания».

Кое-каких результатов маги все же добивались, иначе они не были бы магами. Да и кормильцы чуть-чуть помогали, отдавая коллегам часть собственной силы, но это были жалкие струйки взамен прежних потоков.

В этот раз все получилось хуже некуда. Ужендийские коллеги вначале не смогли призвать гнупи – ну да, полтора десятка зловредных коротышек сбежалось на площадь перед мэрией с испакощенными часами, но явились они скорее для того, чтобы поглазеть и похихикать, нежели повинуясь власти манящих чар. Потом еще больший конфуз вышел с изгнанием. Если сказать правду, вовсе ничего не вышло: черноголовые безобразники сами убрались восвояси, когда им надоело наблюдать за потугами волшебников. Последние

оправдывались перед горожанами пресловутыми «завихрениями» и отправили в столицу донесение с просьбой о помощи.

Высокое руководство и радо бы положить конец произволу окаянного черноголового народца, но Уженда – не единственный город, одолеваемый подобными напастями, а экзорцистов, способных эффективно работать без заемной силы, у Светлейшей Ложи не так уж много.

Уверившись, что проучить их некому, гнупи еще больше осмелели и повадились забрасывать горожан снежками. Кто припозднится, тому несдобровать: комья они лепили увесистые, иной раз с камешком внутри, и кидали так, что оставались синяки. Однажды подстерегли мэра, и до своего крыльца тот добрался с головы до ног в снегу, его лицо после нападения напоминало битую перезрелую сливу.

С хозяина лавки «Дивные ткани» они потребовали дань – по дюжине штук самого лучшего красного и зеленого бархата себе на курточки, а когда торговец не уступил, подбросили ему в витрину мерзлых какашек и дохлого ежа.

Так бы оно и продолжалось, но Ложа наконец-то командировала в Уженду Суно Орвехта.

Алендийский поезд прибыл после захода солнца, при свете масляных фонарей, которые не столько рассеивали окружающую темень, сколько добавляли ей желтизны – словно плач скрипки вплетался в мрачную симфонию зимнего вечера. До события, о котором лучше помалкивать, яркость уличного освещения усиливали с помощью заклинаний, но теперь приходилось экономить. Одноэтажное здание вокзала с тремя башенками – посередине большая и по бокам две маленькие, как водится у провинциальных вокзалов, – напоминало кремовое пирожное, оброненное в темную стылую прорубь.

Юркие тени ростом с десятилетнего ребенка маячили в киснущей снежной мути во дворе гостиницы, когда Орвехт выбирался из наемной коляски. В него швырнули то ли снежком, то ли обломком кирпича. Снаряд не долетел до цели – Суно выставил щит, а потом ударил веерным заклятьем. Глумливые смешки сменились воплями боли и паники, под тяжелыми башмаками торопливо захлюпало.

– Беда, ребята! – крикнул кто-то из удиравших. – В наш городишко настоящий маг пожаловал!

С гнупи он разобрался по отработанной схеме. Первых попавшихся в назидание их собратьям изгнал из Уженды – в ближайшую сотню лет те вернуться не смогут, *путь закрыт,* – остальным задал трепку. На какое-то время это заставит их соблюдать меру. Пока не подзабудут урок да не сообразят, что у заезжего «настоящего мага» и в других краях хлопот по горло.

Он уже отправил в столицу мыслевесть о том, что задание выполнено, когда в довершение выяснилось, что добрую часть горожан мучают ночные кошмары.

В этом не было ничего удивительного. Выражаясь канцелярским языком, «проведенный осмотр показал, что состояние обережного орнамента на внешних стенах многих жилых домов нельзя назвать удовлетворительным». Опять же амулеты, защищающие от снаян, с наступлением зимы подорожали – срок действия у них ограничен, а заклинают их при свете солнца: в течение трех дней такой артефакт должен впитывать силу светила, прогоняющего дурные сны, иначе толку не будет. Погода в этой местности еще с месяца Охоты Анвахо стояла пасмурная. Снаянам раздолье. До какой степени скверно обстоят дела, Суно понял, когда ни одна из них не явилась на зов.

Такое может произойти в двух случаях: если манящие чары недостаточно сильны либо если снаяна так глубоко внедрилась в людские сны, что теперь она полностью находится *там* и держится за свое зыбкое королевство мертвой хваткой, словно у нее сотня крючочков и тысяча присосок. Чтобы совершить экзорцизм, необходимо встретиться с ней

лицом к лицу, а для этого нужно, чтобы на тот момент все ее жертвы бодрствовали, тогда ей негде будет спрятаться. Этот вариант хорош для деревни или уединенного поместья, но не для города с двенадцатитысячным населением. Другой способ – отыскать хищницу в ее родной стихии, и при таком раскладе еще неизвестно, чья возьмет.

Обменявшись мыслевестями с коллегами, Суно через свою волшебную кладовку – зачарованную комнату, из которой он, где бы ни был, мог извлечь любой предмет, – получил все, что требовалось для ворожбы. Стать его «провожатым» согласился один из пострадавших сновидцев, простуженный, осунувшийся, нездорово бледный молодой человек, – тот, чью жизненную энергию высасывает снаяна, постепенно чахнет, и его одолевает всякая телесная хворь.

Они выпили из одной чаши приготовленное Орвехтом зелье и улеглись рядом на кровать, вытащенную на середину гостиничного номера. Вокруг на дощатом полу были начертаны лиловым мелом необходимые символы и насыпаны измельченные сухие травы. Перед обрядом Суно заставил прислугу заклеить все щели, чтобы ингредиенты не сдувало сквозняком.

«Провожатый» неважно себя чувствовал, временами начинал кашлять, после чего шепотом извинялся перед почтенным магом. Потом его пробило на сдавленное хихиканье. Смутившись, пояснил: конфузно ему в кровати с мужчиной.

«Да спи ты, наконец, бестолочь! – с досадой подумал Орвехт. – Я, знаешь ли, тоже лежу здесь не для собственного удовольствия и предпочел бы вместо твоей болезной рожи хорошенькую жену мэра или, еще лучше, мою Зинту».

Сдержался, не сказал вслух. Не из деликатности – из расчета, чтобы не растревожить добровольного помощника еще больше. Жаль, нельзя усыпить его с помощью магии, снаяна почует. Посоветовал флегматичным тоном:

– Попробуйте считать падающие яблоки. Говорят, помогает.

Прошло с полчаса, и «провожатого», хвала богам, одолела дрема. Суно скользнул в туманный омут сновидений вслед за ним.

Ничего оригинального: тусклая улица под условно дневным бесцветным небом, дома по большей части невнятные, без деталей, хотя местами кое-что выделяется – приземистая почта с четырьмя колоннами и помпезной лепниной, рядом с ней желтое пятно вывески «Чай по старинке». Наяву почта и чайная находятся в разных кварталах.

Упрощенная копия реальной Уженды, тоскливая, безлюдная, в серых и бурых тонах. Это был сон «провожатого», в нем господствовал даже не страх – скорее смутное предстраховое состояние, готовящее к тому, что все неминуемо обернется очень плохо, если не прямо сию минуту, то через неопределенное время, и этого никак не избежать, потому что, кроме этого, ничего больше нет. Верный признак того, что к тебе прицепилась снаяна. Или кто-нибудь еще, кто питается чужой силой через сны.

«Провожатый» может до утра блуждать по своему унылому городу. Он забыл, где он и кто он, и не понимает, что спит. На разумные реакции он сейчас не способен. Обычное состояние для заурядного неподготовленного сновидца – если б дело обстояло иначе, он не стал бы жертвой снаяны. Свою задачу парень выполнил: привел Орвехта в ту область, откуда можно *взять след*, дальше его содействие не требуется.

Суно был экзорцистом и дознавателем, в придачу весьма неплохим боевым магом, на сновидениях он не специализировался, но обладал в этой области достаточными для своей работы познаниями. Сейчас любопытные детали и непроясненные теоретические вопросы побоку, главное – добраться до хищницы.

Приглушенный, вкрадчивый, исподволь выматывающий душу страх. У него есть источник. Определив направление, Орвехт двинулся в ту сторону через чужие сны. Прогулки такого рода выпадали ему нечасто и требовали обстоятельной подготовки: зелье сложного

состава, предварительные заклинания, круг из волшебных символов, который надлежало рисовать зачарованным лиловым мелком, насыпанные вокруг ложа волшебные травы.

Иным магам вспомогательные средства не нужны, но их раз, два и обчелся. Пожалуй, к лучшему, что Орвехт не из их числа, ибо все они слыли до некоторой степени невменяемыми. Возможно, причина в том, что для них нет принципиальной разницы между сном и явью?

…Темноватая закопченная кухня, стены сплошь увешаны полками, на которых громоздятся облезлые кастрюли и стопки грязных тарелок. Кое-где вперемежку с посудой втиснуты куклы. Сидят и смотрят. Самые обыкновенные куклы в платьицах с кружевами и фартучках, но от их присутствия делается не по себе, и с мышиной настойчивостью скребется мысль: *«что-то здесь неладно»*.

Того, кому эта кухня снилась, Орвехт толком не разглядел. Некто почти прозрачный, парализованный безысходностью, оцепенел посреди помещения, и маг, поравнявшись, слегка толкнул его в плечо. Или ее. Не важно. Главное, что после этого кухня исчезла, и обладатель сего безобразия с несказанным облегчением понял, что лежит в своей постели.

…Улица, на которой могут избить. Невзрачные двухэтажные дома, водянисто-серое небо. Предчувствие скверной развязки заполняет окружающее пространство, словно туман или расплывшийся дым. Из-за углов нет-нет, да и выглядывают какие-то люди: высунутся – и тут же спрячутся, и в мутных окошках порой мелькают чьи-то лица. Их много, но они неуловимы. Зато ковыляющий с тростью грузный немолодой господин как на ладони, и спешить из последних сил бесполезно – ноги словно вязнут в трясине. Он обречен, ему от них не уйти.

– И охота вам, почтенный, тратить полуденный отдых на такую дрянь? – нагнав его, обронил маг. – Лучше просыпайтесь да выпейте рюмочку красного вина.

– А?.. – Господин растерянно моргнул. – Мне можно проснуться?..

И исчез. Вместе с улицей.

…Коляска с откинутым верхом катит по неширокой мостовой. По обе стороны от булыжной полосы – свинцовая водная хлябь, охваченная не сильным, но угрожающим волнением. Дорога уходит через это пустое зыбкое пространство к горизонту, который теряется в кисее тумана. Запряженная в экипаж лошадь выглядит так, словно ее частично стерли ластиком: схематичный круп с хвостом, а больше ничего нет.

Пассажирка молода и недурна собой, хотя в той жизни, которая наяву, ей, возможно, за восемьдесят. Одета по давней моде: пышный гофрированный воротник сейчас увидишь только на картинах портретистов, стяжавших славу еще до того, как Суно Орвехт появился на свет. Ей страшно, и этот страх так же огромен, как раскинувшаяся вокруг водная ширь.

Тому, что рядом с ней на сиденье возник, откуда ни возьмись, еще один пассажир, она ничуть не удивилась. Кто же станет удивляться во сне? Спящий знает, что произойти может все, что угодно, и принимает это как должное.

– Сударыня, почему бы вам отсюда не выпрыгнуть? – осведомился Орвехт. – Полагаю, тогда сразу проснетесь.

– Вы так думаете?

Испуганные светло-серые глаза. Лицо как будто нарисовано на белом шелке.

– Я в этом уверен. Вы попробуйте.

Она привстала, оперлась затянутой в перчатку тонкой рукой о лакированную дверцу и, бросив на него еще один взгляд, легко перемахнула через край. И вот уже нет ни старомодно элегантной женщины, ни экипажа, ни водяной бездны.

…Речной берег под нависающим туманным пологом завален кучами прошлогодней листвы. Деревья не видны, но подразумеваются – обычный для сновидений фокус. Скверное место: под раскисшей побурелой листвой прячутся топляны. Они похожи на лошадей,

но покрыты зеленой чешуей, вместо грив и хвостов у них водоросли, а вытянутую морду топляна можно принять за осклизлую корягу с торчащими сучьями. На нескольких расчищенных участках нарисованы на сыром песке их изображения, словно карандашом, со штриховкой, что в реальности было бы невозможно. Картинки точь-в-точь как в академическом издании «Большой энциклопедии волшебного народца».

Суно хмыкнул: по крайней мере, ясно, где очередной сновидец разжился своим кошмаром.

На виду только предупреждающие об опасности рисунки, самих топлянов не видно, но они тут есть: зарылись в темную массу, затаились, в любой момент могут выскочить с трубным ревом и растерзать того, кто забрел на их лежбище. Предчувствие ужасной развязки растворено в тумане, оседает холодными капельками на коже, шуршит под ногами вместе с гниющей листвой. Хочется закричать, но воздух до того душный и вязкий, что крик глохнет в горле. Когда тебя начнут рвать в кровавые клочья, никто не услышит.

– Молодой человек, – обратился Суно к нескладному встрепанному существу, которое, очевидно, было первопричиной этого ужаса. – Ваше сновидение грешит против научных фактов: топляны подстерегают добычу в воде, а если выходят на берег, то не закапываются в подножный мусор. Просыпайтесь-ка да освежите в памяти то, что вы о них читали.

Не сработало. Парень влип, как муха в паутину. Мимоходом его из этого сна не вышвырнешь. Возможно, Орвехт сумел бы в конце концов его разбудить, но не стал тратить время и силы на пустую благотворительность: он пришел сюда не за этим.

Чем дальше, тем хуже. Чехарда картинок – тягостных, нелепых, отвратительных, бессмысленных, многозначительных… Объединял их вытесняющий все остальные эмоции страх, который по мере приближения к цели усиливался, словно запах или концентрация ядовитого дыма.

Суно защищали заклинания, начертанные на полу вокруг кровати, и особая смесь магических трав, насыпанных поверх этих символов. То и другое берегло его жизненную энергию, отделяло свое от чужого, препятствовало наведению чар и помогало оставаться *вне игры*. Если снаяна втянет тебя в игру – ты пропал. Опомниться не успеешь, как начнешь искать топлянов под кучками прошлогодней листвы, цепенея от ужаса: а вдруг они и впрямь там найдутся?

Важное правило: не умаляя ни опасности, ни значения того, что происходит в таком сне, в то же время надо принять априори, что все это не всерьез, чепуха несусветная, и непоколебимо на том стоять. Ты наблюдаешь за сотканными снаяной наваждениями со стороны, *ты в это не играешь*.

…Чья-то спальня. Возможно, точь-в-точь такая, как в жизни, не имеет значения. Большое окно в каменной стене – без переплета, но при этом застекленное, обычная для сновидения вольность. В вершину стрельчатой арки вмонтирован оберег, испускающий слабое прерывистое мерцание. Наяву такие артефакты не светятся, но *здесь* – другое дело. Надо понимать, оберег у сновидца просроченный.

Старая каменная кладка местами расплывается серым туманом, не так уж она и надежна, а за окном господствует текучий цветной хаос. Небо слоистое: все оттенки синего, сумеречно-белый, немного фиолетового, розового, желтого, и чем дольше вглядываешься в эту взбаламученную грозовую круговерть, тем отчетливее понимаешь, что деваться некуда.

Суно отметил это чувство обреченности, как верный признак того, что снаяна близко. Эмоция принадлежала хозяину сна – вот он стоит, неспособный сопротивляться надвигающейся *оттуда* жути, как будто прирос к полу – однако пришлый маг ощущал ее так же явственно, как видел образы, из которых соткался чужой кошмар. Правда, в его восприятии присутствовала изрядная доля отстраненности: «страшно, но не мне».

В глубине разноцветного небесного водоворота, там, где сиреневое с кровавой примесью пятно граничило с разлившимся облачным молоком и бледной лазурью, появилась точка, через секунду увеличившаяся до размеров просяного зернышка, и за ней что-то тянулось, как нитка за иголкой. Еще мгновение, и Орвехт смог ее рассмотреть.

Снаяна была прекрасна. Как будто искусный ваятель вылепил ее из тронутого синевой вечернего снега: чеканно-безупречные черты лица, изящные ключицы, большие налитые груди, стройный стан, гармонично округлые бедра… А дальше – ничего антропоморфного, ниже бедер соблазнительное женское тело переходило в чудовищный хвост. Впрочем, последний напоминал не столько огромную змею, сколько скрученный из облаков жгут или смерч, и конца ему не было видно – он плыл по воздуху следом за снаяной, извивался, теряясь в недрах тревожного разноцветного неба.

Ее волосы цвета сгустившихся сумерек колыхались вокруг алебастрового лица, словно у русалки под водой, а глаза были белые, как у статуи, без зрачков и без радужки, тем не менее она смотрела прямо на мага. Подлетев к оконному проему, она надавила ладонью на стекло. Оберег наверху суматошно замигал.

Плохи дела. Судя по размерам «хвоста», который уходил в бесконечность, эта жадная до человеческого страха тварь проникла в сны великого множества горожан, тянет у них жизненную силу, и все ей мало.

Орвехт ударил заранее приготовленным заклятьем. Снаяна отпрянула, по облачному хвосту прокатилось содрогание. Она рванулась назад, но как будто прилипла, заклятье не позволяло ей сбежать. Впрочем, для мага это еще не означало победы. Это все равно, как если бы тебе на крючок попалась рыбина размером с быка – запросто может выдернуть из лодки и утащить на дно.

Состязание «чья перетянет» заняло то ли секунды, показавшиеся Орвехту целым часом, то ли час, раздробившийся на сумасшедшие мгновения, осколки брызнувшего вдребезги оконного стекла, пляшущие цветные пятна, вспышки издыхающего оберега, облачные клочья и хлещущие по лицу снежно-синие волосы, жгучие, как стрекательные клетки ядовитой медузы.

Кончилось тем, что маг и его противница вывалились из сна в гостиничный номер с кроватью, меловым кругом и пасмурным окном в заиндевелом переплете. В мире яви снаяна выглядела как сотканное из зыбкого тумана подобие женщины – ничего угрожающего, дуновением сквозняка унесет, и никакого хвоста-смерча.

Когда Орвехт пустил в ход заклинание экзорцизма, она исчезла, меланхолично вздохнув напоследок. Убить снаяну крайне трудно, лучше не пытайся: десять потов сойдет, а результат сомнительный. Зато ее можно изгнать в Хиалу. Впрочем, проблуждав там какое-то время, она все равно просочится через сны обратно в мир людей.

В Уженде обитало еще несколько снаян, но те были не так сильны, как первая. Выдворив их из города, Суно отбыл восвояси, больше всего радуясь возможности отоспаться в поезде.

В последнее время – посвященные в курсе, после какого события, а непосвященным об этом знать ни к чему, – ларвезийские поезда развивали вдвое меньшую, чем раньше, скорость. Впрочем, такая картина наблюдалась во всем просвещенном мире. Поезда приводит в движение сила специальных артефактов, которые надо регулярно заряжать, а с этим нынче не так вольготно, как до пресловутого события. Хотя и не так плохо, как прогнозировали пессимисты: железные дороги по-прежнему функционируют, и на том спасибо.

В вагоне первого класса было натоплено, однако Суно нет-нет, да и начинал зябнуть: слишком много сил потратил в Уженде, а до этого в нескольких предыдущих командировках, и практически без передышек, не считая дороги. Хорошо бы в ближайшее два-три дня безвылазно сидеть дома у камина, читать в свое удовольствие и пить горячий шоколад, сва-

ренный матушкой Симендой, но для мага Светлейшей Ложи это по нынешним временам непозволительная роскошь.

Проснувшись незадолго до столицы, он получил мыслевесть от Шеро Крелдона, с месяц назад из Тайного Круга Охранителей Безопасности переведенного в Малый Тайный Круг Охранителей Безопасности. Те, кого прежде называли «ущербными магами», с недавних пор пошли в рост. Орвехту тоже перепало: оклад денежного содержания существенно увеличили. Архимаги опасались заговора и посему лояльных коллег прикармливали, не скупясь. Впрочем, Суно полагал, что заговора и переворота все равно не миновать, вопрос времени.

Старинный приятель и начальник велел ему прямо с вокзала ехать в резиденцию Ложи, посулив три новости – хорошую, плохую и интересную. Ну-ну. Неужто смена власти уже состоялась? Главным препятствием для этого были магические клятвы: все ларвезийские волшебники присягали на верность Сокровенному Кругу. Проблема заковыристая, но разрешимая. Если с помощью непреодолимых доводов убедить большую часть архимагов уйти в отставку (что, честно говоря, маловероятно) либо же найти «звездную соль» – редчайшее волшебное вещество, освобождающее от любой клятвы, для чего надо насыпать щепотку себе на ладонь и произнести оную клятву задом наперед… Главное – не посягать на систему. Светлейшие маги обязуются не злоумышлять против Сокровенного Круга, но кто сказал, что Сокровенный Круг не может поменять свой состав? Вот тут-то и кроется лазейка для заговорщиков. Если с переворотом дело выгорит, рядовые маги Ложи будут связаны все той же присягой, но уже по отношению к новым представителям верховного органа власти. Присяге без разницы.

Размышляя об этом, Орвехт застегнул подбитое мехом зимнее пальто. За окном неторопливо плыли кирпичные склады с белыми от снега крышами.

Шляпа у него была из толстого фетра, с двумя пришитыми снизу к полям шерстяными куштонами, которые защищали от холода уши и для пущего тепла обматывались вокруг шеи наподобие шарфа. Обычно ему хватало капюшона, но сейчас он подчистую вымотался и лишней силы на самосогревание не осталось, поэтому надвинул поглубже противопростудный головной убор и тщательно укутал горло.

Зря старался. Когда он, направляясь к экипажам, миновал привокзальную торговую галерею, шляпу с него сбили злодейским ударом, так что она повисла на груди у своего опешившего хозяина.

– Не тот, – констатировал за спиной чей-то голос. Как будто с сожалением.

Позволить себе такую эскападу по отношению к боевому магу, пусть даже смертельно уставшему, – это, знаете ли, чревато. Выставив круговой щит, Суно развернулся к обидчикам – и увидел не валяющих дурака подвыпивших студентов, не обнаглевших уличных бандитов, не «золотых недорослей», которые иной раз хуже последней сволоты из подворотен, а людей положительных и серьезных, своих сослуживцев.

– Добрый день, коллега Орвехт, – с натянутой улыбкой вымолвил долговязый функционер, похожий на рассеянного доброго волшебника из детской книжки с картинками.

Его сообщники хранили на лицах казенное выражение. После того, что они только что отмочили, это выглядело довольно-таки несообразно.

– И я рад вас видеть, коллеги, – невозмутимо произнес Суно. – Забористые были грибочки?

– Это не грибочки, – понизив голос, возразил «рассеянный». – Это задание.

– Шляпы с добрых людей сшибать?

– Именно, – он ухмыльнулся с долей неловкости и сотворил чары, защищающие от подслушивания. – Выявляем рыжих. Нынче с утра всеобщий тайный розыск, категория «хоровод».

– Буду признателен, если проинформируете.

«Хоровод» означал, что в операции участвуют все коллеги, состоящие в Большом Внутреннем Круге и выше.

– Если увидите рыжего парня, на вид примерно лет двадцати, среднего роста, глаза карие, черты лица правильные, нос прямой, волосы длинные, волнистые, немедля шлите весточку дежурным. Дальше начальство распорядится, без приказа ничего не предпринимать. Он маг, предположительно изрядной силы. Возможно, ранен. У нас на всякий случай легенда: мол, хотели подшутить над приятелем, обознались, приносим извинения.

Пока собеседник делился подробностями, Орвехт вернул шляпу на голову. В воздухе кружились редкие снежинки, из прорехи в облаках проглядывало бледное с серебряным отливом зимнее солнце, вокруг гомонила привокзальная площадь. Сидевшие под арками старой каменной галереи торговцы, в своих стеганых одежках похожие на тряпичные кочаны, сперва поглядывали на группу мужчин с опаской – началось с фиглярской выходки, не ровен час, подерутся, поломают фанерные прилавки, раскидают по грязному снегу товар, – но потом поняли, что ссоры не будет, и успокоились. Видимо, самостоятельно додумались до вывода, что шляповредители «хотели подшутить над приятелем».

Нанимать экипаж не пришлось, за Орвехтом прислали коляску, а в кабинете у Шеро его ждала чашка кофе двойной крепости. Минувшей весной коллега Тейзург, будь он неладен, презентовал Крелдону в качестве взятки мешок первосортных иномирских зерен для приготовления сего экзотического напитка, и кофе у бережливого мага-безопасника до сих пор не перевелся.

– Итак, сначала хорошая новость, – отхлебнув кофе, Шеро откинулся на спинку вместительного кожаного кресла. – В Аленде по-прежнему есть Кирпичный рынок со всеми его обвесами, фальшивками, помойками, карманниками, подпольными лавочками и уклонистами от уплаты налогов. Славно, не правда ли?

– Славно, – в тон ему согласился Орвехт, пытаясь догадаться, к чему он клонит.

– Плохая новость. Смертница с «ведьминой мясорубкой» добралась до Аленды, миновав все наши проверки и дозоры. У кого-то головы полетят, уж об этом я позабочусь.

– Жертв много?

– Всего одна – она сама, и вот это уже связано с интересной новостью. На Кирпичном рынке едва ли не в последний момент эту дрянь перехватил и обезвредил маг не из наших. Кто такой, откуда прибыл – неизвестно, у нас никаких о нем сведений. Его сейчас разыскивают. Чьи интересы он представляет и до какой степени можно считать его союзником, пока сплошные догадки.

– Рыжий? – хмыкнул Суно.

– Ты уже в курсе?

– Поделились информацией коллеги, от которых я получил по шляпе, едва сойдя с поезда. Как он смог предотвратить активацию «мясорубки»?

– А вот это, пожалуй, самое любопытное. Насколько удалось восстановить картину, никаких артефактов вроде «Болотной патоки» он не использовал. Прямое воздействие.

– Тогда что же это за такое невероятное заклинание? – Орвехту даже спать расхотелось. – Если до сих пор считалось, что «мясорубка» неминуемо срабатывает и при попытке убить носителя, и при соприкосновении с любым противостоящим ей заклятьем…

– Правильно считалось, – кивнул Шеро, довольный тем, что сумел озадачить приятеля. – Заклинаний он тоже не использовал. Мы изучили останки ужасательницы – никаких следов, ни намека.

– Что же он тогда сделал?

– Судя по всему, раскроил «ведьмину мясорубку» с помощью силы в чистом виде, не формируя заклятий. Можешь себе такое представить?

– С трудом. Теоретически предполагается, что это возможно, но чтобы кто-то на практике так работал…

– На Кирпичном рынке его спугнули. Со стороны могло показаться, что парень набросился на тетку ни с того ни с сего. Народ не понял, что это ужасательница, и его начали бить. Из-за этого он не успел довести дело до конца, остаточным импульсом «мясорубки» носительницу разорвало в клочья. Больше никто не пострадал, хотя окружающих забрызгало изрядно. После чего народ испугался, и парню удалось сбежать с места происшествия. Вскоре подоспели наши, но загадочного коллеги уже след простыл. И на душе у меня неспокойно. Оно конечно, этот герой нам помог, но кто его знает, из каких побуждений он действовал. Может, он сам ужасатель, интригует против кого-то из подельников? Версий, как водится, несколько, и каждая сулит свою головную боль. По такому случаю позволим себе еще по чашке кофе?

Улица с домами из желтого и сизого кирпича круто вздымалась к небу, а потом, словно испугавшись высоты, плавно съезжала вниз и вливалась в путаницу остальных кирпичных построек, крытых разноцветной черепицей. Судя по облупленной табличке, это была улица Светлой Победы.

Большинство здешних домов казались заброшенными: он еще издали заметил, что дымков над крышами всего ничего. Из окон глядели дощечки и картонки с корявыми надписями: *«Сдам внаем дешево»*. Кое-где попадались целые истории в картинках на тему счастливого обретения жилья – для неграмотных.

Он нашел незапертый сарай с кучей хлама в углу и огромным облезлым сундуком, выглядевшим так, словно его откопали на кладбище. Пыль, щепки, лохмотья паутины. Здесь можно переждать до вечера и заодно привести в порядок ушибленное плечо. Так и не вспомнил, кто научил его приемам самоисцеления (был ведь у него учитель!), но зато не забыл, как это делается.

От погони удалось оторваться. Дважды чуть не попался, но оба раза поднимался ветер с секущей снежной крупой, и преследователи отставали.

Он устроился на сундуке, закутавшись в плащ, и едва не лязгал зубами от холода. Сейчас бы к печке или к растопленному камину, а еще лучше – домой. *Дом у него в теплых краях – в столице, которая находится в тропическом поясе, там он точно согрелся бы, там всегда тепло*... Но это ему скорее всего когда-то приснилось. С холодины еще не о таком размечтаешься.

Вдобавок хотелось есть. Прежде чем пускаться во все тяжкие, надо было купить в трактире пирожков и рассовать по карманам. И захватить термос кофе.

Термос?..

Он повторил про себя непонятное слово, которое оказалось неожиданно хрупким и рассыпалось на ледяные осколки.

Его ищут. Окружающее пространство так и кишит теми, кто вышел на охоту. Да и странно было бы, если б не искали.

Давешний белый пес появился, откуда ни возьмись. Запрыгнул в выстуженный сарай через окно? Как бы там ни было, рядом с ним человек сразу согрелся. Потом собака убежала, но вскоре вернулась с куском жареного мяса в зубах.

– Вот спасибо! Как раз этого мне и не хватало. Если б ты еще мог отвести меня домой…

Сидевший напротив пес глядел честными глазами и вилял хвостом: ясно, что о доме в теплых краях он знать ничего не знает.

Боль в плече постепенно утихала, и то хорошо.

Внезапно он вспомнил, почему его пристанище так называется. Ладно бы всплыло что-нибудь полезное, а то ведь сущая ерунда.

– Раньше эта улица носила нетривиальное имя Горка, но таких Горок в Аленде больше десятка, и после очередной мелкой заварушки с обитателями Хиалы ее официально переименовали в улицу Побежденных Демонов. Оценил? Как обычно, светлейшие маги проявили восхитительную дальновидность. Я бы сильно удивился, если б не нашлось шутников, которые повадились замазывать на табличках первое слово. Еще бы тамошние обыватели не занервничали – кому захочется жить на улице Демонов! Разве что мне, но я, сам понимаешь, другое дело. Власти тогда спохватились и вновь переименовали злополучную Горку, на сей раз в улицу Светлой Победы. Таблички на стенах поменяли, но даже гордое новое название не спасло положения: теперь никто не желает селиться в местечке с дурной репутацией.

Он не помнил лица собеседника, зато как наяву услышал голос – ироничный, богатый оттенками, чуточку снисходительный.

Одно воспоминание потянуло за собой другое:

– Если заглянешь ко мне в гости на бульвар Шляпных Роз, буду безумно рад. Боюсь только, флажок над моей резиденцией тебе не понравится. Ты ведь меня знаешь… Соседи от него тоже не в восторге, но уже притерпелись – а куда им деваться?

Этот разговор состоялся неизвестно где и когда, непонятно с кем, а может, и вовсе приснился, но там прозвучала подсказка: бульвар Шляпных Роз. Надо выяснить, есть ли в городе место с таким названием.

Надвинув капюшон и прикрыв нижнюю часть лица шарфом, он вместе с собакой отправился на разведку. Собака вскоре исчезла. Впрочем, наверняка еще объявится.

В первой же попавшейся чайной он спросил о бульваре Шляпных Роз, который то ли есть, то ли нет. Оказалось, есть. Посоветовали взять наемный экипаж, а то далековато. Отойдя на несколько кварталов, он так и сделал. По дороге думалось: ну, приеду я туда, осмотрюсь, и что дальше?

Вот уже второй день, занимаясь своим нужным лекарским делом во славу Тавше Милосердной, Зинта нет-нет, да и вспоминала странного рыжего парня, который якобы с ней знаком, хотя она его ни разу в жизни не видела. Не могла отделаться от неясного ощущения, будто они и впрямь когда-то встречались. Что-то цепляло в его интонациях, в манере говорить… Хотя быть того не может: такое красивое лицо она бы нипочем не забыла.

Но ведь еще и запах… В детстве Зинту дразнили: с тобой нельзя играть в прятки, ты вместо того, чтобы искать нас по-честному, нюхом учуешь. В ту пору она стеснялась своего чрезмерно тонкого обоняния, зато потом, когда стала лекаркой, оно ей очень помогало и в приготовлении целебных снадобий, и в распознавании болезней. Нередко бывало, что те или иные впечатления для нее сплетались с ароматами. Вот и сейчас голос рыжего парня напоминал о каком-то понравившемся запахе, его-то и нужно определить, тогда она поймет, в чем дело.

Крепкий кофе. Незнакомые цветущие растения. Еще что-то комнатное – непривычное, ни на что не похожее… Сопутствующая запаху картинка наконец-то прояснилась, и Зинта потрясенно ахнула, остановившись посреди тротуара. Едва не налетевший на нее фонарщик с лестницей и бутылью масла не обругал ее только из почтения, потому что признал лекарку под дланью Тавше.

Знакомы они с этим рыжим! Она же в гостях у него побывала за компанию с Эдмаром, когда тот прятал ее в другом мире от инквизиторов Светлейшей Ложи. А лица не видела, потому что хозяин дома был в лечебной маске: незадолго до их визита он получил ранение. Глаза тоже пострадали, и он смотрел на гостей благодаря штуковине, которая называется «визор» – в том мире полным-полно всяких механических чудес. Значит, теперь у него все зажило, даже шрамов не осталось, и зрение вернулось.

Но она-то, она-то хороша, нет бы сразу догадаться! Ее ввел в заблуждение цвет волос. Это сейчас он рыжий, а в прошлую встречу был седой: Эдмар рассказывал, что поседел он на службе, когда у него на глазах погибли люди, которых надо было спасти. А потом не стал восстанавливать, хотя для волшебника такой силы это нетрудно. Как заметил язва Эдмар, он не хочет выглядеть младшим братом своей жены. С виду ему лет двадцать, но на самом деле больше: *Стражи не умирают от старости*.

А я с ним говорила, как с мальчишкой, виновато подумала лекарка.

Впрочем, главное другое: она и впрямь знает, как его зовут и где он живет. Надо поскорее ему об этом сказать! А потом разобраться, почему он все позабыл и бродит по Аленде, как неприкаянный. Пришел в Сонхи из своего мира, открыв Врата Перехода – это понятно, но что же такое с ним стряслось то ли там, то ли здесь, если всю память отшибло?

Злыдня оказалась неважнецкая. Хмурые волшебники собрали ее руки-ноги-потроха в корзину, конфискованную тут же на рынке для казенных нужд, вытащили из-под прилавка с мочалками закатившуюся туда голову, которую упаковали в отдельный сверток, и все это погрузили в карету с гербом Светлейшей Ложи.

– Маги мяско воровали, мы от голода рыдали, – грустно проворчал Словоплет, теребя пуговицу замызганной малиновой курточки.

– Что ж она оплошала-то? – Дергун досадливо почесал похожий на сизую грушу нос. – Сама себя оприходовала – эка невидаль, а могла бы полрынка нам на жрачку перевести!

– Сплыла наша жрачка, – процедил Золотая Серьга. – Надо разведать, что случилось, да господину доложить. Если мы расскажем что-нибудь интересное, он на нас не прогневается. За работу!

Гнупи шмыгали в толпе, никем не замеченные. Они примчались сюда, когда почуяли, что смерть всех-на-куски вырвалась на волю. Хотя «вырвалась» – чересчур сильно сказано: скорее уж выползла, как издыхающая раздавленная муха из-под кухонной тряпки. Еще до пролома в рыночной ограде не добежали, а уже стало ясно, что праздника не будет. Тощие крухутаки, до поры кружившие в небе в ожидании дармовой поживы, разлетались прочь, понуро взмахивая длинными серо-черными крыльями: что бы ни произошло, они в тот же миг об этом узнают. Гнупи разобрало любопытство, и шайка Вабро отправилась посмотреть, что там у людей за кавардак.

О происшествии судачил весь Кирпичный рынок.

– Опять этот рыжий! – возмутился Шнырь. – Мало ему загубленной крыски, еще и злыдню убил! Она-то ему чем помешала?

– Такому всякий мешает, – подхватил Дергун. – Как нашему господину до всех есть дело, словно цеплючему репью, так же, видать, и этому.

– Пошли! – скомандовал Жмур.

Они всей гурьбой повалили прочь, шустро лавируя в толчее. Никто из людей их не видел, так что поневоле приходилось каждому уступать дорогу. В отместку гнупи гримасничали, передразнивая смертных, да еще изо всех сил топали по слякотному месиву, норовя кого-нибудь забрызгать. А Хумдо Попрыгун и Чун Клешня забежали в трактир «Пляшущий окорок» и наплевали в тарелки посетителям, чем потом похвалялись всю дорогу.

Известно, что, если гнупи плюнет человеку в тарелку или в кружку, тот начнет после этого душевно маяться, поэтому нельзя оставлять на ночь открытую посуду с остатками еды. А если уж оставил – наутро содержимое лучше выбросить, иначе не удивляйся, если все вокруг покажется тебе до того гадким, что глаза бы не смотрели. Правда, избавиться от сей напасти нетрудно: для этого надо всего лишь развеселиться из-за какого-нибудь пустяка.

Шайку охватило злорадно-приподнятое настроение, только Шнырь печалился из-за своей потери, да Вабро размышлял о предстоящем объяснении с господином с такой досадой, словно отведал кушанье, в которое сам же перед этим плюнул.

Они ослушались распоряжений и ввязались в ссору с посторонним, вдобавок упустили тех троих, которым должны были «обеспечить нескучный досуг». Этих смертных зовут Куду, Вабито и Монфу, они давние враги господина и в придачу маги, несмотря на свое нынешнее жалкое состояние. Вот и воспользовались колдовством, чтобы ускользнуть от мучителей и замести следы, пока внимание гнупи было приковано сначала к рыжему, а потом к обманувшей надежды злыдне. Ищи-свищи их теперь по всей Аленде!

За несколько месяцев своей службы гнупи по-настоящему прогневали господина только однажды, и то виноваты были не они. Ох, как господин в тот раз осерчал… Он тогда приказал им заляпать грязно-серой краской особнячок Шаклемонга Незапятнанного, известного в Аленде нравоучителя, написавшего «Размышления и сетования о конфузном происшествии с неким амулетчиком и волшебным зверем куджархом». В своей книжице тот намекал на господина, также замешанного в этой истории, и всяко порицал его за непотребное поведение.

Гнупи это поручение пришлось по нраву: знатная пакость! Они все сделали, как велено, с ухмылками и пересмешками малюя пятна на оштукатуренных стенах под покровом ночи. То-то Незапятнанный разинет рот, когда выйдет утречком на улицу да оглянется на свой домик!

Господин был бледен от злости – можно подумать, это ему дворцовый фасад изгадили. Радужка длинных подведенных глаз недобро сияла расплавленным золотом, а голос походил на змеиное шипение:

– Вы, мерзавцы, хотели сделать как лучше или замыслили угробить мою репутацию? Кто из вас до этого додумался? Вабро, ты?

– До чего – до этого, господин? – рискнул уточнить Жмур.

Додумывался он до многого, потому и верховодил над остальными.

– Кто написал на стене «Шаклемонг придурок» с тремя грамматическими ошибками?

Гнупи нередко жалели о том, что не могут соврать на словах, но сейчас только это их и спасло: господин отлично знал, что их дружное «Не мы!» – истинная правда.

На торцовой стене у Незапятнанного, прямо под оберегом, было выведено углем: *«Шаклимонг предурак»*. Крупными буквами, кривовато, но старательно. Позже выяснилось, что это дело рук амулетчиков Светлейшей Ложи, которые тоже посчитали себя оскорбленными. Уголь они использовали не простой, а заклятый, и уничтожить надпись удалось не сразу.

Шаклемонг делал вид, будто не верит в их причастность, и сообщал всем и каждому, что с неким господином Тейзургом, если вы такого знаете, он больше не здоровается – молде не в моих правилах здороваться с теми, кто грамоте не обучен. Вроде бы господин этого так не оставил и все же с ним поквитался, но подробностей гнупи не знали.

Золотая Серьга понимал, что не сможет рассказать ничего, кроме правды, но изложить эту самую правду, если подойти умеючи, можно по-разному, верно? Вот он и обмозговывал интерпретацию «Жестокий рыжий разбойник и мы, от него пострадавшие». Дайте-то боги, чтобы вышло убедительно!

Когда непривычный – а что в таком случае для него привычно? – но довольно удобный экипаж, запряженный парой лошадей, довез его до бульвара Шляпных Роз, уже начинало смеркаться. Над дальними крышами светилось чайной желтизной вечернее небо, по нему ползло в облачную высь множество дымков.

Расплатившись с возницей (с лихвой, судя по изумленно-довольной физиономии парня), он двинулся по улице пешком, озираясь из-под капюшона.

Справа – особняки и дворцы с колоннами, башенками и лепным декором, слева – доходные дома с пестрой мозаикой вывесок и витрин на первых этажах. Посередине бульвар с заснеженными деревьями, там сейчас малолюдно, зато на тротуарах полно фланирующей публики и по мостовой неспешно катят коляски. Фонари через каждые десять шагов – их уже начали зажигать, фонарщики стараются действовать деликатно, чтобы не мешать гуляющим.

Увидев издали здание с флагом, он сразу понял – то самое. Замедлил шаги, настороженно сощурился.

Дымчато-белый двухэтажный дворец. Арочные окна первого этажа обрамлены лепниной, изображающей цветы, раковины, стрекоз и скорпионов. Наверху круговой балкон-галерея, скаты над ним загибаются вверх, и оттуда глядят скульптуры – то ли причудливые звери, то ли демоны. Здание увенчано изящной белой башенкой с флагом на посеребренном шпиле.

Крышу нетронутым пластом покрывал снег, и наблюдателю пришло в голову, что его там нарочно оставили, для красоты. Такой эстет, как хозяин дворца, вполне на это способен.

Они определенно знакомы, но возобновлять знакомство что-то не хочется. Нет, не страх. Было время, боялся, но это в прошлом. Скорее нежелание сложностей, которых однозначно не миновать, если они снова встретятся и тот примется за старое.

Он поморщился под капюшоном, почти оскалился: ага, вот только его фокусов мне сейчас не хватало – в придачу к отшибленной памяти и тому очевидному факту, что я в розыске.

Флаг ему и правда не понравился: зловещая пляска-переплетение синих, фиолетовых, изумрудно-зеленых змеистых узоров на черном поле. Выглядит угрожающе. Зато, пожалуй, честно: сразу видно, что представляет собой обладатель эмблемы. Хотя дело тут не столько в честности, сколько в неистребимой любви к рисовке.

На заднем плане одноэтажные надворные постройки с полуколоннами и арками, как будто вырезанные из слоновой кости. Перед парадным крыльцом фонтан с изваянием: три танцующие нагие девушки, должно быть, молочный мрамор. От тротуара дворец отделяла кованая ограда с воротами для экипажей и узорчатой калиткой.

Заметив на калитке бронзовую табличку, он подошел ближе. Надпись сообщала, что за оградой находится суверенная территория иностранного представительства: «вторжение возбранено законом».

И что дальше? Потянуть за цепочку звонка, попросить доложить о себе (он ведь даже своего имени назвать не сможет!) – или пройти мимо? Не хотелось ему искать помощи *здесь,* но больше-то идти некуда…

Его раздумья прервал по-юношески задиристый возглас:

– Эй, провинция, чего глаза вылупил? Никогда таких хором не видел?

Рядом засмеялись. Он повернулся и лишь тогда понял, что реплика адресована ему.

Это же самый подлый сволочизм, если тебя приворожили к одной наипервейшей на свете сволочи, а женят на другой сволочи! Когда Дирвен Кориц, набравшись смелости, высказал это соображение учителю Орвехту, тот хмыкнул и невозмутимо посоветовал найти в текущей ситуации что-нибудь хорошее: «Можешь порадоваться хотя бы тому факту, что тебя ждет брачный союз с Глодией, а не вышеупомянутый альтернативный вариант».

Все бы им зубоскалить… Если бы Дирвена заставляли жениться одни архимаги Ложи, он бы уперся насмерть – или никакой Глодии, или зарежусь, останетесь тогда без первого амулетчика – но ведь и мама туда же! Они тихой сапой перетянули ее на свою сторону, а Дирвен обещал, что больше не будет ее расстраивать. И так натерпелась.

После того как их разлучили, ее увели пшоры – подземный народец, который крадет людей и заставляет их работать у себя в пещерах, да еще кровь потихоньку высасывает, и люди там прозябают, словно измученные бледные тени, пока не умрут. Дирвен не знал, что она угодила к этим тварям. Он тогда сбежал из Овдабы и встретил учителя Орвехта, который привез его в Ларвезу, а потом он стал боевым амулетчиком Светлейшей Ложи, но о маме не забывал – решил, что рано или поздно вернется за ней и заберет с собой. Что ж, это «рано или поздно» наступило, когда его похитили овдейские тайные службы – спохватились, придурки! Из застенков он выбрался и маму все-таки спас. Теперь они опять вместе, вдали от Овдабы с ее дурацкими законами, и все бы хорошо, но мама тоже хочет, чтобы он женился на Глодии.

Старичье из Сокровенного Круга ей голову заморочило: мол-де как будет распрекрасно, если сынок ваш остепенится, а для этого ему кто нужен? – правильно, разумная жена! Ради такой перспективы они даже раскошелиться готовы. Ну, то есть удерживать в казну жалованье Дирвена не целиком, как сейчас, а только три четверти. Однако отдавать деньги будут не ему, а новоиспеченной госпоже Кориц, после свадьбы. По этому поводу все радовались, хотя было бы чему. Сплошная засада.

Свободный вечер Дирвен лучше бы провел в трактире с ребятами, но Глодия и ее сестрица Салинса потащили его гулять на бульвар Шляпных Роз: там все светское общество друг перед дружкой дефилирует, а мы чем хуже?

Честно говоря, семейство Глодии к светскому обществу имело такое же отношение, как индюк к арифметике. Кузина учителя Орвехта, который был внебрачным сыном аристократа и крестьянки, минувшим летом приехала в Аленду пристраивать замуж подросших дочек. Поскольку ее двоюродный брат – уважаемый маг, их сословная принадлежность не играла определяющей роли: из деревни, зато с недурными связями. Во всяком случае, для Дирвена эту партию сочли подходящей.

Зато сам Дирвен так не считал. Она же некрасивая! Остроносая, тонкогубая, глазащелки, жидкие волосы невнятного буровато-мышиного цвета. Вылитая мамаша. И сестра у нее такая же – выбирай между чесноком и луком. Зато характер так и прет, на лбу написано: «Мой суженый будет подкаблучником». Она уже сейчас норовит командовать.

Глодия с надменным видом плыла рядом с Дирвеном, цепко ухватив его под руку. На ней был зимний наряд невесты: крытая серебряной парчой шубка с опушкой из белого меха, белая меховая шапочка со спускающимися на лоб жемчужными подвесками. Так одеваются девицы, у которых скоро свадьба, вот она, мерзавка, и выставляет себя напоказ. Салинса была одета попроще, но с алендийским шиком – можно принять за знатную барышню, пока не брякнет что-нибудь по-простецки.

Их наставница, госпожа Армила, ехала вдоль тротуара в открытой коляске. Встречные с ней раскланивались, в особенности мужчины зрелых и преклонных лет. Алые губы, черные брови, набеленное лицо – «писаная красавица» в истинном смысле слова. Она уже пожилая, но благодаря искусному макияжу этого не поймешь, пока вблизи не рассмотришь. Носит алое и черное, а за поясом у нее всегда торчит хлыст с рукояткой из слоновой кости.

Поговаривали, что в свое время она была самой дорогой в Аленде дамой полусвета, а теперь учит молодых девиц – хорошим манерам и неизвестно чему еще. Дирвену не хотелось думать о том, чему она могла научить Глодию и Салинсу, всякие страсти-мордасти в голову лезли.

Следом за первым амулетчиком Светлейшей Ложи валила его свита. Полтора десятка парней, иногда с ним ходило и больше – одни на заданиях, другие свободны. Вдобавок четверо охранников, но эти на службе, другое дело – *его компания*.

Вначале Дирвен был гордым одиночкой: ни в школе амулетчиков, ни потом, когда он начал выполнять задания Ложи, приятелей у него не завелось. Среди амулетчиков он силь-

нейший, все остальные против него слабаки, и он не старался делать вид, будто это не так. Его не любили, про него рассказывали анекдоты и сплетничали, но связываться остерегались: для него же пара пустяков взять под контроль чужие амулеты – и что тогда станешь делать?

Ему было наплевать на их отношение, и он решил, что ни в ком не нуждается, хотя в глубине души порой завидовал тем, кто собирался вместе, перешучивался, угощал друг друга пивом… А потом его умыкнули овдейцы, и из подвалов министерства благоденствия его вытащил демон-должник – Серебряный Лис, которого Дирвен вместе с Самой Распоследней Сволочью освободил из тысячелетней каменной ловушки.

Пока прятались, Лис травил байки, в том числе рассказал, что у каждого князя Хиалы непременно есть свита из демонов помельче – подлиз и прихлебателей, которые состоят под его покровительством, бегают по его поручениям и всегда тут как тут, если их повелителю что-нибудь понадобится. Дирвену это запало в душу, но всерьез призадумался он над этим уже после возвращения в Ларвезу. И в самом деле, чем он хуже того же Лиса?..

Вскоре подвернулся случай. Придурки из числа его недоброжелателей выдрючивались перед тремя новичками, окончившими школу в этом году. Дирвен мог бы пройти мимо – его бы задирать не стали, тягаться в открытую с *первым* никто не рискнет, себе дороже, – но вместо этого остановился и небрежно процедил:

– Да что вы, парни, глазами хлопаете? Вот как это делается!

И три новомодных берета с кисточками, «приклеенных» к стене выше человеческого роста, свалились на газон.

– Забирайте свое имущество, – усмехнулся заступник, едва удостоив шутников презрительным взглядом.

Все участники инцидента пребывали в ступоре. Никогда еще Дирвен Кориц, сильнейший амулетчик Ложи, не влезал ни с того ни с сего в чужой конфликт.

– Знатно… – с благодарностью пробормотал один из новичков, отряхивая со своего многострадального берета приставшие травинки.

– Ха, ерунда! Они всего-то использовали одновременно «Тягло» и «Длинную руку» – задействовали два амулета в связке, ничего особенного. Разбить такую комбинацию можно запросто несколькими способами, вы тоже так можете. Если угостите пивом, покажу, как это делается. Приходите сегодня после ужина на мою тренировочную площадку.

Вечером его услали на задание, и он уже решил, что хитрый план сорвался, но они пришли на следующий день. Восхищенные, готовые ловить каждое его слово. А потом привели своих приятелей, а потом к ним прибился кое-кто из амулетчиков постарше…

Архимаги нарадоваться не могли: Дирвен Кориц начал делиться опытом с товарищами! Работа с амулетами подчинена определенным правилам и включает в себя набор приемов, этому учат в школе амулетчиков, но, кроме того, есть множество нюансов, возможностей, взаимосвязей, которые надо чувствовать – как в музыке, где обладатель абсолютного слуха уловит намного больше, чем рядовой слушатель. По части амулетов Дирвен был наделен не только немереной силой, но еще и «абсолютным восприятием», и кое-что из этой области он мог объяснить и показать другим.

Спустя некоторое время он стал вожаком довольно большой компании. Это оказалось даже лучше, чем он думал. Жалованье у него еще с весны по-сволочному удерживали ради возмещения ущерба после инцидента с куджархом, но парни всегда готовы поить его пивом, платить за него в увеселительных заведениях, безвозвратно одалживать мелкие суммы денег. И вовсе он не нахлебничает: его подсказки позволяют им эффективней действовать на заданиях, а кому-то, может, и жизнь не раз спасали.

Парни отомстили за него Шаклемонгу Незапятнанному, который в своем пасквиле прошелся насчет той гнусной истории с куджархом и Самой Главной Сволочью. Прокрались

безлунной ночью и написали на стене «Шаклемонг придурок» – так, чтобы с улицы было видно. А Шаклемонг подумал на мерзавца Эдмара, который той же ночью из тех же соображений уделал его жилище каким-то магическим способом. По рассказам, наутро картинка была что надо, как будто домишко сверху донизу облили помоями, да еще с надписью, которой парни до сих пор гордились!

Насчет нынешнего вечера жених с невестой поладили на том, что вначале будет совместная прогулка, потом Глодия и Салинса поедут кататься с госпожой Армилой, а Дирвен прошвырнется по городу с приятелями. И всем хорошо, правда же? Но на бульваре Шляпных Роз на него напало мрачное настроение. Вот он – дворец бесконечно подлой сволочи, к которой Дирвен, стыдно сказать, приворожен, а в локоть мертвой хваткой вцепилась Глодия, и никакого просвета в этом кромешном сволочизме…

Эдмар силком скормил Дирвену пирожок с приворотным зельем, после того как Дирвен попытался угостить его пирожками с крысиным ядом, чтобы поквитаться за ту паскудную историю с куджархом. Маги Ложи так и не смогли снять с первого амулетчика приворот и в конце концов махнули рукой – мол, как-нибудь перетерпишь. И что ему теперь делать?!

Дирвен угрюмо глядел на дворец Тейзурга: засадить бы туда каменной глыбой из самой большой амулетной катапульты, да так, чтобы снесло дурацкую башенку с флагом… Уж он бы не промазал! А раз нельзя прямо сейчас это сделать, хорошо бы сорвать злость на каком-нибудь другом придурке. Вокруг полно гуляющих, но если он первый затеет ссору с представителем высшего общества или с почтенным чиновником, неприятностей не оберешься.

Подходящего придурка – ну, прямо как на заказ! – Дирвен заметил, когда их процессия поравнялась с оградой ненавистного дворца. Какой-то парень в плаще с капюшоном стоял столбом на тротуаре и глазел через решетку на выкрутасное сволочное здание.

Одежда не форменная, и ничего общего со столичной модой. Серый плащ с рукавами, длинный, просторный – такой сойдет скорее для путешествий, чем для прогулок по городским бульварам. Все остальное тоже выглядело неброско. Ясное дело, провинциальный наивняк прикатил в Аленду – может, впервые в жизни. Под низко нахлобученным капюшоном можно было разглядеть точеный профиль. Ага, еще и рожа смазливая, с неприязнью отметил Дирвен. Чего он, интересно, тут ошивается?

Судя по одежке, парень был не из тех, за кого можно получить выволочку от начальства. И в то же время не обтрепанный доходяга, у которого пальцы зябнут в драных перчатках и башмаки просят каши – к такому Дирвен не стал бы цепляться: во-первых, не стоит гневить Тавше Милосердную, а во-вторых, он же не какая-нибудь там сволота. Этот явно не из бедняков: все у него пошито из добротной ткани, и сапоги хорошие, так что можно поглумиться, не уронив своего достоинства.

– Эй, провинция, чего глаза вылупил? Никогда таких хором не видел?

Верная свита засмеялась, Глодия с Салинсой тоже захихикали.

До приезжего болвана не враз дошло, что обращаются к нему. И до Дирвена тоже кое-что дошло с задержкой… Вот проклятье, это маг! Амулеты не сразу предупредили о волшебстве, словно в первый момент что-то сбило их с толку.

Парень медленно, словно очнувшись от забытья, повернулся, в тени капюшона блеснули темные глаза.

– А тебе никогда не били рожу за наглость?

Огрызнулся, словно на ровню – значит, маг плевого уровня или студент Академии. Кто-нибудь рангом повыше разорался бы насчет субординации. Видно, что молодой, если и старше Дирвена, то не намного. Сам виноват, что оделся по-простецки, да еще ошива-

ется возле дворца Самой Главной Сволочи. Понятно, что не соглядатай Ложи, те не торчат на виду.

– Тебе, что ли, свидание тут назначено? – презрительно фыркнул первый амулетчик. – Что ж ты цветочков по дороге не прикупил?

– А ты и без цветочков выглядишь дураком.

Смотрел он так, словно того и гляди врежет.

– Думаешь, провинция, я тебе не наваляю?

– Рискнешь попробовать?

В груди у Дирвена словно пружина распрямилась: драка – это куда лучше, чем Глодия и Салинса с их горластой мамашей, Самая Главная Сволочь со своими ухмылками, придирчивые и скаредные архимаги… Его, конечно, за это отчитают, ну да наплевать.

Девицы повисли на нем с двух сторон, но он вывернулся и отпихнул их. Швырнул на руки парням подбитую мехом куртку, а этот придурок даже плащ не сбросил и капюшон не откинул. Ладно, ему же хуже.

Охрана первого амулетчика проснулась и встряла: воспрещается. Он возразил, что если без магии и без оружия, только на кулаках – тогда можно. Противник на это условие согласился. Дирвен пренебрежительно фыркнул: сразу видно, что маг он слабосильный, плюнь да разотри.

Парни окружили их кольцом. Глодия и Салинса забрались в коляску к госпоже Армиле, чтобы смотреть сверху, у всех трех зрительниц возбужденно раздувались ноздри и горели глаза. К толпе начали подтягиваться зеваки, а в меркнущем пасмурном небе, слегка подсвеченном бледноватой желтизной первых фонарей, замаячил силуэт крухутака.

Четверо охранников выдвинулись вперед: они будут начеку и не допустят членовредительства – вернее, пресекут любую попытку причинить вред их подопечному, так что у Дирвена преимущество. Но это справедливо: лучший амулетчик Светлейшей Ложи против ерундового мага – все равно что принц крови против какого-нибудь задрипанного баронишки. Придурок сам напросился.

– Ну, держись, провинция! – зло усмехнулся Дирвен.

Когда гнупи явились пред очи господина, тот едва встал с постели и пил свой «утренний кофе», хотя для почтенных людей время близилось к ужину. Ему прислуживали две сурийские наложницы. У одной роскошные иссиня-черные волосы были заплетены в косу, перевитую золотыми лентами, у другой уложены в высокую прическу, украшенную шпильками с золотыми птицами.

Вначале необразованные смертные девки до визга пугались гнупи, но скоро привыкли и осмелели, уверившись в том, что без дозволения господина подневольный народец даже глянуть на них лишний раз не посмеет. Самое обидное, что так оно и было. Впрочем, сейчас наложницы визитеров не видели, только слышали их голоса.

– Господин, у нас беда приключилась, – льстиво-озабоченным тоном сообщил Вабро, не поднимая склоненной головы.

Повисла пауза.

– Хм… Итак?

– Очень огорчительная беда…

Жмур мялся, «толок кисель в ступе»: по дороге так и не придумал, как рассказать обо всем, что случилось, не навлекши на себя гнев мага.

Новую затянувшуюся паузу нарушил горестный вопль Шныря:

– Крыска моя пропала! Была и нету, ворюга ее на крышу закинул, а ворона – хвать! Господин, защитите сиротинушек, а то нет у меня больше крыски, ворона склевала…

– Это и есть ваша огорчительная беда? – осведомился господин Тейзург с искренним изумлением, хотя ему привычней было комедию ломать, словно актеру на подмостках. – Вы, мерзавцы, понимаете, что мое время бесценно?

Гнупи съежились и закивали, один Шнырь запальчиво возразил:

– Моя крыска тоже бесценна, а он ее назад не отдал!

– Хвала сонхийским богам. Если это та дохлая крыса, которая торчала у тебя из-за пазухи вчера вечером, она уже начала разлагаться. Эпидемия в мои ближайшие планы не входит, так что нечего разносить заразу, не говоря уж о вони.

– Своя добыча всегда хорошо пахнет, – тихонько, но упрямо пробормотал Шнырь ходовое у гнупи присловье.

Как известно, опасная для людей зараза волшебный народец не берет.

– Не серчайте, господин, но крыску-то он отнял, потому что нас *увидел*. – Золотая Серьга наконец сообразил, как повернуть разговор, чтобы не схлопотать. – Ваши чары сильны, и для всех прочих мы были невидимками, как вы и посулили, а этот рыжий, и откуда он только взялся на наши головушки, сразу нас углядел, вот в чем состоит беда. А мы поначалу шибко удивились, не знаючи, как действовать.

– Идет он мимо помойки, видит – мы, и полез крыску отнимать! – подхватил Шнырь. – Верно Словоплет сочинил, злой ворюга-крысокрад всякого обидеть рад!

– А вот это уже интересно, – задумчиво произнес господин, махнув рукой своим полюбовницам, чтобы те удалились. – Вабро, сделай одолжение, расскажи в подробностях, что случилось и что это был за супостат?

– Мы, господин, ваше повеление выполняли, донимали тех негодяев, на которых вы гневаетесь. Было это на помойке за Кирпичным рынком, и вдруг подваливает этот маг и говорит, мол-де оставьте их в покое. Мы, известное дело, давай возражать, а он в ответ тоже давай колдовать, да так чудно́ – ни одного заклятья, попросту швырялся силой, как грязью!

– А я в него крыской попал!

– Шнырь не оплошал, попал ему прямо в лоб, чтобы знал рыжий супостат, как воле нашего господина перечить!

– А он подобрал мою крыску и не отдает, зашвырнул на крышу, а ворона тут как тут!

– А в это время на рынок пришла злыдня всех-на-куски, и этот рыжий, как очумелый, кинулся ее убивать. Заколдовал так, что она сама на куски разлетелась, а больше никого не разорвало. У одного смертного, сказывают, ее кишки на шляпе повисли, вот потеха, и этот пентюх как заорет с перепугу – смирная лошадь шарахнулась на прилавок с посудой, все тарелки вдребезги! Маги понабежали-понаехали, давай выяснять, и теперь они по всему городу рыжего негодяя ловят. А наши три нищеброда улизнули, но вы не сердитесь, господин, найдем мы их, пуще прежнего сладкую жизнь им закатим!

Господин слушал доклад Жмура с невозмутимым лицом и одновременно черкал карандашом на салфетке.

– Винимся мы перед вами, господин, не гневайтесь! – перешагнув через гордость, заключил Вабро.

– Это он? – Тейзург показал салфетку с рисунком.

– Он, как есть он!

– Тот самый ворюга!

– Ну, прямо точь-в-точь похож!

– Как вылитый!

Не удовлетворившись этим, маг сделал небрежный жест, и в воздухе мгновенно соткался волшебный портрет.

– Да, да, он! – завопил Шнырь, от полноты чувств погрозив изображению кулаком. – У, ворюга-подлюга…

Остальные поддержали его негодующим хором.

– Сногсшибательно… – процедил господин с непонятной интонацией. – Вы думаете, я удивлен? Ничуть. Мерзавец в своем репертуаре. И заметьте, своих палачей он пожалел, а бедного Шныря с его драгоценной крыской не пожалел…

– То-то и оно, нисколько не пожалел! – поддакнул маленький гнупи.

– И то, что его занесло на помойку, тоже, увы, знакомо. Не в первый раз. Нет бы отправился в Парк Изваяний при храме Кадаха Покровителя Искусств, или на Холм Лягушачьих Галерей, или на Кружевной мост – да мало ли в Аленде очаровательных местечек? Как бы не так, он верен себе, – казалось, каждое слово, произнесенное Тейзургом, сочится ядом. – Довольно давно и не в этом мире ему предстояло любовное свидание – романтическое, изысканно-пряное, сулящее утонченные переживания самой высшей пробы… И что же? Мерзавец малодушно сбежал на местную свалку, где чуть не умер от переохлаждения и жажды. Такой анекдот получился, что хоть смейся, хоть плачь.

– Дамочка-то, которая ждала его на свиданку, небось, ждет и ждет, а хахаль на помойке шастает! – давясь смехом и пихнув локтем в бок Словоплета, вымолвил Чун Клешня. – С дохлыми крысками целуется, как наш Шнырь… Ой, умора! Наверное, дамочка обиделась и другого хахаля себе завела?

– Дамочка, если считать, что сие определение здесь уместно, была безутешна, – произнес господин ледяным тоном.

Гнупи приумолкли, уловив внезапную перемену его настроения.

– Опять мы ему, что ли, что-то опошлили? – испуганно шепнул Словоплет.

– Да поди разбери, – еле слышно отозвался Дергун, на всякий случай втянув голову в плечи.

Поначалу гнупи осмеливались дерзить своему повелителю, но он их быстро от этого отучил.

– Найдите мне этого рыжего, – велел Тейзург. – Приступайте немедленно и позовите всех остальных, пусть тоже ищут. Как найдете – известите меня тотчас, чем бы я ни занимался. Ступайте! Вабро, Шнырь, останьтесь, расскажете мне все еще раз в подробностях.

Господин начал задавать вопросы, по этой части он был въедлив, словно крохобор, пересчитывающий свое добро до последней мелочовки. Приходилось все припоминать и выкладывать без утайки. Впрочем, продолжалось это недолго: дружный топот – и в комнату ввалились Дергун, Клешня, Словоплет и Попрыгун.

– Нашли, господин! Уже нашли! Нам только велите чего – мигом спроворим, оглянуться не успеете!

– Где он?

– Да прямо здесь нашелся! Мы на улицу, а там они с Дирвеном возле самых ваших ворот дерутся, уже и рожи друг дружке до кровищи разбили!

– А вокруг тьма народу собралась, кто полицию поминает – мол, куда смотрят, кто подзуживает…

– Огроменная толпа сбежалась, как на ярмарке, и всего-то в двух шагах за вашими дворцовыми воротами, господин, без всякого страху перед вами!

– И еще, господин, рожи-то у них у всех энти самые – вульгарные, ну как есть вульгарные, нам аж обидно за вас стало!

Тейзург вскочил и ринулся к двери, только плеснули серебристо-лиловые шелка его элегантного домашнего одеяния.

– Помчался, ровно с ведром на пожар, – удовлетворенно заметил вслед Чун Клешня, прислушиваясь к замирающим стремительным шагам. – Уж он им задаст! Он же не любит, когда возле его дома какие-нибудь, как он это называет, вульгарные безобразия творятся. Помните, что было, когда здесь пьяный горланил?

Гнупи осклабились, вспоминая. Вабро угрюмо теребил серьгу, прикидывая, можно ли считать, что гроза миновала.

– Щас он из ворот как выскочит и обоим наваляет, – добавил Клешня с мечтательной разбойничьей ухмылкой.

Не то чтобы ему хотелось сцепиться с этим парнем, но он чувствовал, что нет шансов уйти по-хорошему. Те, кто о нем знает, где-то рядом. Если ввязаться в уличную ссору, преследователи, возможно, решат, что он не тот, кто им нужен.

Заносчивый конопатый юнец, которого звали Дирвен – это можно было заключить из возгласов: «Дирвен, давай! Дирвен, врежь провинции!» – оказался ловким, быстрым и хорошо подготовленным. Хотя не сказать, чтобы он ему в чем-то уступал. Несколько раз друг друга достали. Мелькнула абсурдная надежда, что, может, после пропущенного удара по голове вернется память, иногда же бывает… Но единственным результатом мордобоя стало то, что у него съехал капюшон.

Кто-то крикнул:

– Это рыжий с рынка, берите его! Дирвен, назад!

Дирвен не послушался, мальчишеские светло-зеленые глаза горели злостью и азартом.

Приближение чего-то опасного: как будто надвигается темный смерч, пронизанный фиолетовыми, изумрудными и синими змеящимися взблесками, и он с этим смерчем хорошо знаком… Вперебивку две мысли: «Ну, наконец хоть что-то знакомое!» и «Вот только его здесь не хватало!»

На них набросилось несколько человек: распалившегося Дирвена – оттаскивать, а его – обездвиживать. Действовали профессионально, какой-то магический прием, от которого он не успел защититься, и руки онемели. В тот же момент лязгнула чугунная калитка, и всех вместе как будто закрутило вихрем, так что процедура захвата превратилась в кучу-малу, а потом его рванули за шиворот, проволокли несколько шагов и отпустили. Не устояв на ногах, он уселся в сугроб.

Когда зрение вновь сфокусировалось, он обнаружил, что находится уже по ту сторону литой узорчатой ограды, около фонтана с мраморными девушками.

Длинноволосый парень в роскошном переливчато-лиловом одеянии с орнаментом в виде ветвящихся грибов – тот, кого он на уровне нематериального воспринимал как «темный смерч» – оглянулся через плечо:

– Здесь тебя арестовать не смогут. Все прекрасно, сейчас я их спроважу.

И повернулся к калитке, возле которой остановились преследователи.

– Не сказал бы, что все прекрасно, – пробормотал невольный гость, но этого никто не услышал.

В щеку ткнулся холодный собачий нос: мол, я-то с тобой.

Уже знакомый пес сидел рядом, в ранних белесых сумерках он был одним цветом с сугробами.

– Ты ведь не обыкновенная собака, верно? – шепнул рыжий. – Ты появляешься, когда ветер дует с севера.

Дирвен никак не ожидал, что Самая Главная Сволочь, в изысканных китонских шелках с запретными для простых смертных королевскими поганками, выскочит из своих хором, чтобы лично навалять участникам инцидента. Пусть не собственноручно, а посредством заклинаний, все равно чворкам на смех, потому что не по чину. Тем более, их с провинциалом и так уже начали разнимать набежавшие маги Ложи, которым от остервеневшего Эдмара тоже перепало. Кто согнулся в три погибели, кто едва не угодил под копыта лошади, запряженной в коляску госпожи Армилы… Самого Дирвена отбросило к фонарному столбу.

– Эдмар, ты совсем чокнулся?!

Его вопль остался без ответа.

Тейзург стоял в проеме калитки, загородив дорогу магам, которые порывались зайти во двор.

– Господа, позвольте напомнить о том, что мое скромное жилище – суверенная территория Ляранского княжества, обладающая официально присвоенным статусом дипломатической неприкосновенности, незаконное вторжение влечет за собой служебное расследование и карается штрафом.

Произнесенная надменным тоном бюрократическая фраза возымела действие: функционеры Ложи перестали напирать и на несколько шагов отступили.

– Достопочтенный коллега Тейзург, на вашу территорию забежал человек, которого мы должны задержать, – возразил старший по рангу. – Позвольте нам его забрать.

Недавний противник Дирвена сидел в сугробе и выглядел оглушенным. Вовсе не забежал он туда, Эдмар сам уволок его на свою территорию.

– Вы имеете в виду моего наемника?

– Нам желательно получить от него некоторые объяснения, – сказал маг после заминки, во время которой обменялся мыслевестями с начальством.

– Он работает по найму, так что за все его действия несу ответственность я. – Тейзург говорил учтиво, но с оттенком издевки. – За объяснениями вашему руководству надлежит обратиться ко мне. Я готов внимательно выслушать все жалобы по поводу работы моего боевого мага, а также принять благодарность за то, что он исправил ошибку Светлейшей Ложи, в последний момент уничтожив на Кирпичном рынке ужасательницу, которая намеревалась совершить массовое убийство. Если он при этом отдавил кому-то ногу или побил выставленные на продажу горшки – с претензиями тоже ко мне.

Должно быть, за этим опять последовал спешный обмен мыслевестями, после чего старший из магов сдержанно поклонился.

– Достопочтенный коллега Тейзург, произошло недоразумение, о котором руководство Ложи сожалеет.

Собеседник даже ответным кивком его не удостоил. Повернулся и пошел, калитка сама собой захлопнулась, с чугунных завитков посыпались снежинки. Эдмар помог рыжему наемнику подняться на ноги и сам повел его к крыльцу, вышедшим слугам оставалось только распахнуть перед ними дверь, за которой виднелось залитое светом помещение.

Зеваки расходились. Румяные от холода торговки, продававшие шоколад, леденцы, жевательный табак, вязаные перчатки и книжечки с занятными историями в картинках, бойко сновали в толпе, предлагая свой товар. Каждую из них сопровождал вечерник – мальчишка или девушка с переносным масляным фонарем, пока еще не зажженным. В последнее время Ложа начала экономить на заклинаниях, усиливающих яркость уличного освещения, и спрос на вечерников резко вырос. Без них торговлю вразнос приходилось бы сворачивать сразу после захода солнца.

Глядя на закрывшуюся дверь сволочного дворца, Дирвен сглотнул застрявший в горле комок: он чувствовал себя обманутым и оскорбленным.

– Опять ты перед людьми опозорился! – стесненно и в то же время с долей злорадства проворчала Глодия – она выбралась из коляски и стояла рядом. – Ты подумал, что про тебя люди подумают?

– Я убью этого Эдмара, а потом поимею, а потом опять убью! – уж очень хотелось высказаться, но он процедил это невнятно, чтобы никто не разобрал ни слова.

– Что-что ты сказал?

– Сказал, сама дура! – рявкнул жених и махнул рукой своим приятелям: – Идем отсюда куда-нибудь, где сволочей нет!

В этот раз белый пес надолго не задержался. Дал о себе знать – если что, я тут как тут, только свистни – и рассыпался снежной поземкой. Когда вернулся от ворот хозяин дворца, его уже не было.

– Ты подрался с Дирвеном у меня под окнами, с ума сойти, на такую феерию я не рассчитывал!

Руки все еще частично парализованы. Использованное против него заклятье ударило по нервным центрам. Чувствительность возвращалась, но слишком медленно. Союзник – если это и впрямь союзник – помог ему встать. Сумерки растекались холодным молоком, скрадывая очертания и добавляя в мир зыбкой вечерней хандры.

– Кто такой этот Дирвен?

– Первый амулетчик Светлейшей Ложи. Идем.

Он замешкался: стоит ли принимать приглашение? С одной стороны, за воротами его наверняка арестуют, а с другой…

– Неужели ты меня боишься? – Его спаситель с веселым удивлением приподнял бровь. – Брось. Во-первых, время наших взаимных недоразумений, как ты и сам прекрасно знаешь, давно прошло. Во-вторых, на данный момент ты один из сильнейших в Сонхи боевых магов. В-третьих, Северный Пес не станет докучать своему хозяину мелочной опекой, но того, кто причинит тебе вред, он порвет в клочья, а я, знаешь ли, не безумец, несмотря на мою неоднозначную репутацию.

– Разве я хозяин Повелитель Зимней Бури?

– О, ты употребил старинный оборот, сейчас его не величают этим титулом… В давние времена и не в этой жизни ты был хозяином всей четверки Великих Псов в силу, так сказать, занимаемой должности. Северный до сих пор признает тебя таковым вопреки всем формальностям. В-четвертых, ты ведь уже принял мое приглашение, неужели пойдешь на попятную? И, наконец, в-пятых – ты же у нас видящий! Разве я замышляю что-то враждебное?

Он ощущал какой-то смутный подвох, но не мог определить, в чем этот подвох заключается. Смертельной угрозы нет, и недобрых намерений у собеседника вроде бы нет, но что-то здесь не так… Впрочем, разве у него есть другие варианты?

Внутри сияли магические лампы – лилии, пауки и морские звезды из переливчато-льдистого хрусталя. На капителях нефритовых колонн среди лиственного орнамента притаились искусно вырезанные из зеленоватого камня насекомые и охотящиеся на них хамелеоны. Кран умывальника в роскошной туалетной комнате был сделан в виде золотой змеи с рельефной чешуей и разинутой пастью.

– Так в Аленде все-таки есть горячая вода?

Это его приятно удивило. Даже тот факт, что лицо разбито в кровь, перед этим замечательным открытием отодвинулся на второй план.

– У меня – есть, – ухмыльнулся собеседник, которого он сейчас видел позади себя в зеркале. – Когда я дома, я сам ее грею для хозяйственных нужд с помощью заклинания. В мое отсутствие прислуга управляется традиционным способом, за этой стенкой у нас медный бак и печка. Водопровод здесь, увы, только холодный. Впрочем, и на том спасибо. Повар уже приступил к священнодействию, а пока – по чашке кофе?

– У тебя даже кофе найдется? А то мне уже объяснили, сколько он тут стоит…

– У меня найдется все, что пожелаешь.

Небольшая комната с мягкими креслами и инкрустированным столиком из полированного кварца всех оттенков тумана. Уютный полумрак. По углам серебряные канделябры с волшебными огоньками вместо свечей. Стенные панели светлого дерева покрыты резьбой – папоротники, хвощи, какие-то неведомые оборчатые грибы, и все это сплетается в убаюкивающий хоровод…

Он насторожился, но никакой магии в узорах не обнаружил: всего лишь впечатление от работы гениального резчика.

В арочных нишах лаконичные рисунки на желтоватой бумаге с загнутыми, как у раскатанного свитка, краями: кружащийся в воздухе багряный лист, спаривание черных в алую крапинку насекомых, полосатая рыбина среди красно-бурых водорослей.

В четвертой нише висела серебряная маска. Лицо с пустыми прорезями глаз явно нечеловеческое – и в то же время смутно знакомое.

– Мой портрет, – перехватив его взгляд, пояснил хозяин. – Из прошлой жизни. Иногда предаюсь ностальгии.

«Из прошлой, но похож. Когда же ты, наконец, назовешь меня по имени? А то хотелось бы узнать, как меня зовут…»

Безмолвный слуга поставил на столик поднос с кофейником, сливочником, сахарницей и двумя чашками. Роспись на белоснежном фарфоре изображала тонконогие грибы, напоминающие серое паутинное кружево.

– Китонский фарфор. Помнишь, я тебе о нем рассказывал?

О нелюдской стране Китон, которая находится у подножия Унского хребта в озерном краю, он знал. Однако никаких рассказов на эту тему не помнил. Впрочем, знание должно было откуда-то взяться, верно?

– Красиво, – заметил вслух.

– Ты по-прежнему пьешь кофе с сахаром и сливками? – Легкий оттенок превосходства в тоне собеседника позволял заключить, что сам он предпочитает черный кофе, без всего.

– Наверное, да.

Едва уловимая насмешка во взгляде слегка сощуренных длинных глаз, лиловато-зеленовато-серых: мол, так я и думал.

Гость ощутил раздражение. Этот субъект всегда его невыносимо раздражал. С самой первой встречи: мало того что Вторжение и война, так еще этот бесов демон привязался! Хотя сейчас он уже не демон… Всплыла в памяти ядовитая фраза: «Из нас двоих исчадие Хиалы вроде бы я, а злишься по всякому поводу ты». И вслед за этим накатила дурнота, словно заглянул в пропасть, потому что фраза эта всплыла с такой бездонной глубины, из такой ужасающей дали времен, куда нельзя смотреть без риска для рассудка.

Чуть не расплескал кофе. И, должно быть, переменился в лице, потому что собеседник с тревогой спросил:

– Что с тобой?

– Ничего.

«Я должен вспомнить свое настоящее. Или, на худой конец, обзавестись каким угодно настоящим – чтобы не проваливаться, куда не надо».

– Не тошнит?

– Череп у меня цел, если ты об этом.

В подтверждение своих слов он отхлебнул кофе.

– Может быть сотрясение мозга.

– Если и есть, ничего серьезного.

В течение некоторого времени они играли в молчанку, потом собеседник заметил:

– Можно подумать, ты забыл, как меня зовут.

– Я забыл, как *меня* зовут. И как тебя – тоже. Не говоря обо всем остальном.

В ответ его оделили участливо-подбадривающим взглядом: мол, не надо волноваться, я с тобой и все под контролем.

– Судя по тому, что я наблюдаю, ситуация далека от истинного трагизма. Ложкой ты пользоваться не разучился – вполне уверенно положил и размешал сахар, уже хорошо. Драться тоже не разучился. Судя по твоим действиям на рынке, все боевые навыки при тебе.

Разговариваешь связно, ахинеи не порешь. Не утратил базовых представлений о комфорте – ценишь кофе и горячую воду, тоже радует.

– Я помню, что со мной было вчера, но не помню, что было позавчера и раньше. Там как будто все заметено снегом, и я не могу сквозь него пробиться.

Последняя фраза прозвучала, как та самая ахинея, за отсутствие которой его только что похвалили.

– Похоже на результат колдовства, – задумчиво произнес гостеприимный хозяин. – Выпей еще кофе и расскажи во всех подробностях, что с тобой произошло.

– Может, сначала представишься?

– Потом. Вдруг сам вспомнишь?

Возникло впечатление, что собеседник мухлюет: хочет узнать побольше, придержав до поры свои козыри. Но зачем ему это и в чем тут ловушка?

«Допустим, мне было известно о нем что-то неблаговидное, и он хочет убедиться, что теперь я об этом напрочь забыл?»

Гость молча пил вторую чашку кофе, разглядывая своего визави. Удлиненное, суженное к подбородку лицо обладало несомненным сходством с изящной треугольной маской в нише. Насмешливый рот паяца несколько великоват, зато прямой нос вылеплен безупречно. Глаза подведены, брови выщипаны и тоже подведены, однако за этим сквозило скорее неистребимое актерство, чем присущее мужчинам определенного склада жеманство. Тем более что у него глаза игрока, с которым лучше не связываться. А волосы он выкрасил, надо полагать, ради сходства с флагом, который реет над крышей пресловутого иностранного представительства: иссиня-черный глянец с фиолетовыми и синими прядями. Быть может, ему по роду деятельности так положено?

– Ты дипломат?

– Я глава государства, – небрежно обронил хозяин резиденции. – И в том числе дипломат…

– Какого государства?

– Княжество Лярана. Небольшое, но с интересными экономическими перспективами. Находится в Суринани, в пустыне Олосохар – словно драгоценность, затерянная среди бледно-золотых барханов и Ирбийских скал, похожих то ли на древние руины, то ли на разбитые раковины. Давай сначала о тебе. Расскажи, что ты помнишь.

Не вызывал он доверия. Если б было что скрывать, не стал бы с ним откровенничать… Но в этом никакого смысла: все, что происходило раньше вчерашнего дня, и так скрыто под снегом забвения.

Гость помнил о себе всего ничего, поэтому повествование заняло немного времени.

– Узнаю сонхийских магов! – фыркнул правитель Ляраны. – Так заколдуют, что хоть рыдай, хоть смейся – и при этом запланированного результата все равно не добьются, зато добьются, хм, чего-нибудь другого… Незапланированного и загадочного. Со мной вышла похожая история. Они хотели от меня отделаться и закрыть мне дорогу в Сонхи, а вместо этого, бестолочи этакие, заперли меня здесь на добрый десяток лет. Сам понимаешь, тем хуже для них. Что же касается твоего случая… – Он помолчал, задумчиво разглядывая свои ногти, коротко подрезанные, но покрытые черным лаком с фиолетово-зелеными переливами. – Мне сдается, те, кто это сделал, намеревались лишить тебя знаний и умений по части боевой магии, но получилось у них не ахти что… Хоть ты и позабыл, с какой целью прибыл в Сонхи, сегодня ты сорвал им праздник.

– Кого ты имеешь в виду?

– Ну, не гнупи же. Тех, кто отправил смертницу с «ведьминой мясорубкой» на Кирпичный рынок.

– Гнупи я тоже сорвал праздник… Постой… Я ведь об этом не сказал, откуда ты знаешь?

– От них и знаю. – Длинные насмешливые губы изогнулись в ухмылке. – Паршивцы уже успели нажаловаться, что ты злодейски обидел сиротинушек и отнял крыску.

– Так они подчиняются тебе?! Ты и есть их господин?

– Не вижу смысла отрицать. Еще кофе?

– Зачем ты натравил их на тех больных оборванцев?

– Пардон, маленькая поправка: я натравил их на палачей, которые некогда истязали в моем присутствии дорогого мне человека. Ничего не поделаешь, я злопамятный. – Радужка его глаз изменила цвет, сверкнув хищной желтизной. – Срок давности в данном случае не имеет значения.

– Золотоглазый… Тебя ведь так называют? Или когда-то раньше называли?

– О, смотри-ка, что ты вспомнил! Это мое очень давнее прозвище. Теперь меня зовут Эдмар. Или Тейзург. Второе имя я использую, как фамилию.

– У тебя было еще какое-то имя…

– И не одно, – усмехнулся Эдмар. – Мало ли, что там было в прошлых жизнях и в других мирах, здесь и сейчас это не имеет значения.

Ему, напротив, казалось, что это важно, и он пытался дотянуться до ускользающего воспоминания: словно колючая ядовитая водоросль колышется в толще зеленой воды, и никак ее не схватить… Это видение становилось все более смутным, как будто тебя относит течением в сторону, и вот уже никакого имени, похожего на водоросль, да и сама картинка утратила яркость и осязаемость.

– Теперь твоя очередь кое-что рассказать. Ты знаешь, где я живу?

– Здесь, где же еще? Я уже распорядился, чтобы для тебя приготовили комнаты.

– С какой стати? – Он чуть не поперхнулся кофе.

– Соблюдаю наш договор. – Золотоглазый слегка развел руками, изобразив удивление. – Пусть ты о нем забыл, я не собираюсь пользоваться ситуацией, чтобы выгадать на мелочах. Как твой работодатель, я принял обязательство помимо выплаты гонорара обеспечить тебе стол и кров, а также при необходимости лечение за свой счет.

– Ты – мой работодатель?..

Одно он знал наверняка: видеть этого Эдмара своим работодателем ему хотелось бы в последнюю очередь. Спасибо. Уж лучше в петлю.

– О, у тебя такое выражение лица, словно ты обнаружил у себя в чашке дохлого паука. Или живого, еще того хуже… Позволь полюбопытствовать, в чем дело?

– И я согласился у тебя работать?

– Поскольку ты взял некоторую сумму денег в качестве аванса и прибыл в Аленду, можно заключить, что да. – В глазах у Эдмара, явно наслаждавшегося разговором, плясали бесенята.

«Как меня угораздило?..»

– Польщен, – произнес собеседник светски невозмутимым тоном, словно прочитав его мысли. – Если честно, ты согласился на мое предложение не сразу, и мне стоило немалого труда тебя уговорить. В конце концов ты внял моим доводам, чему я безмерно рад. Полагаю, мне стоит повторить их, чтобы ты вновь принял то же самое решение. И не надо смотреть на меня с таким скептическим прищуром, ты ведь уже приступил к выполнению своей работы.

– Когда?..

– Сегодня, на Кирпичном рынке, когда перехватил убийцу. Тем, кто пытался тебя арестовать, я сказал истинную правду. Давай для начала ты меня выслушаешь. Ты ведь в любой момент можешь разорвать наш контракт и уйти, кто же тебя удержит против воли?

«Вот только идти мне некуда. Обратную дорогу замело снегом».

– Ладно, я слушаю.

Тут же мелькнула мысль, что он совершает ошибку: не стоит слушать Тейзурга, который всегда славился умением кого угодно сбить с толку, да притом не прибегая к магии.

С другой стороны, хорошо бы узнать, что здесь творится. Пусть даже из такого источника.

– Давным-давно в Западной Суринани было княжество Ктарма. Прелестное название «ктарма» на местном наречии значит «жемчужина». Маленькая страна процветала, но потом ее, как водится, завоевали и разорили. Как утверждают легенды, жизнь там была счастливая, истинный золотой век, ибо ктармийцы все поголовно были образчиками добродетели. С полвека тому назад в Суринани появилась тайная организация, называющая себя Ктармой. Та еще жемчужинка. Суть их учения можно вкратце сформулировать как «всех убьем и, когда никого, кроме нас, не останется, заживем счастливо и праведно, радуя богов примерным поведением». У Ктармы есть покровители, которые используют ее против своих оппонентов. Овдаба, извечный конкурент Ларвезы по части геополитических интересов, успела раньше, и теперь посланцы Ктармы регулярно борются против неправедной жизни на ларвезийской территории. Как они это делают, ты уже видел. Та милая дама, с которой ты сегодня свел знакомство, должна была побороть неправедность в масштабах Кирпичного рынка, тем самым приблизив наступление пресловутого всеобщего счастья, да минует нас сия омерзительная напасть.

Никаких расхождений с тем, что ему удалось «считать» со смертницы. Правда, считаная информация оставляла желать лучшего – клубок смутных впечатлений, среди которых выделялась угрюмая враждебность ко всему окружающему миру, живущему без оглядки на Правильное Учение, и задавленный страх, потому что вдруг боги не возрадуются жертве, не вознаградят свою верную слугу… Однако этого хватило для вывода: Эдмар, как ни странно, не морочит ему голову. Или, может, в чем-то и морочит, но не на эту тему.

– До недавних пор ктармийские ужасатели наносили удары по рынкам, вокзалам и людным площадям, обычная для таких организаций тактика, но с полтора месяца назад они замахнулись на святое – на мои кофейные плантации.

– Хочешь сказать, твои плантации стоят дороже человеческих жизней?

– А ты верен себе, – усмехнулся Тейзург. – Не разделяю, но умиляюсь. Видишь ли, мои ляранские плантации – это единственное в Сонхи место, где растет кофе, саженцы я доставил сюда из другого мира. Кстати, кофе, который ты сейчас пьешь, сварен из иномирских зерен, он не то что на вес золота – он в Сонхи дороже золота. Ну вот, опять поперхнулся… Право же, напрасно, таким образом ты переводишь драгоценный напиток на брызги, вместо того чтобы наслаждаться каждой каплей. Беда в том, что новую партию кофе я в ближайшие десять лет раздобыть не смогу, ибо эти бестолочи, здешние маги, заперли меня в Сонхи. Восхитительный штришок: *не нарочно*. Миллион лет тому назад здесь тоже росли кофейные деревья, но потом они по неведомой причине исчезли с лица земли. Теперь ты понимаешь, насколько важно, чтобы с моими плантациями ничего не случилось? Если они будут уничтожены, Сонхи останется без кофе, а я не выполню свои договорные обязательства и понесу убытки. Впрочем, ты никогда не придавал значения презренным мелочам. В тот раз, когда ты утопил в океане мое оборудование… Помнишь?

– Нет.

Эдмара отрицательный ответ ничуть не расстроил.

– Кофе не растет в засушливой местности, так что после захвата Ляраны мне пришлось повозиться с климатом. Я изменил русло реки Шеханьи, организовал строительство оросительных сооружений и превратил свою территорию в цветущий край. Хвала здешним богам, в Сонхи деятельность такого рода не порицается, а в прошлом рождении я жил в мире,

где хозяйственные занятия считаются предосудительными – по крайней мере, для утонченной знати того общества, к которому я принадлежал. Можешь себе представить, сколь причудливый там царил бардак?

Он пожал плечами, про себя отметив, что его, похоже, проверяют: вспомнишь – не вспомнишь?

– Князья-соседи настроены ко мне недружелюбно, якобы я сманиваю их подданных – ничего подобного, те сами перебегают в Лярану, потому что я меньше притесняю и угнетаю. А претензии по поводу того, что я увел с прежнего места речку, и вовсе смехотворны. Согласись, река сама разберется, где ей больше нравится течь. Воевать со мной желающих нет, но эти мерзавцы начали привечать Ктарму, которая издавна пользуется в Суринани большим влиянием. Заслали ужасателя с «ведьминой мясорубкой». Хвала демонам, до магистральной трубы мелиорационной системы, обеспечивающей на плантациях искусственный дождик, этот огрызок праведной личности не добрался. Сработало мое заклинание, которое отреагировало на «мясорубку» и вышибло ее в Хиалу вместе с носителем, но в момент провала начинка рванула, и пострадали ближайшие деревья. Бóльшая часть смертоносной волны ушла в Хиалу, для Нижнего Мира такие встряски не опасней, чем горсть горошин для каменной стены, однако Ктарму это не извиняет. Я полагаю, что ее давно пора уничтожить, и для этой авантюры мне нужен помощник, – глядя выжидающе, Эдмар улыбнулся уголками губ, похожих на насмешливый полумесяц. – Что скажешь?

– Я участвую.

– Счастлив это услышать. В моем доме тебе будут подавать кофе каждый день, с сахаром и со сливками, хотя, между нами говоря, последнее меня печалит.

– Сливок жалко? – поинтересовался наемник.

Утвердившийся в своих правах работодатель одарил его лучезарной ухмылкой:

– Разбавлять ими кофе, ты уж прости, признак небезупречного вкуса. Я угощаю сливками гнупи, когда те заслужат награду. Сегодня, пожалуй, заслужили: вовремя сообщили мне о твоем появлении. Если б не они, ты бы сидел сейчас не здесь, а в кутузке, и пил бы не кофе, а тюремное пойло.

– Зачем ты прикармливаешь этих мелких мерзавцев? Они же людям пакостят.

– Да брось, по сравнению с тем, как люди пакостят друг другу, проделки гнупи – невинное баловство. Они забавные. Полезные исполнители и восхитительный театр – и то, и другое сразу. Ты их еще оценишь. И если захочешь кофе с пряностями по какому-нибудь оригинальному рецепту, не стесняйся высказывать свои пожелания вслух.

– Необязательно. – Он постарался скрыть так и не угасшую настороженность за кривоватой усмешкой. – Я наемник, а не коронованная особа с официальным визитом.

– Ты не простой наемник. Когда нанимают элитного боевого мага, который в придачу еще и *видящий*, надлежит обеспечить ему весь доступный комфорт. Это хороший тон, так принято. На специалистах твоего уровня не экономят. Станешь ли ты пользоваться всеми предложенными благами, включая ежедневную горячую ванну, массаж с ароматическими маслами и прелестниц из моего ляранского гарема – это уж как пожелаешь, мое дело обеспечить.

– Кто устроил мне блокировку памяти?

– Ктарма, кто же еще? Или ее овдейские покровители. Утечка информации исключена, своими планами на твой счет я ни с кем не делился, но у моих противников наверняка есть *видящие*. Могу предположить, что тебя атаковали сразу после того, как ты через Врата Перехода прибыл в Сонхи. О том, что вышло навыворот, они уже в курсе, благодаря твоему подвигу на Кирпичном рынке, так что нам с тобой надо быть начеку и ожидать новых покушений.

Врет или нет? То, что должно было просматриваться отчетливо, растекалось разводами, ускользало, переплеталось – словно вкрадчиво и плавно танцевали в темном омуте фиолетовые, черные, синие, изумрудно-зеленые змеи, подмигивая золотыми глазами. Он зажмурился и потряс головой, прогоняя видение. Тейзург – сильный маг, его не считаешь так же запросто, как ту «суку» на рынке.

– Что ты знаешь о моей жизни до вчерашнего дня? Что-то ведь знаешь?

– В общих чертах… Ты наемник-одиночка без определенного места жительства. Весьма дорогой наемник. Когда мы с тобой столкнулись в чужом мире, вначале мы были в разных лагерях, но потом оказались на одной стороне против общего врага. Впрочем, в первый раз мы встретились гораздо раньше – в Сонхи, в прошлых инкарнациях, этак с полтора миллиона лет тому назад. Ты, как и я, коренной сонхиец и теперь наконец-то вернулся домой.

Ага, он вернулся домой, он и без Тейзурга об этом знает… И все же была здесь какая-то недоговоренность: как будто в тумане слов скребется и царапается что-то, о чем не сказали.

– У меня в том мире есть семья, друзья, близкие люди?

– М-м, вряд ли… Ты ведь бродяга, сегодня здесь, завтра там, к тому же постоянно рискуешь. Никаких более-менее долговременных связей, да и зачем они такому, как ты? Дополнительный фактор риска: вдруг кого-нибудь из твоих возьмут в заложники, а разве оно тебе надо? Так что никого у тебя там не осталось. Может, чего-нибудь покрепче кофе? Из спиртного ты предпочитаешь полусладкое игристое вино, к пьянству не склонен. Если переберешь, рассудок останется ясным, но твой организм отреагирует на избыток алкоголя, как на отраву. Имей в виду.

– Учту. Сколько мне лет?

Эдмар загадочно сощурился:

– Не пробовал посмотреть в зеркало и определить на глазок?

– Пробовал. Не знаю, в чем фокус, но я наверняка старше, чем выгляжу.

– Фокус в том, что ты по своей истинной сути Страж Мира. В настоящее время ты не у дел – запасной Страж, которого долго носило по чужим пространствам вдали от Сонхи, но тем не менее… Вас, как и любого смертного, можно убить тысячей разных способов, но вы не стареете. Поскольку вас мало и вдобавок все вы маги, эта особенность не на виду. К тому же вы всегда готовы рискнуть жизнью по всякому подвернувшемуся поводу, как ты сегодня на рынке. О, еще один важный момент: никому ни при каких обстоятельствах ничего не обещай, если не собираешься сдержать слово. И тем более не давай клятв, для Стражей это чревато серьезными неприятностями. Было дело, ты присягнул на верность одному на редкость омерзительному лицемеру, своему тогдашнему учителю, но потом отрекся и, вместо того чтобы по его приказу уничтожить город вместе с жителями, встал на защиту обреченного городка. Ты в тот раз умер дурной смертью. Не проси меня объяснить, почему все так, а не иначе и каково тут хитросплетение причинно-следственных связей – я и сам хотел бы в этом разобраться. Просто прими к сведению: другим мухлевать можно, тебе нельзя.

Что-то в нем отозвалось коротким болезненным ударом: вот сейчас Тейзург точно сказал правду. Было на самом деле. И спасти тот город им так и не удалось.

Вслух он отрывисто произнес:

– Ладно, тоже учту.

– О чем же тебя еще надо предупредить?.. Ах да, держись подальше от Лилейного омута и ни в коем случае не лезь туда купаться, тебе это незачем.

– Может, теперь напомнишь, как меня зовут?

– Еще б я это знал. Мало ли, какими именами ты назывался в чужих краях… Да оно и не важно. Не лучше ли тебе взять сонхийское имя?

– Чтобы никогда больше не вспомнить, как меня звали раньше?

Зинта и кадахов монах предупреждали о такой опасности, и в этом был свой резон.

– Я ведь не предлагаю тебе назваться первым попавшимся именем. Не хватало, чтобы ты стал еще одним Понсоймом, Гефройсимом или Бельдо, их тут и без тебя, как гальки на пляже. В своей последней сонхийской инкарнации ты был Кеврисом, но не советую тебе брать это имя. Ты был тогда «сломанным магом», пострадавшим от проклятия, и ушел Вратами Хаоса – очевидно, с благим намерением спасти мир от самого себя. А в предыдущей жизни, когда случилась та печальная история с городом, тебя звали Хальнор Тозу-Атарге. Тоже не лучший выбор, в тот раз ты плохо кончил.

Смутное эхо в душе. Нет, он не хотел бы снова стать Хальнором.

– Тебе о чем-нибудь говорит имя Хантре Кайдо? – спросил Золотоглазый, выдержав паузу. – Если отдать дань старинным оборотам, Хантре из дома Кайдо.

Снова медленно замирающий отзвук, и с такой неимоверной глубины… Впрочем, в этом отзвуке не было горечи.

– Ты носил это имя, когда мы в первый раз встретились. Или, может, не в первый… Эту историю рассказал мой приятель Серебряный Лис, он услышал ее от крухутака. Ты был тогда Стражем Сонхийским в полной силе, успешно справлялся со своими обязанностями, выиграл войну против иномирской нечисти… Что скажешь?

Никаких сомнений, это одно из его прошлых имен. Из таких далей, что при попытке заглянуть туда сердце сбивается с ритма – но это определенно его имя. И все же он колебался, подозревая какую-то западню.

– Хантре, ты дома. Твои бесконечные блуждания закончились. Все, что было где-то там, в чужих мирах, больше не имеет значения. О, кажется, подоспел наш ужин… Идем в столовую, мой повар – это истинный король жаркого и подливок!

– А знаете, с кем наш господин чаи гоняет?

Дождавшись, когда все наперебой выскажутся – гнупи, хоть они и не крухутаки, тоже любят поиграть в загадки-отгадки, – Хумдо Попрыгун с горестным пафосом выложил правду:

– С Крысиным Вором!

Остальные мгновение-другое переваривали обескураживающую новость, потом разом загомонили:

– Да быть того не может!

– А как же крыска, неужто ворюга не поплатится за нее горькими слезами?

– Чего-то мне совсем это не нравится…

– Так господин его, знамо дело, травануть замыслил – как сыпанет ему чего-нибудь в чай, когда тот отвернется!

– Хе-хе, поделом рыжему за крыску!

– Будет ему наука впредь, как хватать и забрасывать на крышу чужое добро!

– Потому как если в тебя чем-то кинули, это еще не значит, что тебе это насовсем отдали!

– Так ему и надо, Крысиному Вору!

Когда галдеж стих, Попрыгун удрученно проворчал:

– Да не радуйтесь, ребята, господин угощает рыжего кофием со сливками! Уж сколько сливок на подлого ворюгу зазря перевел… Ох, не к добру это, чует мое сердце, пропали наши головушки…

– А крыска моя еще раньше пропала, – скорбно шмыгнул сизым носом Шнырь.

– Да что твоя крыска, ежели нам самим нынче беда! Вот как послушает его господин – и казнит нас, лютым колдовством заколдует, наши красные и зеленые курточки отнимет!

– А может, у него супротив Крысиного Вора военная хитрость? Как известно, господин наш хитер и коварен…

– Вот он ради военной хитрости и нами пожертвует, смекаете?

– Ох, попали мы в беду, которая всем бедам беда… Вестимо, прогневается!

Когда господин спустился в подполье, его встретила настороженная тишина. Гнупи попрятались, кто куда, и сидели молчком, как в засаде, будто их здесь нет вовсе.

Черноголовый народец отлично видит в темноте, могущественному волшебнику потемки тоже не помеха, но господина Тейзурга сопровождал сияющий шарик, похожий на маленькую любопытную луну, которая решила отправиться на прогулку в компании мага. Тот как-то раз обронил, что при такой игре полумрака захламленный подвал его дома приобретает особенный шарм. Гнупи знали: господин их при любом освещении найдет, прятаться от него бесполезно, а все равно хотелось оттянуть предстоящую расправу.

– Мелкие негодяи, вы где?

Все затаились, изо всех сил стараясь слиться с подвальными тенями.

– А кто хочет сливок?

Гнупи словно воды в рот набрали.

– Хм, интересно… Это что еще за фокусы? Вабро!

Делать нечего: если и дальше хорониться, хуже будет. Жмур нехотя вылез из рассохшегося шкафа, покрытого осыпающимся темно-красным лаком и сплошь украшенного резными кувшинками, флириями, лягушками и стрекозами. Господин с месяц назад выкупил эту рухлядь у каких-то небогатых горожан – мол-де искусство и красота, надобно отреставрировать да в комнатах поставить.

– Вабро, с чего это вам вздумалось поиграть со мной в прятки?

– А вы, господин, не осерчали? – с опаской справился Золотая Серьга.

– Что вы опять натворили?

– Не гневайтесь на сиротинушек, мы же не знали, что этот рыжий проходимец – друг ваш разлюбезный! Он первый на нас напал, это истинная правда, а кто напал, тот и зачинщик!

– Ах, вот в чем дело! – Господин негромко рассмеялся. – Нет, за это я на сиротинушек не гневаюсь. Я вами доволен. Сегодня вы заслужили свои сливки, каждому по двойной порции.

Услышав такие речи, остальные тоже давай выбираться из лабиринта сундуков, скульптур и пахучих мешков с драгоценными кофейными зернами. Они столпились перед магом, словно голодные цыплята перед птичницей, алчно зыркая и переминаясь с ноги на ногу.

Кувшин со сливками и стопку глиняных плошек господин Тейзург достал из своей волшебной кладовой. Находится она в этом доме или где-то в другом месте, гнупи не знали, но ему достаточно протянуть руку, чтобы оттуда что-нибудь взять.

– Вы взаправду не гневаетесь за то, что Шнырь в Крысиного Вора своей крыской кинул? – спросил после угощения Словоплет, который вечно во всем сомневался.

Над верхней губой у него белели сливочные усы – по обе стороны от свисающего носа.

Некстати упомянутый Шнырь насупился, поежился и шмыгнул за чужие спины. Вот незачем было об этом напоминать!

– О, нисколько не сержусь. Значит, Крысиный Вор? Прелестно… Не стану скрывать, я нахожу сей поступок похвальным. Поделом мерзавцу, пусть это послужит ему уроком. Быть может, в другой раз он подумает, прежде чем заступаться за кого не надо. Хотя не стоит на его счет обольщаться – боюсь, он неисправим.

– Ежели еще нужно преподать урок, мы всегда готовы. – Золотая Серьга сощурился с нехорошим предвкушением. – Уж мы его проучим! Только вы, господин, не пожалейте заклинаний, чтобы защитить нас от его магии, а то никакой потехи не будет.

– Мы ему зададим!

– Закидаем его дохлыми крысками, пусть только за ворота выйдет!

– А можно прямо у вас во дворе! За ночь несколько дюжин по канавам и помойкам насобираем, а то у кошаков отнимем и устроим, хе-хе, Крысиному Вору крысиный фейерверк! Прямо здесь, во будет праздник! И вы, господин, порадуетесь!

– Только прикажите, мы тут как тут!

– И еще любую пакость ему учиним, потому что не гневи нашего господина! И за это нам опять будут сливки!

– Ужас, – ухмыльнулся Тейзург. – Истинный ужас… Нет уж, устраивать ему пакости я буду сам. Это, видите ли, моя исключительная привилегия. А если кто-нибудь другой ему напакостит, этот другой умрет такой смертью, что напоследок успеет позавидовать тем несчастным, кого живьем скормили куджарху. *Я не шучу*. Вы будете присматривать за Крысиным Вором и обо всем мне докладывать… Впрочем, не всей развеселой толпой, следить за ним будет один из вас. – Маг оглядел своих насторожившихся слуг. – Шнырь, ты.

– Я?! – обескураженно переспросил маленький гнупи.

Остальные захихикали:

– Шнырь у нас пуганый и чокнутый!

– От экзорцистов еле ноги унес, с тех пор боится и дворника с метлой, и кухарки со скалкой!

– Вечно опасности там и сям высматривает, вместо того чтобы вовсю веселиться!

– Вот именно, – одобрительно произнес господин. – Мне для Крысиного Вора как раз такой соглядатай и нужен. Шнырь, если заметишь, что ему что-то угрожает – будешь сразу докладывать мне, понял?

– Понял, – буркнул Шнырь. – Он, значит, моей крыской беззаконно распорядился, а я его охраняй?

– А разве ты не хочешь ему отомстить? – вкрадчиво поинтересовался Тейзург.

– Хочу, – проворчал гнупи. – Но то отомстить, а то охранять подлюгу…

– Шнырь, люди очень не любят, когда за ними шпионят. Особенно этот, он весьма свободолюбив. Представь, как он разозлится, если узнает, что ты за ним наблюдаешь… Но он не узнает, о скрывающих чарах я позабочусь, а ты будешь день за днем наслаждаться изысканной местью: шпионить за ним – и доносить мне. Поверь, это будет лакомство слаще сливок, хотя сливки ты тоже будешь регулярно получать за свое усердие. Что на это скажешь?

– Я понял, господин. – Глаза новоиспеченного соглядатая так и засветились нехорошим энтузиазмом – словно вспыхнули два фонарика. – Я не подведу! Уж я Крысиному Вору отплачу, ни один его шаг от меня не укроется…

– Это отродье Хиалы прислало нам официальную претензию, составленную с отменным знанием судебной казуистики, ни к одной мелочи не придерешься. Вымогает компенсацию за побои и за оскорбление, причиненное его блистательной персоне людьми Ложи. Оценил свой ущерб в такую сумму, что впору хвататься за сердечные пилюли, а в конце любезно добавил, что согласен вместо денег принять в собственность магический артефакт – список того, что могло бы его заинтересовать, прилагается. Губа не дура. Что с этим безобразием делать, ума не приложу. Сокровенный Круг полагает, что это *я* должен что-то сделать.

Шеро Крелдон досадливо вздохнул и взялся за кружку шоколада.

– Наши люди и в самом деле его избили? – с недоверчивым восхищением уточнил Орвехт.

– Не его. К сожалению. Напали на некого Хантре Кайдо, его наемника. Это тот самый рыжий, который отличился на Кирпичном рынке. Стало быть, вот на кого он работает. Впору бы душевно поблагодарить их за ужасательницу, а тут случился этакий конфуз.

– Его пытались взять и переусердствовали?

– Если бы. Тогда обошлось бы официальными извинениями: производили задержание с целью установления личности, применили силу сверх меры, но вы, коллеги, должны нас понять – как обычно в таких случаях. Нет ведь! Имела место уличная потасовка самого дурного пошиба, и не где-нибудь, а на бульваре Шляпных Роз, в двух шагах от ляранского представительства, будь оно неладно. Ох, получит Дирвен нагоняй…

– Опять Дирвен?

– Подраться ему приспичило, он и давай задираться к Тейзургову наемнику, тот в долгу не остался. Сцепились врукопашную, без магии, как пьяная солдатня в трактире. К тому времени, как подоспели наши люди, которые по всему городу искали этого Кайдо, парни успели друг дружке рожи расквасить. Коллега Тейзург выскочил на улицу и разнял их. Хотел бы я посмотреть, какое при этом было выражение на его холеной физиономии. Мне сразу же прислали рапорт мыслевестью, а позже посыльный доставил претензию от князя Ляраны. На сиянской голубой бумаге с водяными знаками, с тремя печатями на витых шнурках протокольной длины – официальней некуда. Мол, ваш первый амулетчик напал с кулаками на моего наемника, я оскорблен и взываю к справедливости, ежели она в Ларвезе еще осталась, отдайте мне за это какой-нибудь ценный артефакт. Окаянец бесстыжий.

Маг-безопасник снова взялся за кружку. Суно тоже отпил горького темного шоколада, сдобренного сурийским перцем. Он успел вздремнуть, но по-настоящему не выспался. Разбудила его мыслевесть от Шеро, сообщившего о скором визите. Здесь они могли потолковать без риска, что к ним подберется кто-нибудь любопытный, в то время как в резиденции Светлейшей Ложи таких гарантий не было. У себя дома Орвехт сам сплел защиту и полностью ее контролировал, а там такая концентрация магических потоков и завихрений, такая уйма волшебных артефактов – недолго проглядеть какую-нибудь мелочь. Интригующие маги пользовались этим и вовсю друг за другом шпионили с переменным успехом, а мой дом – моя цитадель. Впрочем, воспитанница Суно, по происхождению олосохарская ведьма, однажды все равно исхитрилась подслушать его разговор с коллегами, применив какие-то свои штучки. В результате все вышло к лучшему, но после этого он с особым тщанием доработал и усовершенствовал свою домашнюю охранную паутину.

– Суно, отправь к нему Зинту, пусть постарается его урезонить. Где она?

– Где-то носится по милосердным делам, угодным Тавше.

Три с половиной года назад Зинта нашла и выходила Тейзурга, в ту пору – юного мага-возвратника, не подозревающего о своем истинном могуществе, заброшенного в Сонхи из чужого мира и вдобавок жестоко израненного. Когда ему подошло время отправляться в Накопитель, она же предупредила его о неведомой для непосвященных опасности, и они вместе сбежали из Молоны в Ларвезу. Превеликое счастье, за которое Суно не уставал благодарить богов: любовниками эти двое так и не стали, не сложилось, и теперь Зинта живет с ним. Он бы хоть завтра на ней женился, – тем более что с месяц назад для этого наметился еще один важный повод, – но в Молоне у лекарки остался неразведенный муж. Хвала богам, что по ларвезийским законам за женщиной в таких случаях признается де-факто статус официальной сожительницы, и ребенок будет считаться законнорожденным.

Зинта была единственной, кого коллега Эдмар, возможно, послушает. Хорошо, что этот шельмец хотя бы добра не забывает.

Орвехт послал ей мыслевесть: *«Когда вернешься домой? А то здесь у Шеро к тебе дело»*.

Та ответила, что занята, и справилась, не случалось ли ему сегодня по дороге с вокзала приметить в городе рыжего парня, а дальше последовал точь-в-точь словесный портрет Кайдо.

«Судя по всему, это новый наемник коллеги Эдмара. Боевой маг, его зовут Хантре Кайдо. Сам я его не видел, но слышал о нем. Как освободишься, иди домой, Шеро хочет с тобой поговорить».

«Потом, сначала мне к Эдмару надо!»

Больше лекарка на мыслевести не отзывалась, лишь один раз от нее донеслось: *«Мне сейчас некогда!»*

Наконец-то узнала, где его искать. Могла бы сразу догадаться. Или сразу спросить у Суно.

Улицы кутались в зимние сумерки, словно в тяжелую мохнатую шубу. Зинта изо всех сил спешила в желтом сиянии фонарей и осторожно пробиралась по гололеду в глухих закоулках, где освещенные окна казались развешанным во мраке театральным реквизитом наступающей ночи, а не принадлежностью человеческого жилья. Напрямик, чтобы срезать путь. Перейти на «летящий шаг» не рискнула: просто упасть не страшно – она сама себя подлечит силой Тавше, но в потемках недолго на что-нибудь налететь и расшибиться.

За полтора года она здесь освоилась и неплохо изучила многие районы Аленды. Как выяснилось, ей недолго найти общий язык с незнакомым прежде городом, а ведь когда-то боялась высунуть нос из захолустной Апны, несмотря на свои мечты о путешествиях.

Поскорей добраться до поганца Эдмара. Вернее, до его гостя. Хантре Кайдо, ага. Как бы не так.

Очень плохо, что он получил чужое имя взамен своего: это закрепит те чары, которые на него наведены. Но, может, еще получится все исправить? Кстати вспомнилась старая сказка, в которой утверждалось, что, если сказать околдованному его настоящее имя до полуночи после того, как его нарекли по-другому, он очнется, а если потом – будет уже поздно.

– Госпожа лекарка, посветить вам? – окликнул сипловато-звонкий голос.

Вечерница с фонарем в виде совы. То ли совсем юная, но уже битая жизнью и знакомая с пороками девчонка, то ли женщина средних лет, сохранившая подростковый задор, несмотря на все пинки судьбы. Нахальное обветренное лицо с заедами в углах губ и тенью застарелого синяка под левым глазом. Капор явно из лавки старьевщика, с остатками былой элегантности, сбоку пришит аляповатый матерчатый букетик. Несколько теплых жакетов надеты один на другой, поверх повязана крест-накрест истрепанная клетчатая шаль. Оторва из тех, кто на улицах вечерней Аленды как рыба в воде, такой палец в рот не клади.

Фонарь у нее был помятый и закопченный, но видно, что ажурная сова с тусклой масляной лампой внутри выкована искусным мастером. Будь тут Эдмар, он бы, пожалуй, отозвался об этом изделии с похвалой. Подумав о нем, Зинта с невнятным ругательством ринулась вперед.

– Госпожа лекарка, подождите! Вы мне обещали, если я вас хоть о чем попрошу… Да постойте же!..

Ничего такого Зинта ей не обещала. Она старалась быть хозяйкой своему слову и что-нибудь в этом роде запомнила бы накрепко.

Миновав проходной двор с массивными, словно в старой крепости, кирпичными арками, она заметила, что вечерница увязалась следом. Что ж, если той нужна лекарская помощь, пусть немного обождет. Первым делом надо разобраться с так называемым Хантре Кайдо.

Впереди засиял бульвар Шляпных Роз, даже в нынешние трудные времена достаточно ярко освещенный.

– Госпожа Зинта, послушайте меня, я скажу вам кое-что важное!

Отмахнувшись от назойливой преследовательницы, лекарка толкнула литую чугунную калитку и мимо фонтана с белыми девушками бросилась к крыльцу. Вечерница не отста-

вала, вот-вот догонит, хотя как же так – здешняя калитка всякого не пропустит, только своих, в число которых хозяин дворца включил и Зинту, а то вдруг ей понадобится убежище. Но об этом сейчас думать некогда.

Промчавшись мимо опешившего лакея, она ворвалась в роскошные покои.

– Эдмар, ты бессовестный интриган!

– Радость моя, и тебе добрый вечер.

Бессовестный интриган стоял под аркой, озаренной светом серебристой лампы-лилии, и выражение лица у него было такое довольное, что лекарка сразу убедилась в верности своих догадок.

– Где он?

– Кого ты имеешь в виду? Пациента с сотрясением мозга? Я как раз собирался послать тебе мыслевесть… А это еще кто? – Он уставился на что-то у нее за спиной. – И кто ее сюда пустил? Любезная, мне сдается, вы перепутали мой дом с ночлежкой!

– Сама вошла. – Вечерница простуженно шмыгнула носом. – У меня до госпожи лекарки дело, а она прикидывается, будто знать меня не знает.

– Я вас не знаю, – сердясь на нелепую помеху, подтвердила Зинта.

– А я напомню. – Особа с фонарем потянула ее за руку, увлекая к стене, и скороговоркой прошептала: – Тыквенное семечко. Ты попросила, я помогла в обмен на то, что ты однажды выполнишь, чего захочу. Пришло время расплатиться. Никому не рассказывай, кто он такой и как его зовут – ни ему, ни другим, ни людям, ни животным, ни демонам, ни народцу.

– В чем дело? – Тейзург уже стоял рядом. Должно быть, он исподволь изучал странную визитершу магическим способом, пытаясь распознать, не волшебница ли она, но Зинта подозревала, что магия в данном случае бесполезна.

– Ни в чем, – произнесла она угнетенно, не глядя ни на него, ни на Двуликую Госпожу. – Пациента с сотрясением сейчас же посмотрю. Отсюда чую, что сотрясение нетяжелое, но подлечить на всякий случай не помешает.

– И потом я угощу тебя ужином, – подмигнул Эдмар, наверняка отметив, что она что-то недоговаривает. – А этот ворох тряпья проводите на улицу.

– Я – ворох тряпья? – возмущенно переспросила мнимая вечерница, и один из двинувшихся к ней лакеев споткнулся на ровном месте, а второй охнул, переменился в лице и попятился к выходу – лекарка уловила, что у него внезапно и жестоко свело живот. – Значит, ворох тряпья?! А кто меня зазывал в гости на чашку кофе? Вот я пришла, да еще сыграла на твоей стороне – и меня взашей на улицу! Что ж, сама уйду.

– Госпожа, постойте!..

Не обернувшись, та скользнула под арку, за которой находилась богато украшенная лепниной прихожая. Звук шагов оборвался, но дверь так и не хлопнула, словно гостья растаяла в воздухе.

– Не может ведь она быть обидчивой, – негромко произнес Эдмар, после того как жестом отослал вышколенных слуг. – Это был бы нонсенс… Значит, она специально явилась сюда в таком виде, чтобы я приказал ее выдворить. Грустно, правда, Зинта? Возможно, она решила, что, если я получу и то, и другое сразу, это будет слишком хорошо для меня.

– Зачем ты это сделал? – подавленно спросила лекарка, еле сдерживаясь, чтобы не расплакаться. – Ну, то самое, о чем я теперь не могу говорить… Зачем его заколдовал?

– Зинта, ты мне безмерно льстишь. – Ни тени раскаяния, такое выражение лица скорее пристало почтенному человеку, который полжизни судился и наконец-то по справедливости выиграл тяжбу. – Ты полагаешь, я мог бы заколдовать Стража без применения крайних средств, которые я никогда не стал бы против него использовать? Просто так взять – и навести чары между двумя чашками кофе, хотя это была бы непосильная задача даже для Кадаха,

Акетиса или кого угодно еще из местной божественной компании? О, мне, конечно, весьма приятно, что ты столь высокого мнения о моих возможностях, но ты, увы, заблуждаешься.

– Сам ведь рассказывал, что его околдовали в той жизни, когда он звался Хальнором, и заставили поверить в то, чего не было.

– Перед этим его пытали, так что он обезумел от боли, вдобавок он был потрясен тем, что они учинили с Марнейей, иначе ничего бы у них не получилось. Нельзя настолько терять над собой контроль из-за чужих проблем, я не раз ему об этом говорил… И при всем желании я не смог бы сделать то, в чем ты меня обвиняешь.

– Кроме тебя, некому. Или хочешь сказать, оно само сделалось?!

– Вот именно. Мир Сонхи вернул свое, нравится тебе это или нет. По мне, так лучше бы понравилось, тогда меньше будешь мучиться из-за запрета Госпожи Развилок.

– Миру-то оно зачем?

– Затем, что Стражи – его величайшее сокровище, стратегическое оружие, без которого безопасность мира дохлой крысы не стоит. Пардон, цепочка ассоциаций… Этот Страж принадлежит Сонхи, и его место здесь, хоть он сейчас и в запасе. Хватит, погулял.

Зинте не нравилась его интонация: злорадная и откровенно собственническая. Он перед ней не таился, хотя умеет. Да еще глаза, опять поменявшие цвет, сияли, будто две хищные золотые луны.

– У него же там остались близкие люди, семья… Им-то теперь каково!

– Они не пропадут, не переживай за них, – снисходительно утешил Эдмар. – Нельзя же относиться к такому существу, как Страж Мира, будто к своей собственности.

– Да кто бы еще об этом рассуждал! – Лекарка совсем рассердилась. – С тех пор как я тебя знаю, ты столько правильных и мудрых слов говорил вслух – какому-нибудь Шаклемонгу Незапятнанному впору у тебя поучиться, а на деле поступаешь, как демон Хиалы, которым, сказывают, ты и вправду когда-то был.

– Ну, спасибо, Зинта, – фыркнул ее собеседник. – Еще и с Шаклемонгом сравнила! Ты это нарочно или само вырвалось?

– Да как хочешь, так и думай, – отрезала Зинта, у которой не было сейчас охоты до словесных пикировок, а то ведь этот стервец все в игру переводит, сама не заметишь, как начнешь с ним перешучиваться, несмотря на то, что он отмочил. – Веди к пациенту.

Ничего опасного: ушибы и сотрясение мозга в легкой форме, но все уже сходит на нет. Для сильного мага, способного к самоисцелению, это сущая ерунда.

Лекарка ни разу не посмела посмотреть в глаза Хантре Кайдо, которого на самом деле звали иначе. Чувство стыда перед ним было невыносимым. Поскорее распрощалась и отправилась домой. Она бы рискнула не послушаться Госпожу Вероятностей и все как есть ему выложить, будь она сама по себе, но, если носишь под сердцем ребенка, это уже совсем другие дела. Прогневаешь Двуликую – и мало ли какая дурная вероятность подвернется… Вот так Зинта стала хранительницей тайны, о которой знали лишь она да негодяй Эдмар – наверняка это он все подстроил, хоть и не спешит сознаваться.

Грязную выстуженную комнату украшали гипсовые барельефы, изображавшие здешних магов в моменты свершений и торжества. Учитель Унбарх такое искусство одобрил бы, только где он сейчас, учитель Унбарх? А трое его несчастных учеников, похищенных из прошлого, съежились возле закопченной жаровни, которую украли на задворках заведения с китом на вывеске. То ли ее туда выставили на время, то ли выкинули как ненужное старье – главное, что удалось незаметно увести. За воровство учитель Унбарх приказывал бить виновного палкой по рукам, пока распухшее мясо с костей не слазило, Вабито и Монфу знали в этом толк. Сейчас они вместе с Куду, который был не палачом, а младшим проповедником, грели озябшие пальцы над тлеющими угольями. Краденое, не краденое – главное, что тепло.

От гнупи они спаслись, эти мелкие зловредные твари их потеряли, иначе уже были бы тут как тут. Но впереди ночь, уснешь – и явятся демоницы-зыбелии, которых теперь называют снаянами. Они ходят тропами Хиалы – вернее, скользят над этими тропами, словно рыбы над илистым дном, – и способны добраться до своей жертвы, не зная точного адреса, через сны.

Кошмары всегда снились двоим из троих. То ли у Тейзурга только две зыбелии, то ли это дополнительная издевка. Сон был один и тот же: Монфу и Вабито среди почернелых от сажи руин Марнейи пытают Хальнора, Стража Сонхийского, а Куду стоит рядом и на это смотрит. И каждый из них знает, что *ничего другого не существует*. Как будто все на свете исчезло, кроме того места и времени, где они совершили невольное преступление. Именно невольное, потому что они тогда выполняли приказ Унбарха и не ведали о том, что Хальнор – Страж Мира, но поди объясни это Тейзургу! Во сне они понимают, что делают то, чего нельзя, и пока не прекратят, кошмар не закончится, но прекратить не могут. Ужас ловушки, из которой нет выхода.

От краденых амулетов никакого толку, от защитных заклинаний тоже – Тейзург снабдил свою нечисть какими-то непрошибаемыми чарами.

Вдобавок сегодня около рынка они видели Хальнора Тозу-Атарге. Или кого-то, на него похожего? Цвет волос другой, кожа светлее, а черты лица почти те же. И глаза те самые. Если б не еженощно насылаемый кошмар, они бы, наверное, не испытали такого шока. Может, то был не живой человек, а сотворенный Тейзургом морок?

Чем дальше, тем хуже, да еще зима на дворе. Щербатая гипсовая лепнина, зыбко белеющая сквозь гнетущий полумрак, напоминала о погребениях и склепах.

Заброшенный дом – ненадежное убежище. Рано или поздно гнупи их здесь найдут, либо их выгонят отсюда другие алендийские голодранцы, которые еще и жаровню отнимут.

– Нам нужен могущественный покровитель, – с упорством одержимого произнес Вабито, едва не стуча зубами от холода. – Нужно добраться до молодого волшебника Дирвена, в нем наше спасение…

Всякий дом, простоявший достаточно долго, постепенно обрастает с изнанки потаенными волшебными полостями, словно днище корабля полипами. Тонкая прослойка между людским миром и Хиалой, странная область, где нарушены законы линейной геометрии, поэтому без *провожатого из местных* в два счета заблудишься. Комнат, коридоров и чуланов вроде бы немного – соразмерно тому жилью, к которому все это прилепилось, а путаница такая, что несколько часов кряду будешь ходить кругами. Там-то и обитает народец, чье место под боком у людей – гнупи, тухурвы, чворки, вывырики, козяги.

Оттуда можно подсматривать за людьми, и Шнырь сейчас этим и занимался. Комната, где он сидел в засаде, изнутри сплошь заросла молочно-белой лепниной, похожей на ту, что украшала апартаменты господина Тейзурга. И потолок, и стены сверху донизу, даже из пола выпирали, словно кочки, завитки и бутоны – гляди в оба, чтобы не запнуться. Зато здесь было окно, позволявшее заглянуть в те покои, где поселился рыжий подлюга Крысиный Вор.

Никому другому нельзя – Шнырю можно. Господин только для него сделал проницаемой защиту, которая не позволяет волшебному народцу увидеть, что происходит в доме – потому что Шнырь не кто-нибудь, а доверенный шпион!

Рыжий так и не почуял, что за ним наблюдают. Чтобы от укрывающих чар был толк, они плетутся по-особому: в качестве ингредиентов берут магические подобия тех вещей и явлений, на которые человек по той или иной причине смотреть не захочет – сразу же отведет взгляд, постарается отгородиться, выбросит это из головы.

– Я знаю его достаточно хорошо, – ухмыльнулся господин. – Кое в чем он до сих пор для меня загадка, но что касается его фобий – уж эту область я изучил так, что смог бы диссертацию написать. Я собрал все, что его отталкивает и побуждает *не смотреть*, вот и проверим, позволит ли этот прием обыграть такого, как он.

Чары получились отменные. Остальных гнупи Хантре Кайдо по-прежнему видел, а Шнырь стал для него невидимкой.

Тщедушный соглядатай в елово-зеленой курточке устроился на бугристом от лепнины подоконнике и бормотал под нос, комментируя каждое действие своего обидчика:

– Волосы в хвост завязал, точно студент, – думаешь, теперь будешь выглядеть умником? Ты еще заплети их в косицу, как у сиянских отшельников, чтоб тебя принимали за мудреца и никто бы не догадался, что ты неуч, который ни одного заклинания не знает! А ножи в потайные карманы прячешь, чтоб тебя все боялись? Ой, я уже испугался, щас на пол упаду!

Не было риска, что Хантре его услышит: в волшебном придомовом пространстве можно хоть во все горло вопить – ни единый отголосок не долетит до мира людей, который находится, казалось бы, на расстоянии вытянутой руки. А стрельчатое окно, обрамленное змеистыми белыми завитками, было только на той стороне, где сидел Шнырь. В человеческой комнате на этом месте то ли стоял диван, над которым висело панно из кусочков перламутра, то ли и вовсе шкаф с инкрустированными орхидеями.

Если на стенку повесить нужный амулет или наложить заклятье, волшебное окно исчезнет. Господин Тейзург сплел искусные защитные заклинания, но для Шныря он сотворил персональную лазейку. Никто другой, даже сам Вабро Золотая Серьга или тетушка Старый Башмак, не увидели бы здесь окна, а для Шныря оно есть!

– Ха-ха, я-то тебя, рыжий, вижу, а ты-то меня не видишь! Эй, да ты никак собрался куда-то на ночь глядя? Вроде же вы с господином так не договаривались, и я должен ему сказать, но вдруг он уже почивать лег? Разбуди его Шнырь – он, поди, прогневается, и хорошо, если кинет тапком, а не заклятьем, но коли не доложишь о том, что ты посреди ночи умотал, – тоже прогневается, бедная моя головушка. Из-за тебя, Крысиный Ворюга, одни неприятности, а тебе хоть бы что, и крыску мою из-за тебя ворона склевала, кто ж от такой крыски откажется, ежели сама прилетела…

Шнырь утер слезу, выступившую при мысли о безвозвратно потерянной крыске, и принялся размышлять, звать ли господина. Позвать – боязно, не позвать – небось, еще хуже схлопочешь.

Эта дилемма разрешилась сама собой, когда в поле зрения появился Тейзург. На нем была роскошная многослойная баэга из паутинно-тонкого китонского шелка, похожего на серебрящийся туман.

– А стучаться не нужно? – невежливо буркнул рыжий. – Дверь была заперта изнутри.

«Ща он тебе задаст!» – восхитился Шнырь. Даже подскочил на радостях – и тут же замычал от боли, потому что наткнулся коленом на рельефный завиток в виде раковины чворка.

– Запертые от меня двери в моем же доме, какая прелесть… Куда это ты собрался?

– На работу.

– На какую еще работу?

– Здрасьте, ты меня зачем нанял? Разобраться с теми, кто посягнул на святое. Вот и пойду разбираться.

– Прямо сейчас пойдешь?

– Ага. Считай, что я принял близко к сердцу твои слова насчет святого, на которое замахнулись. – Хантре Кайдо в раздумье посмотрел на длинный плащ с капюшоном, потом начал что-то перекладывать оттуда в карманы куртки.

– О, солидный арсенал, – не то с уважением, не то с иронией заметил Тейзург. – Это чтобы лазить по стенам? А по-другому не умеешь?

– Как будто умею. По крайней мере, здесь, в Сонхи. Но не помню как. Для этого я должен… – Рыжий умолк с таким выражением на лице, словно только что проснулся и хочет поймать ускользающее сновидение.

Шнырь позлорадствовал: так тебе и надо, Крысиный Вор!

– Ничего, еще вспомнишь. Все, что ты когда-то здесь умел, к тебе вернется. А теперь, как насчет того, чтобы отметить нашу встречу по-взрослому?.. Ужасатели подождут до завтра.

– Не подождут. Эта сука, с которой мы встретились на Кирпичном рынке, была не одна. Есть кто-то еще с такой же начинкой, я чувствую и постараюсь эту дрянь найти, пока не поздно. Так что я пошел.

– По-моему, ты проигнорировал то, что я сказал… – промурлыкал Тейзург вкрадчиво и с намеком на угрозу.

– Да нет, принял к сведению, – сухо бросил рыжий. – Только больше об этом речи не заводи, чтобы никаких недоразумений между наемником и работодателем.

– Никуда ты сейчас не пойдешь. Я знаю, как действует Ктарма, сегодня ночью они ничего не предпримут, и еще три-четыре дня будут выжидать.

– Значит, у меня есть запас времени, тем лучше.

– А если я тебя не отпущу?

Вместо ответа Хантре пожал плечами, подошел к окну и открыл низко расположенную форточку, звякнув фигурной задвижкой.

– Застрянешь ведь, – ухмыльнулся Тейзург. – И к тому же… Пардон, вслух не скажу, но имей в виду, что я об этом подумал.

– Без разницы, о чем ты подумал. Пока мы трепались, я вспомнил, что значит *по-другому*.

Шнырь ахнул, увидев, что произошло в следующее мгновение с Крысиным Вором. Видать, господин сильно прогневался на него за дерзость, раз без лишних слов превратил… Жалко, что не в крыску.

Но господин и сам выглядел до крайности изумленным.

– Невероятно… Получилось с первого раза! И смотри-ка, перекинулся безупречно, с использованием компоненты «со всем, что на мне есть». Прелесть, какая кисонька! А погладить можно?..

Крысиный Вор презрительно фыркнул, одним прыжком очутился на подоконнике и сиганул в темноту.

– Вот тебе и романтический вечер… – печально произнес ему вслед Тейзург. – Шнырь, ты это видел? Все мои планы в хлам, как тебе это нравится?

– Нравится, господин! – с энтузиазмом отозвался гнупи, протискиваясь через открытую с помощью заклинания лазейку с изнаночного пространства в человеческую комнату. – Уй, то есть совсем не нравится, прямо все нутро негодует, потому что невежа этот Хантре Кайдо, каких поискать…

– Невежа и мерзавец, – вздохнул господин. – Вот именно в таком виде он когда-то прятался от меня по болотам… Я ему туда сливки приносил, оставлял на блюдечке в траве, а он все равно не давался в руки, не капканы же было на него ставить! Этот мерзавец умеет быть недосягаемым… Шнырь, ты все еще здесь?

– Уже бегу за ним, господин, со всех ног бегу! – выпалил Шнырь, сорвавшись с места.

Ночь для гнупи – лучшая подружка. Маленький шпион выскочил в окно, спрыгнул с балкона, выбрался, отфыркиваясь, из сугроба, пролез меж изогнутых прутьев литой ограды, принюхался – и вприпрыжку помчался следом за своим подопечным. Подморозило,

уличная слякоть застыла, главное – не поскользнуться, но гнупи для этого достаточно ловкий народец. Редкие прохожие вздрагивали и оглядывались вслед Хантре Кайдо, который проносился мимо стремительной тенью, а Шныря не видели, даже топота не слышали, потому что поверх обычных для гнупи деревянных башмаков тот надел еще одни, сшитые из мягкого войлока и зачарованные.

«Думаешь, ворюга, раз ты перекинулся – теперь все крыски твои? – бормотал про себя соглядатай. – Так-то любой сколько хошь крысок наловит, а ты ее попробуй голыми руками поймай… Не уйдешь от меня, все равно не уйдешь, Шнырь следит за тобой, Крысиный Вор!»

Глава 2
Перехватчик

Этот сон напоминал его первое утро в Сонхи, когда он блуждал в предрассветный час по улицам в поисках своего несуществующего дома. Только в тот раз он полную луну перепутал с плывущим над крышами фонарем (и это показалось ему вполне естественным – возможно, там, откуда он пришел, фонари и впрямь сами собой плавают по небу?), а сейчас вышло наоборот. Насчет далекого желтого окошка он сперва подумал, что это вторая луна. А что, так и должно быть: в том мире, где он родился и вырос, две луны – Ашеле и Готэ, и есть легенда о двух сестрах… Приснившееся воспоминание тут же кануло, словно в прорубь, а он решил во что бы то ни стало добраться до этого окошка.

Чья-то ворожба, это он тоже понял, но в ней не было принуждения: его просто звали, и он пошел на зов.

Перепутанные, пересекающиеся друг с другом лестницы то обрывались в никуда, то заворачивались петлями. Погруженные в зыбкий полумрак коридоры и закоулки норовили завести в тупик. Луна пыталась обмануть его и завлечь в другую сторону, притворяясь манящим окошком – угадай, где настоящее? – но он не сдавался. Все зависело только от него: если не сдаваться, рано или поздно преодолеешь сопротивление этого безразмерного пространства с великим множеством препятствий и доберешься до цели.

В конце концов так и вышло. Он настиг уплывающее окошко за очередным поворотом извилистой лестницы, на тупиковой площадке – и обнаружил, что вовсе не окно это, а зеркало. Во время погони он ожидал чего угодно, только не того, что увидит в светящемся проеме свое же собственное лицо.

Впрочем, это еще один обман… Чуть не попался. Вовсе там не отражение: черты лица хоть и похожи, но все-таки отличаются. К тому же это девушка. Она могла бы быть его сестрой-двойняшкой или скорее младшей сестрой.

Едва он это понял, выражение ее лица изменилось, как будто она тоже его увидела:

– Ты живой! Когда ты вернешься?.. Мама плачет…

Он не успел ничего сказать в ответ. Окружающее пространство со всеми лестницами, тенями, лунными пятнами, петляющими галереями всколыхнулось, завертелось каруселью, и центробежной силой его буквально вышвырнуло из сновидения наружу.

За окном светло. Ничего удивительного, он вернулся с охоты в четвертом часу утра. На стеклах мерцают ледяные хвощи и папоротники, из приоткрытой форточки тянет холодом. Он у себя дома – в Сонхи, и ему здесь хорошо… А все равно тревожит мысль об истаявшей, как дым в небесах, прежней жизни, которая то ли была у него, то ли нет.

Гуртханда, старый сурийский город на краю Олосохарской пустыни, спала и видела сны, убаюканная колыбельной ущербной луны. Здесь по ночам лучше смотреть сны, не то наяву в полуночный час увидишь что-нибудь такое, после чего даже при свете дня будешь от каждой тени вздрагивать.

Наджийме тоже полагалось бы спать, но она тайком выбралась на крышу. Жить ей оставалось меньше месяца. Перед страхом смерти все прочие страхи потеряли свою обычную силу.

Она выросла в пыльном городишке зазывал, харчевен и постоялых дворов. Полгода назад ее продали Ктарме за отцовские долги. В скором времени ей предстояло отправиться в нечистую Ларвезу и там умереть, забрав с собой побольше грязных: людские отбросы

попадут в Хиалу к демонам, а Наджийма после этого поселится в светлых божественных чертогах, где будет вечно радоваться, как невинный цветок под солнцем.

«Ведьмину мясорубку» внедряли в ее тело в несколько этапов – это сложное колдовство, доступное лишь посвященным. Из-за «мясорубки» у нее ныли кости таза и пропал аппетит, но юная ужасательница не жаловалась: за полгода ей внушили, что для дела Ктармы надо пожертвовать чем угодно.

В иные минуты смерть казалась ей не божественной наградой, а страшной раззявленной пастью. Наджийма гнала такие мысли прочь: Ктарма исполняет волю богов, а она, как полагается хорошей девушке, ненавидит и презирает всех нечистых, в особенности развращенных ларвезийских бледняков.

Временами в памяти всплывало какое-нибудь давнее впечатление, незначительное, но беспокоящее, словно подвернувшийся под босую ступню острый камешек. То вспоминался вытертый пестрый ковер, на котором она играла в детстве, воображая его узоры сказочными лабиринтами и дворцами. То клубы розоватой в лучах вечернего солнца пыли, медленно оседающей после прошедших по улице верблюдов. То канальцы вдоль тротуаров, выложенные позеленелой плиткой и населенные загадочной юркой мелюзгой – оттуда так волнующе тянуло затхлой сыростью, а мутная поверхность воды наводила на мысли о потаенных хоромах волшебного народца на дне… Сидеть на корточках над канальцем и караулить, не вынырнет ли что-нибудь интересное, было *нельзя* – это занятие не для девочек, но Наджийма с подружками все равно в это играли, убегая в те кварталы, где их никто не знал.

По учению Ктармы, все это прах под ногами, а ты идешь к божественной цели, и твой долг – умереть за эту цель, чтобы заслужить вечную радость в неземных чертогах. Наджийма все равно вспоминала, а потом переживала, что она недостаточно чиста. Зато она умрет за дело Ктармы и заслужит награду. За минувшие полгода ее приучили к мысли, что это самая лучшая для смертной девушки участь.

Вначале она плакала по ночам и мечтала о побеге – так же, как раньше мечтала о красивом и богатом женихе, – но потом прониклась теми умонастроениями, которые прививали ей наставники. Кроме того, сбежав, она бы опозорила свою семью, это ей сразу сказали, чтобы не думала о глупостях.

Старый купеческий дом на юго-восточной окраине Гуртханды представлял собой целую гроздь глинобитных построек, соединенных галереями и лесенками. Его хозяев то ли запугали, то ли зачаровали, и в дела «гостей» те не лезли. Там находилась временная штаб-квартира Ктармы для подготовки очередной смертницы.

Для непосвященных Наджийма была дочерью заезжего мага, который изготавливает на продажу амулеты, хранящие от козней волшебного народца. Он и впрямь занимался этим доходным промыслом – и много чем еще сверх того. Наджийма боялась его до стыдной слабости в животе и трясучки в коленях. Впрочем, он ее не обижал. Он был терпелив и смотрел на нее с деловитой рачительностью, даже с нежностью, словно повар на цыпленка, предназначенного для главного блюда на праздничной трапезе.

В женских комнатах было душно, а тут воздух свежий, холодный, настоянный на свете далеких печальных звезд, с горчинкой от дыма жаровен и домашних печек. Девушка вдыхала его, приподняв матхаву – повязку, закрывающую лицо ниже глаз.

Плоские крыши белели в темноте, словно затонувшие плоты, погруженные в воду на разных уровнях. На одной беседка для чаепитий, на другой смутно поблескивает разложенная металлическая посуда, которую ближе к вечеру начали чистить песком, но так до конца и не вычистили. Наджийма стояла на той, что находилась дальше всех от земли.

Курившийся дымками город мерцал в ночи редкими тускло-желтыми огнями, оттуда доносился то рев ишака, то собачий лай, то пение под звуки семиструнной маранчи, а здесь, на отшибе, царила сонная тишина.

Когда внизу послышался шорох, Наджийма вздрогнула и торопливо оправила матхаву. Это в галерее. Похоже, кто-то споткнулся и упал, издав приглушенный возглас, но сейчас опять все тихо. Или нет – шуршит… Еле слышно, как песок на ветру.

Вначале она просто испугалась, что ее осудят за неподобающую добродетельной девушке вылазку на крышу, и лишь на лестнице ей стало по-настоящему страшно. Снизу вновь донесся сдавленный горловой вскрик и вслед за тем шоркающий звук, словно кто-то, навалившись на стенку, медленно сползает на пол.

Быть может, в дом забрались грабители? Могущественный покровитель Наджиймы с ними разберется, а ей надо поскорее спрятаться на женской половине. Она осторожно спускалась вниз, освещая ступеньки волшебной лампой в виде черепахи, которую взяла без спросу, и бормотала обережное заклинание. На следующей площадке начиналась галерея, занавешенная обветшалыми веревочными кружевами: пробежать по ней, повернуть – и там дверь.

Сердце так колотилось, что Наджийма не слышала собственных шагов, а тот, кто выскользнул ей навстречу из-за угла, и вовсе двигался бесшумно.

Визитер был невысок и строен, это она успела разглядеть. Лицо черно, как сажа – не поймешь, человеческое или нет, – глаза мерцают, словно два песочных опала. Из-под тюрбана хвостом выпущены длинные волосы, цветом они как барханы в лунном свете.

Наджийма догадалась, кто перед ней: песчаная ведьма. Это они вместо женских платков носят тюрбаны на мужской манер, и волосы у них всегда наружу, потому что помогают им в колдовстве. Их немногочисленное, но опасное племя в стародавние времена пошло от песчанниц – волшебных олосохарских дев – и мага человеческого рода. И еще Наджийма слышала об одной песчаной ведьме, которая ушла от своих, попала к презренным бледнякам в Ларвезу и теперь выполняет приказы магов нечистой Ложи.

– Уходи! – испуганно вымолвила девушка, подавшись назад. – Мой наставник – великий маг, он тебя…

Горло сдавило, как будто его захлестнуло петлей. Лампа выскользнула из немеющих пальцев. Уже ничего не видя и не чувствуя, Наджийма тяжело, словно бурдюк с водой, осела на скрипнувшие половицы.

– Добрых посмертных путей, – сухо обронила Хеледика.

Формальность, которую из почтения к миропорядку следует выполнить, даже если ты убийца на службе у Светлейшей Ложи.

Дело сделано – «мясорубка» уничтожена. От мага Ктармы, который создавал эту дрянь, ей велели держаться подальше, не по зубам он семнадцатилетней ведьме. Хеледика пробралась в этот гадючник в его отсутствие, а теперь нужно исчезнуть до того, как он вернется.

Истрепанные веревочные занавеси на утлых галереях сонно шевелились от дуновений ветра. Пахло дымом, прогорклым ламповым маслом, нечистотами, кислым молоком, благовониями – запахи роились вокруг человеческого жилья, словно стаи мотыльков, которых того и гляди закрутит и унесет в темную бездну. Узкие железные лесенки прятались от полуночных страхов под матерчатыми пологами, словно под одеялом, но кое-где зияли прорехи, сквозь которые проникал вездесущий лунный свет, демонстрируя ненадежность людской защиты.

Раньше ей не поручали убивать, но кому и действовать в этих краях, если не олосохарской ведьме, черпающей силу из песка вековечной пустыни?

На вопрос Шеро Крелдона, сможет ли она это сделать, Хеледика после недолгих раздумий ответила «да». Полтора года назад, когда посланница Ктармы привела в действие «мясорубку» на площади Полосатой Совы в Аленде, она была там и видела, что после этого осталось. Наверняка проницательный господин Шеро понимал: она об этом помнит, и ответ будет утвердительным.

Наджийма выглядела обыкновенной сурийской девчонкой – противоестественно обыкновенной, если учесть, к чему ее готовили, – но песчаная ведьма угрызений совести не испытывала. Сказывалось полученное в родной деревне воспитание: «песок убил – и унесся дальше». Вдобавок она с мучительной отчетливостью помнила ту площадь, сперва заполненную оживленной толпой, а после покрытую сплошным кровавым месивом. Наджийма с растерянным выражением на круглом полудетском лице вызвала у нее не жалость, а скорее брезгливое недоумение: такое лицо – у твари с «мясорубкой» во чреве?

К тому же эта девушка все равно собиралась умереть, так пусть она уйдет в серые пределы Акетиса чуть пораньше, зато в одиночку – без тех, у кого на ближайшее будущее другие планы.

Хеледика сдернула повязанный на талии шарф из темного шелка и намотала поверх тюрбана, спрятав приметный хвост своих колдовских волос, а потом покинула погруженный в дремоту купеческий дом так же, как пробралась внутрь: по «ящеричной дорожке». Этот способ доступен песчаным ведьмам лишь на территории Олосохара. Повинуясь ее воле, пришедший вместе с ней песок взметнулся по ограде, перехлестнул через утыканный острыми черепками гребень – будто и впрямь ковровая дорожка, сотканная из песчинок. Хеледика попластунски поползла вверх по глинобитной стене в два человеческих роста, словно по горизонтальной поверхности. Маявшийся бессонницей старый слуга, выглянув в окно, вместо девушки увидел крупную ящерицу: это колдовство сопровождалось маскирующим мороком.

Наверху песок образовал своего рода подушку, прикрыв торчащие осколки. Ведьма легко перелезла на ту сторону и соскользнула вниз. В тот же миг, как подошвы ее шнурованных сапожек коснулись земли, «ящеричная дорожка» с тихим шорохом осыпалась, и порыв ветра сдул с гребня стены небольшую горку песка.

Дома на краю глинобитного города громоздились в темноте бесформенными гнездами, запахи человеческого жилья окутывали их, словно обережные заклятья, защищающие от козней ночи. Дальше расстилалась пустыня. Песчаная шкура Олосохара холмилась бледным застывшим океаном, и ущербная луна тихо ткала над ней свои одноцветные серебристые гобелены. Ветер дул оттуда, с юга. Еле слышно шуршали мириады странствующих песчинок, это напоминало шум приложенной к уху раковины.

Хеледика отправила мыслевесть господину Шеро, который ожидал от нее известий в далекой Аленде (наверное, сидит в полутемном кабинете с которой по счету чашкой горького шоколада), а потом связному из группы прикрытия.

Трое магов и двое амулетчиков, полевые агенты Ложи, остались в Генре – ларвезийском колониальном городке, отделенном от Гуртханды стеной из саманного кирпича. Стена выглядела неказисто, в ней зияло множество проломов, местами ее украшали корявые непристойные надписи, но считалось, что она символизирует границу между просвещенным Севером и Суринанью, и алендийские поэты, в большинстве ни разу в жизни ее не видевшие, слагали о ней торжественные стихи.

Агенты не могли сопровождать Хеледику: если бы маги Ктармы засекли их и успели перепрятать смертницу – все насмарку. Другое дело ведьма, ее магия слита с олосохарским песком, который здесь повсюду, так что никакое волшебство не поможет почувствовать ее приближение.

Девушка быстро и настороженно шагала по улице, похожей в лунном свете на пересохший мертвый канал. Она и сама была сейчас лунным светом, тенью, песком, и в то же время ее переполняло приятное ощущение, что она не подвела, превосходно справилась с тем, что ей поручили. Господин Шеро в ответной мыслевести ее похвалил, и маги из группы прикрытия наверняка скажут что-нибудь лестное… Она грелась в этих мыслях, как ящерица на солнце.

Нет, она вовсе не была тщеславной, но в то же время нуждалась в одобрении, которое раз за разом латало дыру у нее в душе. И всегда оказывалось, что этих латок недостаточно, чтобы дыра навсегда затянулась. Нужна новая порция одобрения, а потом еще, и еще…

Хеледика сбежала из родной деревни в тринадцать лет, когда ее после жеребьевки собирались отдать на съедение волшебному зверю куджарху. Для жертвоприношения нужна была девственница – что ж, она решила эту проблему, встретив на дороге пропыленных оборванных пастухов, и вместо нее умерла другая девушка.

А прошлой весной она познакомилась с Дирвеном, но их безоглядная романтическая влюбленность продолжалась ровно до тех пор, пока улизнувшая из-под присмотра юная парочка не уединилась в укромной гостинице. Обнаружив, что его возлюбленная – «не девушка», Дирвен ударился в трагическую истерику, а Хеледика вначале хотела броситься с моста в канал, но после разговора с перехватившим ее господином Суно передумала. Решила, что будет жить дальше, но без любовной ерунды, грош цена всем этим нежным чувствам.

В чем она нуждалась, так это в осознании, что поступает правильно. Как нынешней ночью: благодаря тому, что она убила ужасательницу, в Аленде или в каком-то другом городе несколько сотен человек останутся живы. Господин Крелдон доволен. Он не скрывал, что причисляет ее, несмотря на небольшой пока опыт, к лучшим своим агентам.

Песчаная ведьма понимала, что главный безопасник Ложи ее использует, но против такого использования ничего не имела против. Во-первых, он Хеледикой не манипулировал, в этом не было необходимости. Во-вторых, она хотела быть полезной. В-третьих, Ксиланра умерла вместо нее, но она помнит о том, что ее жизнь оплачена чужой жизнью, и постарается расплатиться за свой малодушный поступок.

Сегодня она сделала то, что надо, и заслужила одобрение, вот только не стоило ей отвлекаться на эти приятные мысли посреди ночной Гуртханды, выбеленной луной и высушенной олосохарским ветром. Она всего лишь песок, скользящий мимо глухой глинобитной ограды по безлюдной улочке… Как бы не так: песок не думает о том, до чего это замечательно, когда тебя хвалит сам господин Крелдон.

Ее выследили.

Ощущение чужого магического присутствия – и в следующее мгновение удар. Если бы не «песчаная вуаль», вихрем окутавшая ведьму, ей повыбивало бы суставы, но она отделалась ушибами.

«Вуаль» защищает представительниц ее племени лишь в олосохарских землях, эти чары не возьмешь с собой в чужие края, зато здесь, в Суринани, это иной раз может выручить, даже если на тебя напал куда более сильный противник.

Этот маг был изрядно силен, иначе не сумел бы ни застать ее врасплох, ни врезать ей так, что она задохнулась от боли и едва устояла на ногах. Высокая темная фигура, больше ничего не разглядеть.

Хеледика сорвала с головы шарф, выпустив наружу волосы, а из рукава у выскользнул песчаный бич, белесо сверкнувший в лунном свете. Используя его, как удавку, она расправилась с двумя охранниками и смертницей, несмотря на их защитные амулеты, но нынешний противник отразил атаку. Бич рассыпался, не достигнув цели, а девушка отскочила, спасаясь

от нового заклинания, и ушибы отозвались болью. У нее даже не было времени «слить» эту боль в песок – пришлось снова отпрыгнуть в сторону.

По глухой беленой стене, принявшей нацеленный в Хеледику удар, разбежалась сетка трещин – словно карта исхоженных караванами троп на старом пыльном куске пергамента.

Ведьма в темноте видела не хуже кошки, но это не давало ей преимущества, поскольку маг владел заклятьем ночного зрения. И ему удалось заглушить ее призыв о помощи: группа прикрытия не знает, что агент Змейка попала в беду. Ее начнут искать, если она не появится и не отзовется до истечения контрольного срока – сама на этом настояла.

Она никак не могла достать противника своими обычными приемами, а потом и пытаться бросила. Только оборонялась, прижавшись спиной к треснувшей стене и тихонько подвывая от боли. Ей казалось, что все суставы у нее вразнобой вихляются. Она уже почти ничего не видела, и хотелось только одного – даже не остаться в живых, а чтобы это поскорей закончилось…

Когда оно и впрямь закончилось, Хеледика, беспомощно скорчившаяся у подножия стены, первым делом почти инстинктивно «слила боль», отдавая ее песку. Потом подняла мокрое от слез лицо, перед вылазкой зачерненное сажей, а сейчас несусветно грязное – да так и застыла в изумлении.

Безмолвный бой продолжался, хотя и без ее участия. Вокруг мага Ктармы, похожего на мрачного бородатого колдуна из сурийских сказок, вился яростный песчаный смерч, из которого то и дело с бешеной скоростью выхлестывали бичи, куда более мощные, чем те, что могла сплести своими чарами Хеледика. Словно бьющееся на ветру знамя, развевались длинные серебристые волосы. Песчаная ведьма. Сильная, опытная и в отличие от изгнанницы Хеледики, посвященная во все премудрости своего племени.

Расклад поменялся – теперь уже волшебник пятился прочь, еле успевая поворачиваться, чтобы она не оказалась у него за спиной. Его щиты с трудом выдерживали удары сокрушительной, как свалившийся на голову мешок с песком, олосохарской магии.

Впрочем, иной раз и не выдерживали. Ему приходилось спешно создавать новые щиты взамен уничтоженных, и наконец он бросился бежать. Из-за путающего заклятья Хеледике показалось, что он нырнул одновременно в три боковых закоулка, даже удаляющийся топот доносился с трех сторон сразу. Господин Шеро упомянул, что он большой мастер уходить от погони.

Старшая ведьма не стала его преследовать. Подошла и остановилась над своей побитой соплеменницей, которая смотрела на нее снизу вверх, опираясь о землю дрожащими ободранными ладонями.

Теперь было видно, что она очень стара. Прямая спина, стать танцовщицы, плавный изгиб бедер под тонким шелком выпущенной поверх шаровар туники – и морщинистое лицо женщины преклонных лет. Голова не покрыта, седые волосы льются серебряным водопадом, а мерцающие светлые глаза смотрят строго и неодобрительно, с затаенной горечью.

Песчаные ведьмы не дряхлеют телесно, у них только кожа с возрастом высыхает и покрывается морщинами, а под этой изношенной оболочкой – все та же сила и гибкость. Незадолго до своей кончины ведьма слабеет, словно ее одолел внезапный недуг, и, почуяв близкую смерть, уходит одна в пустыню. Одежду и украшения потом находят – но никаких останков, как будто она рассыпалась песком, растаяла в повисшем над барханами мареве. А если олосохарскую ведьму убьют до срока, ничего необычного с ее телом не произойдет, и тогда другие ведьмы зароют ее в пустыне, выполнив положенные обряды.

– Бабушка Данра… – прохрипела Хеледика.

– Глупая ты, Хеле, – ворчливо отозвалась старая ведьма. – И лицо чумазое, как у ночного разбойника. Живешь в мужской стране, позволяешь мужчинам собой командовать, вот и набралась от тех, с кем повелась.

«Как будто у меня был выбор!» Девушка не сказала это вслух. Не Данра придумала задабривать куджархов жертвами, это давний обычай. Да и выбор у нее был: или сбежать, или подчиниться решению общины.

– Как ты здесь оказалась, бабушка? – Она до того отвыкла от родного наречия, что слегка запиналась.

– Почуяла, что нынче ночью ты можешь умереть.

Данра была *видящая*. Когда-то она сказала, что Хеледика однажды попадет в беду из-за своей привычки крошить лепешки с ягодами лимчи, чтобы съесть ягоды отдельно, – так оно и вышло минувшей весной в Овдабе, куда агент Змейка ездила с напарницей шпионить для Ложи по заданию Шеро Крелдона.

– А где сейчас мама?

– Далеко отсюда, в Мадре.

Силы возвращались, и Хеледика нетвердо поднялась на ноги. Она ощущала слабость и тупую блуждающую боль во всем теле, но, похоже, с суставами все в порядке. В Аленде ее посмотрят маги-лекари, которые специализируются на вредоносных для плоти заклинаниях, а сейчас ее лечит разлитая в окружающем пространстве магия Олосохара.

Она опасалась, что бабушка спросит, почему она до сих пор не наведалась в деревню, раз уж господин Тейзург, в одном из своих прошлых воплощений родоначальник племени песчаных ведьм, взял ее под свое покровительство, – и тогда придется объяснять, что ей не хочется встречаться с родными Ксиланры. Однако Данра об этом речи не заводила, расспрашивала о ее жизни в Ларвезе.

– Неправильно ты живешь, Хеле, дурная у тебя голова. С детства была себе на уме: все девочки играют вместе, а тебе больше нравится быть одной. И всегда за тобой водилось, что ты тишком делаешь по-своему. До поры шелковая, а как тебе чего-то захочется, начинаешь своевольничать, да так, что за тобой не уследишь. И старших в деревне ослушалась, и своих магов из Аленды, и нашему родоначальнику господину Тейзургу сделаешь наперекор. Что ж, есть у песка и такая ипостась… Может, и подходяще для тебя быть шпионкой, только не связывайся с магами вроде этого черного – не по тебе враг. Видела, он и от меня-то ушел.

Она и сама это понимала. В следующий момент, осознав, что еще сказала Данра, она несогласно помотала головой:

– Бабушка, я очень благодарна господину Тейзургу и не собираюсь поступать ему наперекор, у меня и в тайных помыслах такого нет. А если мне поручат что-нибудь против него сделать, я откажусь, так и объясню, что не могу я действовать ему во вред. Я уже говорила об этом на всякий случай своему наставнику, и он сказал, что таких заданий мне давать не будут. Я почитаю нашего предка-родоначальника.

– До поры, до времени, – проворчала старшая ведьма. – А как положишь глаз на то, что господин Тейзург хочет для себя, так все твое почтение побоку, словно песок, сметенный ветром. Прямо из глотки у него вырвешь кусок, потому что решишь: «Это будет мое».

– Да никогда я так не поступлю! – Хеледика содрогнулась от вспыхнувшего негодования, но тут ее пошатнуло от слабости, и она прислонилась к стене. – Ничего я не заберу у господина Тейзурга, богами и псами…

Данра ударила ее тыльной стороной ладони по губам, и она стукнулась затылком о стену, не успев договорить. Зубы лязгнули, в глазах потемнело.

– Не зарекайся, дуреха! – свирепо прошипела старуха, приблизив морщинистое лицо. – Беду на себя накличешь, ежели этим поклянешься, а потом нарушишь слово. Чую, так захочешь взять свое, что никакой страх тебя не удержит, поэтому чтоб не смела больше зарекаться, ни вслух, ни в мыслях!

– Восемь из десяти, – невнятно пробормотала Хеледика, еле двигая распухшими губами. – Тебе что-то открылось, как тогда с ягодами лимчи, да, бабушка? Но ведь даже у самых сильных *видящих* вероятность восемь из десяти. Значит, по крайней мере два из десяти, что я не стану присваивать то, что принадлежит господину Эдмару. А что я захочу взять, это не открылось?

– Уж об этом ничего не ведаю.

По странному блеску лунно-светлых глаз Данры девушка заподозрила, что та о чем-то недоговаривает.

– Бабушка, ты ведь что-то еще знаешь… Скажи мне, что я не должна забирать у господина Тейзурга? Ну, хотя бы приблизительно, что это может быть? Если я буду заранее знать, чего не должна хотеть, я наверняка удержусь от неподобающего поступка.

– Не скажу, – помедлив, отрезала Данра. – Так оно будет вернее.

– Тогда я буду настороже, вовремя пойму, что это и есть то самое, и не возьму чужого, – решила Хеледика.

– Возьмешь, – покачала головой старая ведьма и вдруг, вновь приблизив лицо, чуть слышно шепнула: – И правильно сделаешь!

– Что?.. – удивленно переспросила внучка.

Но Данра, не ответив, крутанулась на пятке, завертелась на месте, обернулась песчаным смерчем и исчезла в боковом переулке. Этим колдовством владеют лишь самые опытные да могущественные из их племени, разменявшие не один десяток лет. Вот потому-то выручать Хеледику бабушка явилась одна, без мамы – та пока еще не научилась путешествовать по Олосохару таким способом.

Хеледика послала мыслевесть связному, и вскоре подоспела группа прикрытия с магическими фонариками: издали казалось, что в потемках плывет небольшой рой светлячков. Шагая в окружении агентов Ложи по закоулкам Гуртханды, а потом по тускло освещенным улицам Генры, девушка думала: «Нет уж, не надо мне ничего, что принадлежит господину Эдмару. Я от него видела только добро и не собираюсь платить за это неблагодарностью. Даже если мне что-то очень сильно понравится, ни за что не возьму, будь то хоть волшебный артефакт, хоть редкое украшение, два из десяти».

Ей пришло в голову, что бабушка Данра неспроста добавила «и правильно сделаешь». Может, песчаные ведьмы хотят, чтобы она украла у предка-родоначальника что-то, нужное для деревни? Считают, раз она теперь шпионка, что угодно запросто сворует, даже у своего благодетеля?

«Хм, интересно, что же это за ценность? И почему бы не сообщить мне прямо, что им нужно?.. Хотя нет, бабушка сказала, что мне самой захочется это присвоить… Два из десяти, не возьму. Хочется – перехочется, не надо мне чужого».

И потом, когда они сели в вагон, который только их и дожидался и сразу помчал по резервному пути без остановок в Аленду, Хеледика лежала на диванчике, завернувшись в плед, и сквозь дрему продолжала думать: «Ни за что не возьму я того, что принадлежит господину Эдмару, ни амулетов, ни драгоценностей, ни каких угодно красивых вещей, ни другого имущества, два из десяти, ничего мне не надо…»

Вабито, Куду и Монфу понуро топтались возле задней калитки добротного двухэтажного дома с обережной лепниной. Юный благодетель, спасший их в северных краях от мерзостных береговых тварей, снова прогнал их прочь. За минувшее время они более-менее усвоили здешнюю речь, разжившись на рынке парой языковых артефактов (воровать тоже помаленьку приспособились, и больше всех в этом непочтенном деле преуспел Монфу).

Никакой надежды: Дирвен Кориц заявил, что видел их в сортире вверх тормашками, они ему даром не нужны, никакой он не покровитель всяким придуркам. И велел, брезг-

ливо скривившись, подождать на задворках – им вынесут с кухни кое-какой жратвы во славу Тавше, а потом пусть проваливают, и чтоб он их больше не видел, потому что ему до свербежа в заднице обрыдло их рожи видеть.

Вот и зябли, дожидаясь обещанной жратвы. Ветер задувал под лохмотья, в животах урчало. В последний раз ели вчера до полудня, вскоре после того как сбежали, сообща применив защитные чары, от стайки зловредных гнупи.

Те опять их найдут. Всегда находят. Изгнанники во времени, заброшенные волей окаянного врага в далекое будущее, то и дело беспокойно прислушивались – не раздастся ли поблизости гнусное хихиканье. Пока ничего. Хлюпают по раскисшему снегу шаги, скрипят экипажи, стучат подковами лошади, шоркает по тротуару лопата, но никаких намеков на присутствие невидимых мучителей. Впрочем, те могут начать с того, что молча залепят кому-нибудь снежком в голову.

– Может, покончим разом со всеми неприятностями? – пробормотал Куду, зябко обхватив руками плечи.

В последнее время его все чаще посещали такие мысли.

– На радость Тейзургу? – буркнул упрямец Вабито.

А Монфу сипло добавил:

– Почем знать, что он и в серых пределах нас не достанет? У него демоны в приятелях, и сам он полудемон. И от Акетиса нам за Хальнора не миновать наказания. Смерть не выход.

Они умолкли. На их обноски с пухлого пасмурного неба падали снежинки, от голода подташнивало. Если они сейчас досыта поедят – возможно, хватит сил на охранные чары, чтобы невидимые слуги Тейзурга подольше их не нашли.

Тем временем Дирвен, развалившийся в кресле в натопленной комнате, тоже пребывал не в лучшем расположении духа. Даже большая кружка горячего шоколада была ему не в радость – может, потому, что сварила этот шоколад зубастая щука Глодия, которая собирается насильно выйти за него замуж. Она сидела напротив, в жемчугах и белых кружевах, и маме Дирвена воспитанно улыбалась, а на него поглядывала так, будто собиралась выкусить лакомый кусок. Натурально щучья порода. И сестрица с родительницей у нее такие же.

– Всякую рвань приваживаешь! – попрекнула она, когда Дирвен велел маминой прислуге вынести придуркам, что стоят возле черного хода, каких-нибудь объедков. – Кормишь дармоедов, вот они за тобой и шастают. Видать, деньги у тебя лишние завелись, девать некуда, ага? Нищим надобно подавать, это угодно Милосердной, но не до такой же степени, чтоб они по пятам за тобой таскались! Думал бы хоть, что про тебя люди станут болтать. Зачем ты их привадил?

– Я не привадил, сами прицепились, – пробурчал Дирвен.

– А у тебя характера не хватает турнуть их как следует!

– Вот сама и турни. У тебя наверняка получится. От тебя кто угодно сбежит без оглядки.

Глодия в раздумье свела нарисованные брови: его слова можно было принять и за комплимент, и за оскорбление. Потом вздернула острый подбородок, изящно, как научили, поднялась и направилась к двери, шурша пышным атласным платьем. На ходу бросила:

– Уж я-то их турну!

Отсутствовала она долго. У Дирвена даже закопошилась беспокойная мысль – то ли опасение, то ли надежда, – что те трое дохляков или заколдовали ее, или украли и, стало быть, не придется на ней жениться. Маги ведь, хоть и голодранцы.

Но, во-первых, маги они плюнь да разотри, почти без силы. Во-вторых, дом, где поселили маму, хорошо охраняется, пусть парни Ложи и не мозолят глаза посторонним. В-третьих, Рогатая Госпожа вряд ли будет настолько милосердна к Дирвену – от нее же все его беды, еще с того раза, когда он в десятилетнем возрасте раскапризничался на улице,

и овдейский Надзор за Детским Счастьем конфисковал его у мамы, обвинив ее в родительском жестокосердии. В-четвертых, у Глодии останется младшая сестрица Салинса, похожая на нее и лицом, и нравом, так что по-любому женят, не миновать засады.

Благодаря этим здравым соображениям он не слишком расстроился, когда его невеста вернулась в гостиную живая и невредимая. Мама сразу умолкла, а перед тем она, расстроенно вздыхая, рассуждала о том, какая хорошая девушка Дирвену досталась – разумная, практичная, обходительная… Наверняка архимаги Ложи, которые затеяли его женить, на нее тоже давят, потому-то она и настаивает, хотя видит, что невеста ему не по душе. Если б не мама, он бы чворка дохлого женился! Но вызвать ее на откровенность и добиться, чтобы она стала с ним заодно, никак не удавалось.

Глодия выглядела задумчивой – такое выражение редко гостило на ее остроносой щучьей физиономии. Обычно у нее на лбу написано: «Я все лучше тебя наперед знаю», – по крайней мере, когда она не изображает пай-девочку перед мамой или кошмарной госпожой Армилой, а клюет мозги Дирвену.

Чинно извинившись перед Сонтобией Кориц, она поманила его в соседнюю комнату. Пошел из любопытства – с нарочитой неспешностью, скроив равнодушную мину. Если барышня Щука думает, что он будет с ней романтически целоваться среди кружевных салфеток и фарфоровых безделушек – дохлый чворк ей, неужели сама не понимает?

– Эти трое говорят, что они маги, – деловитым шепотом выложила Глодия. – Не врут, волшебный фокус показали. А ты, остолопина, сам не допер, что они маги?

– Ха, я это с самого начала определил, – презрительно фыркнул Дирвен. – А за деревенские словечки тебя госпожа Армила плеткой по спине вытянет.

– Не вытянет, ее же тут нет, – ухмыльнулась Щука. – Если определил, почему ведешь себя, как остолоп?

– Сама остолопка!

– Да уж я бы на твоем месте сразу потолковала бы с ними как надо! Они ледащие, голоднющие, но маги. Если обидятся, могут нагадить. Или меня сглазят, когда я буду ходить брюхатая в интересном положении, или еще чего… Но они не угрожают, а просятся к нам в услужение. Говорят, ты их от народца спас. Правда, что ли?

– От жляв, – небрежно подтвердил Дирвен. – В Овдабе. Придурки аж оттуда за мной притащились. Ха, да кому они нужны!

Вот бы и впрямь ее сглазили, да так, чтобы одно воспоминание от Щуки осталось…

– Ты и вправду остолопина, – ее голос прозвучал холодно и осуждающе. – Кому нужны маги, которые сами просятся к тебе в услужение?! А если их откормить и заставить помыться, чтоб не воняло, с них, может, какой-нибудь прок нам будет! Прежде чем что-то выкидывать, глянь, не сгодится ли оно в хозяйстве, тогда тебе не придется под чужими окнами побираться.

Последнюю сентенцию она произнесла так значительно, что Дирвен понял: повторяет затверженное.

– Ха!

– И не хакай, не то мухой подавишься. И скажи спасибо, что у тебя есть я, чтобы думать. Их надо или взять к себе, или не просто выгнать со двора, а услать с каким-нибудь поручением. Тогда они хоть какую-то пользу принесут. По крайности не будут мозолить глаза своими болячками и вонью, и не скомпрометируют нас перед обществом.

– Можно, – с прохладцей бросил Дирвен, про себя оценив эту идею.

– Пораскинь головой, что ты им поручишь.

Увы, его поручение напугало тройку обтрепанных магов до испарины, выступившей на изможденных лицах, несмотря на утренний морозец. Он велел, чтобы они напакостили, как сумеют, Самой Главной Сволочи, то бишь угробцу Эдмару, но тут выясни-

лось, что эти маги-доходяги уже с ним знакомы, и есть меж них какие-то давние счеты… Спасибо, что не обделались с перепугу. Давай наперебой объяснять на скверном ларвезийском, что к Дирвену они просятся в том числе для того, чтобы он защищал их от Тейзурга. Во засада, можно подумать, других забот у него нет! Потом ему припомнилось сказочное: «Отправляйся в неведомую страну, принеси оттуда неведомо что, которое всего на свете дороже» – и он сообразил, с каким заданием этих придурков можно услать с глаз долой.

– Я возьму вас на службу и буду защищать от Тейзурга при одном условии, – то, что галдеж стих, едва он заговорил, доставило ему немалое удовольствие. – Вы должны найти для меня два потерянных амулета. Где их искать, понятия не имею, но если вы, как говорите, древние маги, сами разберетесь. На северо-востоке за Унскими горами когда-то была страна Арибана, в учебниках про нее ничего не написано, крухутаки знают, когда это было. Мне о ней рассказывал демон Хиалы. Я его вместе с одним придурком случайно освободил из ловушки, поэтому, наверное, он не врал. Арибаной правили короли-амулетчики – ну, по-вашему, маги-предметники, очень могущественные. И у них было три самых важных королевских артефакта, которые работали, только если собрать их вместе. Один вот такой – Дирвен вытащил из потайного кармана медальон с гравировкой. – Это латунная копия, оригинал золотой. Еще должно быть золотое кольцо с печаткой и золотой головной обруч, надо то и другое найти. Когда вы мне их принесете, вы станете моими вассалами, и я задам жару скотине Эдмару. Мне для этого нужны обруч и кольцо. Если возьметесь искать, копию берите с собой, у меня их несколько.

Трое придурков начали благодарить и заверять в своей преданности. Заскорузлые пальцы с обгрызенными ногтями схватили латунную медальку и спрятали за пазуху, под грязные лохмотья.

– Вот это еще держите, – Дирвен отцепил от связки и швырнул им «Безлунную круговерть» – усовершенствованный вариант «Круговерти», предназначенный для ухода не только от людей, но и от волшебного народца. – Поможет сбежать от гнупи, которых этот гад на вас натравил.

По Уставу он не имел права разбрасываться казенными амулетами, но ему хотелось насолить Эдмару. Куду, Вабито и Монфу опять принялись горячо благодарить, он оборвал их излияния:

– Идите. И не возвращайтесь без арибанских артефактов. Денег не дам, – у него их и не было, но первый амулетчик Светлейшей Ложи не стал распространяться о том, что почти все его жалованье позорно удерживают в казну. – Если вы маги, а не придурки, сумеете прокормиться. И где-нибудь помойтесь, а то вы как три ходячие мусорные кучи, я не могу одновременно разговаривать и нос зажимать.

Они покорно приняли оскорбление и рассыпались в заверениях, что теперь, когда началась их служба благородному молодому господину, они позаботятся о своем внешнем облике.

– Отделался я от них, – похвастал Дирвен, вернувшись в гостиную к маме и Глодии. – Больше не явятся.

«А если вдруг… – добавил он про себя. – Если… Ну, тогда держись, ублюдок Эдмар!»

Между тем Вабито, Монфу и Куду петляли по улицам, задействовав «Безлунную круговерть», и прикидывали, где бы украсть пристойную одежду.

– Невероятно, люди до сих пор помнят о Наследии Заввы, – заметил почти согревшийся от быстрой ходьбы Монфу.

– Для нынешних это легенда или даже обрывок легенды, – возразил Куду. – Скорее всего Арибана была уже после нашего времени, иначе мы бы о ней хоть что-нибудь знали.

– Если маг-предметник такой силы получит эти амулеты, его могущество станет почти безграничным. – Вабито выдохнул облачко пара и надсадно закашлялся, потом продолжил: – Он молод и порывист, но мы сможем влиять на него, направлять… Дело за тем, чтобы найти ему Наследие Заввы, с таким оружием у него будут шансы уничтожить нашего врага – вы это понимаете?

Они по-прежнему ощущали себя песчинками, затерянными посреди бескрайнего холодного океана, – но теперь уже не скользящими в ледяную бездну, а подхваченными стремительным донным течением. У них наконец-то появилась *цель*.

– Коллега Тейзург, сказывают, кота завел.

Сообщив эту новость, в которой не было ничего из ряда вон выходящего, коллега Плашемонг уставился на Орвехта с потаенным ликованием завзятого сплетника. Невысокий, рыхловатый, нервически живой, свежие новости он пересказывал с таким энтузиазмом, будто ему за это приплачивали.

– Отчего же коллеге Тейзургу не завести кота? – отозвался Суно с вежливым равнодушием, высматривая среди закусок на столе фаршированные баклажаны по-нангерски, которые дворцовый шеф-повар готовил отменно. Большие королевские приемы тем и хороши, что гостей кормят до отвала, но если хочешь отведать какой-нибудь особо прославленный деликатес – успевай, а то желающих и без тебя хватает.

Ларвезой давно уже правила Светлейшая Ложа, и король был скорее символом верховной власти, нежели значимой политической величиной, но в то же время королевский дом оказывал немалое влияние на экономику страны, поскольку держал один из крупнейших в просвещенном мире банков.

– Так он его, говорят, по ночам на улицу выпускает, – сообщил Плашемонг таким многозначительным тоном, будто речь шла о невесть каком нарушении закона, и его лысина торжествующе сверкнула в свете люстры. – Свидетели имеются…

– Что ж в этом такого, я свою Тилибирию тоже выпускаю на улицу.

– Да кот-то у него не домашний! – Собеседник понизил голос до интригующего шепота. – Дикий зверь, во-о-от такой здоровенный! – Он развел руками, словно хвалился сорвавшейся с крючка рыбиной. – И натурально бешеный, на людей кидается. Четверых порвал до крови вчерашним вечером.

Коллега Плашемонг был хоть и болтун, но не безответственный болтун – из тех, кто понимает, что соврешь раз, другой, а дальше веры тебе не будет. Слухи и сплетни составляли его главную страсть. Преподнося их, маг весьма посредственных способностей ощущал себя истинным волшебником и наслаждался триумфом, словно артист или дирижер оркестра, сорвавший овации. При этом он потчевал слушателей сплетнями, у которых было хотя бы подобие реальной подоплеки. Раз уж рассказывает взахлеб про бешеного дикого кота – значит, этот кот по меньшей мере кому-то померещился с пьяных глаз, и найдется какой-никакой очевидец, готовый подтвердить, что это истинная правда.

– А не демон ли это, часом? – предположил присоединившийся к ним коллега Харвет. – Известно же, что коллега Тейзург с ними якшается. Открыл Врата какому-нибудь своему приятелю, которому приспичило по городу прошвырнуться, вот вам и кот-убийца.

– Непохоже, чтобы демон. У пострадавших были недурные защитные амулеты, и это их не спасло, а девчонка, модисточка с улицы Сиреневой Занавески, убежала невредимая, хотя у нее не было никакой защиты.

– Демоны могут вести себя по-разному, сие зависит от множества факторов, которые не всегда на виду, – возразил Орвехт. – И не последнюю роль играет настроение демона на момент инцидента.

Будучи экзорцистом, он неплохо изучил повадки тварей Хиалы. Впрочем, говорить тут о «повадках» можно лишь с изрядной долей условности: демоны – не животные. Представления о том, что визитер из Хиалы, ежели у него есть выбор, непременно первым делом кинется на женщину или всегда предпочтет легкую добычу сильному противнику, – это из области мифов. Пожалуй, в половине случаев так и будет, но что касается другой половины – заранее не угадаешь. Тяга к обобщениям и к «оно же должно быть так!» не одного начинающего экзорциста бесславно сгубила.

– А вот и сам коллега Тейзург, – шепнул Харвет, указав на упомянутую персону чуть заметным кивком. – Подойдем?

Залы с высокими лепными потолками располагались анфиладой, и в каждом стояли вдоль стен богато сервированные столы. Коллегу Эдмара в соседнем зале было видно со спины, но это мог быть только он: роскошная китонская баэга с серебристо-синими узорами, длинные черные волосы с фиолетовыми и зелеными прядями – кто бы еще явился на королевский прием в таком виде?

Рядом Зинта и маг-наемник Хантре Кайдо. Сомнительно, чтобы последний получил официальное приглашение, но Тейзург, как правитель Ляранского княжества, по дипломатическому протоколу имел право на свиту, вот и привел его с собой.

Эдмар как раз обменялся приветствиями с двумя придворными и архимагом, остановившимися возле того же стола, и коллеги Харвет с Плашемонгом при виде начальства раздумали к нему подходить. А Суно – другое дело: в этой компании его Зинта, так что высокий ранг собеседников не повод, чтобы топтаться в сторонке.

Вблизи одеяние Эдмара выглядело еще изысканней: как будто темно-синее ночное небо затянуто серебряной паутиной, и в ее узорах то там, то здесь мерцает подобие орхидеи или затаившегося хищного насекомого. Всего на мгновение, и верить ли собственным глазам – решайте сами. Никакого волшебства, впечатления зависят единственно от игры света на плотной шелковой ткани из разнородных нитей.

Его ногти покрывал темный зеркальный лак, на шее переливалось ожерелье из редчайших черных алмазов, крупных, как гранатовые зерна. И Зинта в светлом платье с неброским обережным орнаментом, и Кайдо в костюме из серого бархата рядом с ним выглядели скромными провинциалами. Впрочем, разодетые в пух и прах придворные и достопочтенный Убрелдон в парадной мантии с золотым шитьем по части пыли в глаза коллеге Тейзургу не уступали. Или почти не уступали.

Речь они завели о том же, о чем толковал вдохновенный сплетник Плашемонг: о коте, которого негоже выпускать на улицу без присмотра. Видимо, инцидент с нападением на прохожих и впрямь имел место. Эдмар отпирался – да помилуйте, никаких диких зверей он в своей резиденции на бульваре Шляпных Роз не держит, – но затаившаяся в углу рта ухмылка заставляла усомниться в его искренности. Казалось, этот разговор его забавляет, и время от времени он с непонятным выражением косился на хмурого Кайдо, словно приглашая присоединиться к веселью.

Рыжий выглядел раздосадованным, как будто ему дискуссия на кошачью тему до оскомины не нравилась, а сохранять на лице вежливую мину он то ли не обучен, то ли не находит нужным. Мол, «деньги мне платят не за это» – есть такая принципиально необходительная категория наемников. Зинта, казалось, силилась что-то понять, даже лоб слегка морщила, Орвехту редко доводилось видеть ее настолько озадаченной.

– Лица у всех разодраны в кровь, кожа – лоскутьями, – рассказывал граф данг Ваглерум, крупный мужчина представительной скульптурной наружности, хотя и несколько обрюзгший. – У молодого Симервальда глаз вытек, у другого повреждена гортань. Среди них был сын моей старинной приятельницы, он тоже серьезно пострадал.

Интонации влиятельного светского человека, крайне рассерженного, но привыкшего держать свои эмоции в узде. Он все же не забывал о том, что перед ним могущественный маг с весьма сволочной репутацией. Его засушенный спутник, имя которого Орвехт запамятовал, то ли менее влиятельный, то ли не столь решительный, время от времени молча кивал, всем своим видом выказывая поддержку.

Достопочтенный Убрелдон угощался пирожным с вишенкой и напоминал досужего зеваку, если сие сравнение позволительно по отношению к архимагу.

– Госпожа Граско, вы сможете оказать помощь пострадавшим? – обратился обвинитель к лекарке.

– Конечно, смогу, – заверила та, взглядывая на всех поочередно с таким мучительным недоумением, словно никак не могла уяснить для себя что-то важное.

– Мы на вас рассчитываем, и вы получите достойное вознаграждение во славу Тавше.

– И еще эта девица выскочила со двора на улицу с визгом и без юбки, посеяв смятение среди прохожих, – внес свою скромную лепту тощий придворный.

– Так кот еще и юбку ей порвал? – всплеснула руками лекарка.

– Не кот. Юбку с нее сорвали юнцы – знаете, как наше «золотое юношество» шалит? Они ее поймали возле подворотни, хотели пошутить, и тут на них напал этот бешеный зверь. Якобы ничей…

После этих слов лицо Зинты внезапно просветлело, словно та головоломка, над которой она маялась, наконец-то разрешилась, – а потом лекарка нахмурилась:

– Ах, так вот оно в чем дело… Что ж, раз я пообещала помочь, отказаться не могу, но вы тут о вознаграждении толковали – заплатите, сколько скажу. Иначе на меня не рассчитывайте. Это по правилам. Если речь не идет от жизни и смерти, я в особых случаях могу поставить такое условие. Пусть деньги готовят, иначе пальцем не шевельну.

– Сколько вы хотите, госпожа Граско? – деловито и с оттенком превосходства осведомился царедворец.

Когда лекарка назвала сумму, архимаг, приготовившийся откусить от пирожного, нелепо замер с приоткрытым ртом. Тощий выпучил глаза. Первый придворный сглотнул, отчего колыхнулся его ухоженный двойной подбородок. Суно в уме прикинул, что на эти деньги Зинта сможет купить по примеру Эдмара небольшое княжество в Суринани и до конца жизни купаться в роскоши.

– О, наконец-то ты становишься практичной женщиной, – одобрительно хмыкнул Тейзург.

– Это не мне! – возразила она торопливо и сконфуженно. – Деньги пойдут на нужды лечебниц во славу Тавше Милосердной, и некоторая доля – той девушке за ущерб. А говорите, кот виноват, да он правильно сделал, что заступился! Другой раз эти поганцы подличать не будут.

«Браво, Зинта», – усмехнулся про себя Суно.

Архимаг отделался легким удивлением и продолжил чревоугодничать, зато придворные напоминали рыб, которые вместо воды раз за разом судорожно заглатывают воздух.

– Сударыня, вы забываетесь! – овладев собой, вымолвил Ваглерум. – Золотое юношество – это будущий цвет нашего общества, наши дети, которые пока всего лишь по-детски озоруют, и нельзя их за это строго судить.

– Сударь, мне сдается, это вы забываетесь, – небрежно, словно его одолевала скука смертная, заметил Эдмар. – Вы неучтивы с дамой, со служительницей богини – фи, как это некрасиво. Боюсь, я *крайне* шокирован…

– Мои извинения, госпожа Граско, – поправился собеседник, благоразумно сбавив тон. – Вы иностранка, у вас в Молоне другой уклад жизни… Полагаю, в Аленде, в новой среде, вам пока еще не все понятно.

– Что надо, то мне понятно, – тихо, но с неожиданным нажимом возразила Зинта. – Подлость это зложительская и свинство – напасть целой шайкой на девчонку! И юбку порвали, а на новую у нее, может, и денег-то нет. Да они ведь и хуже бы поступили, если б этот кот, на ее счастье, мимо не пробегал.

– А вы знаете, чей это кот, госпожа Граско? – проницательно осведомился Убрелдон.

Лекарка энергично помотала головой, но у Суно крепла уверенность, что все-то она знает. Надо будет дома порасспросить.

– Госпожа Граско, у нас в Ларвезе такие суждения недопустимы, когда речь идет о молодых людях благородного сословия, – наставительно возразил вельможа. – Что же до девицы-модистки, то это просто маленькая шлюшка, будь она в юбке или без юбки. Если она попала в такую историю, сама виновата. Жертвы всегда сами провоцируют насильников. Должно быть, подмигнула им или сболтнула что-нибудь легкомысленное, когда проходила мимо. И подумайте, что она могла делать в поздний час на улице? Так что ее наветы на наших молодых людей просто смехотворны, а ее самое следовало бы примерно наказать за безнравственность! Ох, уж эти жертвы насилия…

Глядя на него в упор, Зинта гневно сдвинула брови, словно и хотела что-то сказать, и не находила слов.

– Хантре, умоляю, не надо, – меланхолично произнес Эдмар, перед тем как поднести к губам хрустальный бокал на витой ножке. – Мы не в трактире…

Стремительное движение, звук удара. Через несколько мгновений разговоры смолкли, и в гробовой тишине множество лиц повернулось в их сторону. Отчетливее стали слышны звуки оркестра, игравшего в бальной зале за арками, и гул голосов из соседних помещений.

– Я же просил, не надо, – пригубив золотистое вино, вздохнул Эдмар с кротким упреком. – А ты меня проигнорировал и поставил в неловкое положение.

Кайдо взглянул на него, но промолчал.

Дворцовые стражники с золотыми аксельбантами на мундирах приближались нерешительно, никто не рвался вперед: как-никак нарушитель спокойствия – не простой дебошир, а боевой маг.

Оглушенный ударом царедворец нетвердо шагнул назад, но все же не упал – несмотря на свою нынешнюю обрюзглость, он отличался могучей статью и выглядел как человек с богатым прошлым. Потрогав опухающую скулу, вперил тяжелый взгляд в агрессора.

– Ты, каналья… Что ты себе позволяешь, висельник!

– Так ведь сам виноват, – нарушил свое неприветливое молчание рыжий наемник. – Не лучше какой-нибудь шлюшки, на которую напали на улице. Жертва всегда сама виновата, разве не так?

– У тебя еще будут шансы в этом убедиться, ублюдок подзаборный!

– Они собирались ее изнасиловать и обстричь наголо, – объяснил Кайдо, обращаясь к остальным. – Им показалось, что это будет весело.

– Так это ты натравил на них дрессированного кошачьего скота?! Это ты его там выгуливал по хозяйскому приказу, отродье Хиалы?

– Пожалуй, я мало запросила, – проворчала Зинта. – Не столько, а вдвое больше, во славу Тавше, и никакого торга.

– Ты за это ответишь, – сверля рыжего ненавидящим взглядом, посулил вельможа.

– Непременно ответит, – подхватил Тейзург. – Уж об этом не беспокойтесь, я у него за сие безобразие из жалованья вычту. За причинение вам обиды кулаком по лицу – пятьдесят золотых ривлов, за то, что проигнорировал пожелание своего нанимателя, – еще сотня, итого сто пятьдесят золотых. Слышишь, Хантре, ты оштрафован.

– Штрафуй на здоровье.

– И еще двадцать пять монет за то, что невежливо огрызнулся. Мелочь, а приятно… Господин Ваглерум, вы удовлетворены? Ваши пятьдесят ривлов за ущерб я завтра же пришлю с посыльным.

Ваглерум побагровел, перевел гневный взгляд теперь уже на улыбающегося Эдмара. И всякий бы его понял: пятьдесят ривлов – недурная сумма для прачки, вечерницы или кучера, но предложить ее в качестве компенсации вельможе – издевка стократ хуже предшествующего оскорбления.

– Вы полагаете, это может меня удовлетворить, господин Тейзург? – осведомился Ваглерум ледяным тоном.

– О, так вы желаете иной сатисфакции? – промурлыкал Эдмар. – Уж не собираетесь ли вы на дуэль его вызвать? Простого наемника… Я нахожу, что это вульгарно. Право же, общество вас не поймет. С другой стороны, поскольку Хантре Кайдо – мой наемник, мне и ответ за него держать. Я принимаю ваш вызов, граф, и готов обсудить детали этого деликатного приключения с вашими секундантами.

Дуэли в Ларвезе были официально запрещены, но полуофициально разрешены, и если все оставались живы, это не влекло для участников суровых последствий. Исключением были маги Ложи – Устав возбранял им выяснять отношения таким способом. Также на поединках нельзя было использовать заклинания, амулеты, чары либо какое угодно иное волшебство – чтобы проследить за этим, обычно приглашали мага-эксперта.

– Обожаю дуэли, – мечтательно ухмыльнулся Тейзург, обращаясь к остальным. – Увы, мне давно уже никто не бросал вызов, и вдруг такая восхитительная неожиданность!

Ваглерум, не удостоив его ответом, без поклона развернулся и направился к арке, за которой сияла анфилада залов. Сухощавый, помешкав, учтиво кивнул и заторопился следом.

Общество всколыхнулось, как водоем, потревоженный волнением после мертвого штиля. Шепотки, блеск глаз, оживленные разговоры вполголоса.

– Их давно не развлекали скандалами, – почти благодушно усмехнулся Эдмар, взяв с подноса у слуги бокал рубинового вина. – Хантре, ты не обиделся?

– На кого? – угрюмо поинтересовался рыжий.

– Да уж, скорее тут на тебя должны обижаться.

– Коллега Тейзург, так вы держите у себя дома дикого кота или нет? – доверительно осведомился достопочтенный Убрелдон, нацелясь на предпоследнее пирожное с вишенкой. – Уж сколько народу эту бестию на улицах замечало. По описаниям, зверь кошачьего вида, величиной с собаку средних размеров, серый с рыжеватыми подпалинами, с кисточками на ушах. Если он и вправду ваш, нехорошо, что бегает где попало без присмотра и без ошейника.

– Считаете, на него надо надеть ошейник и прогуливать на поводке?

– Это было бы неплохо. Не приводило бы к осложнениям, – осклабился архимаг, радуясь тому, как ловко, за один ход, он вывел собеседника на чистую воду.

– Хм, ошейник – интересная идея… Пожалуй, в этом есть своя прелесть. Он, конечно, будет царапаться, но я как-нибудь справлюсь. И поведу его гулять на поводке, и все будут на нас смотреть… Хантре, что ты об этом думаешь?

Наемник не ответил, но его презрительная мина яснее слов говорила, что он думает: хозяйская дурь и блажь, до которой ему нет дела.

– Ошейник непременно нужно будет украсить драгоценными камнями, – мечтательно сощурив отливающие золотом глаза, продолжил изобличенный котовладелец. – Алмазами? Сапфирами? Топазами?.. Хантре, заказывать этот аксессуар поедем вместе, и я непременно учту твои пожелания, но последнее слово, разумеется, останется за мной.

Рыжего буквально передернуло, при этом пальцы его правой руки будто невзначай сложились в кулак. Бешеный парень. Еще спасибо, что попросту бьет, а не швыряется заклятьями. Впрочем, последнее свидетельствовало о том, что хоть он и бешеный, но с контролем и установил себе границы, за которые не выходит. Вспыльчивый боевой маг без самоконтроля – это в иных случаях хуже теплой компании гостей из Хиалы, и графу данг Ваглеруму впору бы возблагодарить богов, что дело ограничилось заурядным рукоприкладством.

По имеющимся у Ложи сведениям, Кайдо за время своей недолгой службы у Тейзурга успел отправить на суд Акетиса двух ужасателей с «ведьмиными мясорубками» и еще трех агентов Ктармы – хорошо вооруженного амулетчика и магов, скрывавшихся в сурийских кварталах под видом переселенцев.

В Ложе рассматривали вопрос о том, чтобы его перекупить, но это следовало сделать дипломатично, не рассорившись в пух и прах с коллегой Тейзургом. Похоже, тот рыжего бесит, и если на этом сыграть…

Не один Орвехт подумал о перевербовке ценного специалиста. Проницательные глаза Убрелдона алчно вспыхнули. Другие маги Ложи, подтянувшиеся к их группе, тоже глядели оценивающе, точно севшие за доску игроки в сандалу: кто сумеет переманить Хантре Кайдо, тот может рассчитывать на весомую благодарность от руководства.

– Некое странное чувство меня посетило, словно кто-то подбирается, чтобы стибрить у меня кошелек или перстень, – пробормотал Эдмар, вроде бы ни к кому не обращаясь. – И с чего бы это?.. Добрый вечер, коллеги, взаимно рад вас видеть!

Пока обменивались приветствиями, Кайдо ретировался. Впрочем, далеко не ушел: красивая черноволосая волшебница в смело декольтированном платье перехватила его, ослепила улыбкой и утянула танцевать в бальную залу.

– Видели, какая сволота? – тихонько поинтересовался за спиной у Орвехта кто-то из коллег. – Когда его нанимателю захотелось поговорить об ошейничке для котика, о милом житейском пустячке, парня аж перекосило от презрения! Видели? Мол-де что мне ваши котики и прочая ерунда, я на это плевал свысока! Наемник, этим все сказано.

– Однако своих денег он стоит, нельзя не признать, – рассудительно отозвался другой. – За две сломанные «мясорубки» можно извинить отсутствие хороших манер.

– Он работает за деньги. Даже самый дорогой наемник – последняя шваль, которую негоже пускать в приличное общество. Вот вам доказательство. Выяснить бы еще, сколько он стоит…

Суно заметил Хеледику в дымчато-золотистом платье с черными кружевами, скользившую в толпе грациозной змейкой: со стороны можно было подумать, что дворцовые залы – ее родная стихия. Вчера утром она вернулась из Гуртханды, где уничтожила еще одну носительницу «мясорубки», едва не поплатившись за это жизнью. С ней весь день возились магилекари, убирая последствия поражающих заклятий, а теперь она, как ни в чем не бывало, явилась на королевский прием. Все же перегнул Шеро, убийца – неподходящая профессия для девчонки… Хотя, пожалуй, подходящая для песчаной ведьмы.

– Что ты думаешь о Хантре Кайдо? – спросил Орвехт, когда остальные, негромко переговариваясь, направились к другому столу, и они остались втроем – он, Зинта и Хеледика.

Ему было любопытно услышать ее мнение.

– Сильный маг, – сразу же ответила девушка. – И еще…

Она замешкалась, то ли подбирая слова, то ли пытаясь определиться со своими впечатлениями. Ее круглые, приподнятые к вискам глаза песочного цвета смотрели с задумчивой прохладцей.

– На нем как будто тень тени какого-то неизвестного заклятья. Чтобы сказать что-то еще, я слишком мало его видела, зато наслушалась, что о нем болтают дамы и барышни.

– И что же?

– То, что сейчас модно… Сочиняют про него и господина Эдмара всякие непристойности.

– Чему удивляться, эти великосветские негодяйки даже нас с коллегой Шеро сосватали, – невозмутимо заметил Суно. – Хотя ты можешь представить себе худшее стыдобище?

Зинта сердито фыркнула.

– Про вас они такое говорят больше в шутку, – успокоила ведьма. – А про господина Эдмара и господина Кайдо – всерьез, со всякими романтическими подробностями. Они еще сговорились все это записывать, и у них тайные тетрадки по рукам ходят.

– Ужас какой зложительский, – с чувством высказалась лекарка.

– Господин Шаклемонг Незапятнанный предлагал мне триста ривлов, если я такую тетрадку для него украду. Сказал, что он хочет это прочитать только затем, чтобы обличать их. – Хеледика сдержанно улыбнулась, сумев показать этой улыбкой, какого она мнения о Шаклемонге. – Я ответила, что я ведьма Ложи, а не салонная воровка, тогда он начал говорить об упадке нравов, еле от него отделалась.

– От кого отделалась? – вопросительно подмигнул вернувшийся князь Ляраны.

– От Шаклемонга.

– Он метит в королевские советники, и будет забавно, если он своего добьется. Может, стоит поспособствовать исполнению его мечты? Признаться, люблю такой театр…

– Это будет не театр, а балаган самого неважнецкого пошиба, так что лучше уж не способствуйте, коллега Эдмар, сделайте одолжение, – попросил Орвехт. – Тем более что влияние Королевского Совета в последнее время возросло.

Ложе пришлось поделиться властью с почуявшими слабину вельможами – «на период временных затруднений вследствие неблагоприятных феноменальных завихрений в циркуляции мировой магической энергии». Рассчитали с участием *видящих*, что эта уступка сулит меньшие потери, нежели то, что может произойти, если ларвезийской аристократией овладеют мятежные настроения.

Посередине большого серебряного блюда осталось последнее пирожное, украшенное взбитыми сливками и вишенкой. Тейзург и Хеледика потянулись к нему одновременно.

– Ой… – Девушка со слабым вскриком отдернула руку. – Извините, господин Эдмар, это ваше пирожное!

– О чем разговор, уступаю.

Она выглядела слегка испуганной, он – слегка озадаченным.

– Нет-нет, если вы хотите съесть это пирожное, я не собираюсь его присваивать. – Хеледика с натянутой улыбкой отступила от стола. – Это было бы с моей стороны нехорошо…

– Что это с ней? – изумленно вскинул бровь Тейзург, когда песчаная ведьма, явно сконфуженная, исчезла за чужими спинами.

Одновременно с этим он использовал заклинание, выявляющее яды, иные зелья и вредоносные чары, потом хмыкнул:

– Вроде бы чисто. Пардон, после Тимодии с ее незабвенными пирожками и коллеги Зибелдона с бутылкой магобоя я стал несколько мнительным. Любопытно, что мне в следующий раз подсунут.

– Сомневаюсь, чтобы Хеледика выдала себя таким образом, если бы собиралась вас отравить, – заметил Орвехт, с интересом наблюдавший за действием примененного для проверки заклинания.

– Благодарю, коллега Суно, утешили. Впрочем, я склонен с вами согласиться.

А Зинта решительно взяла с блюда злополучное лакомство, но вместо того, чтобы откусить, принюхалась и выдала заключение:

– Никакой отравы. И Хеледика вовсе не зложительница!

– Несомненно. – Эдмар ловко отобрал у нее пирожное, и через секунду оно исчезло, перемещенное в волшебную кладовку. – Это будет мой десерт на завтра. А может, кого-нибудь угощу.

После того как он скрылся в толпе гостей, Суно с Зинтой пошли в бальную залу и поднялись на галерею, где были расставлены стулья с гнутыми ножками. Зинта знала молонские народные пляски и дважды в восьмицу брала уроки у сурийской танцовщицы, но бальные танцы были ей незнакомы. Она глядела на кружащиеся пары с девчоночьим восхищением, ясные серые глаза радостно сияли. Орвехта посетила странная сентиментальная мысль, что человеческая способность вот так бескорыстно восхищаться чем-то красивым – тоже своего рода магия, возможно, необходимая миру для его нормального функционирования. И в который раз Суно возблагодарил богов за то, что не разминулся с Зинтой на извилистых тропинках обстоятельств и судеб.

Этим благим размышлениям он предавался недолго. Взгляд выхватил пусть не самую искусную, зато самую красивую пару: стройный огненно-рыжий кавалер и очаровательная брюнетка в пышном фиолетовом платье, сверху похожая на роскошную лилию, скользящую по глади озера. Вела дама. Рыжий старался подстраиваться под ее движения, это у него получалось с переменным успехом. Впрочем, неумелость извинительна: парень в Аленде всего с месяц, и вряд ли у него было время учиться модным танцам – он все больше за ужасателями охотился. Орвехт мог бы побиться об заклад, что прекрасная коллега Роледия сейчас выполняет конфиденциальное задание Шеро Крелдона.

– Зинта, что ты знаешь о Хантре Кайдо? – негромко спросил Суно.

Выражение ее лица переменилось, стало испуганным и виноватым.

– Ничего не знаю, – она ответила резко, словно хотела сразу же оборвать все возможные расспросы.

Орвехт не настаивал. Еще один кусочек головоломки. Этих кусочков у него уже набрался полный карман, достаточно для того, чтобы сложить картинку самостоятельно.

Когда спустились вниз, навстречу попался коллега Эдмар, направлявшийся в бальную залу – то ли танцевать и флиртовать, то ли отнимать у вербовщиков Ложи своего драгоценного наемника.

– Побеседовал я с Хеледикой. Вы только подумайте: пирожное – это просто пирожное. Девочка поклялась богами, псами и песками Олосохара, что никакой каверзы не замышляла и всего лишь не хотела оставить меня без сладкого. Опасалась, что я расстроюсь, если у меня из-под носа уведут последнее пирожное с вишенкой. Зинта, коллега Суно, как вам это нравится? За кого она, интересно, меня принимает – за обжору с тонкой душевной организацией? Истинный мрак и ужас… После ее трогательного признания у меня голова идет кругом.

Небрежно поклонившись, он скрылся за аркой, обрамленной вызолоченным лепным плющом.

С вопросом, который ему хотелось задать Зинте, Суно повременил до дома – и лишь оставшись с ней в комнате вдвоем, проверив защиту и установив дополнительные охранные чары, приступил к разговору:

– Эдмар тебе угрожал?

– Почему? – Она искренне удивилась. – Нет…

– Тогда кто запретил тебе говорить со мной о Кайдо?

Ее лицо снова сделалось беспомощно-тревожным:

– Не могу… Я об этом совсем не могу… Правда, пожалуйста, не спрашивай больше!

– Кто тебя так напугал? – Суно сжал чуть покрепче ее мягкие теплые плечи. – Кого я должен уничтожить? Просто назови имя, дальше сам разберусь.

– Я не знаю. – Зинта уткнулась в него и всхлипнула, потом еле слышно пробормотала: – С ней нельзя разбираться, и у нее нет имени, а на самом деле у нее, наверное, много имен. Я кое о чем ее попросила, потому что очень нужно было что-то с этим сделать, и она сказала, что в уплату я должна буду однажды выполнить ее просьбу. Вот, и когда я пришла к Эдмару ругаться, она сказала, чтобы я никому про это не говорила, поэтому даже тебе не скажу. Эдмар – стервец бессовестный, так бы его и стукнула, а я теперь должна молчать, как будто ничего не знаю. Не допытывайся, все равно ничего больше не скажу.

«Ты уже сказала достаточно», – подумал Орвехт, поглаживая ее по вздрагивающей спине, а вслух заметил:

– Что ж, дело житейское. И я, пожалуй, даже спрашивать боюсь, о чем ты *ее* попросила.

– Да о том и попросила, что сбылось, – буркнула Зинта, хотя никто за язык ее не тянул. – А то не по-доброжительски все раньше было устроено…

И расплакалась пуще прежнего.

«У тебя всегда есть выбор – хотя бы одно из двух». Эта нехитрая сентенция из книжки о морских приключениях еще в детстве запала Кемурту в душу.

Выбор есть. Ага, одно из двух: или разжать коченеющие пальцы, съехать на животе по обледенелому скату крыши и свалиться вниз с высоты четырех этажей (даже больше, в замке Конгат один этаж идет за полтора), или удержаться, вскарабкаться на конек и оттуда – в слуховое окно. Вот оно, всего-то на расстоянии двух локтей. Глядит на непрошеного гостя с морозным равнодушием да перемигивается с ущербной луной, которая то прячется в темноте за краем тучи, то рассыпает по белесой черепице зимние бриллианты и опалы, словно дразня незадачливого вора. Кемурту мерещилось в этой картинке нечто загробное: может, его через полчаса уже не будет, а ночь, искрящаяся крыша и щербатая половинка луны останутся навеки.

Он начал молиться воровскому богу Ланки. Только это и оставалось, потому что «Кошколаза» у него с собой нет: охранные заклинания цитадели Конгат в два счета обнаружат самый ходовой у почитателей Хитроумного амулет.

Надо сейчас, пока не дошло до судорог и руки вконец не занемели. Все равно ему здесь долго не продержаться. А если он каким-то чудом не упадет, завтра его снимет с крыши охрана, и тогда он, возможно, пожалеет о том, что не разбился.

Содрогнувшись от пронизывающей боли в окоченелых, но пока еще, благодарение Ланки, послушных пальцах, вор сделал отчаянный рывок, потом еще раз, и еще. По блеснувшей в лунном свете черепице побежала темная струйка. Порезался. Ничего, тут все подмерзнет, лишь бы внутри не наследить.

В течение нескольких мгновений он сидел на коньке крыши верхом, ссутулившись и пригнувшись, и тяжело дышал. Потом лизнул ободранную ладонь и мысленным приказом активировал одноразовый амулет, останавливающий кровотечение, – он получил от Криса целую горсть таких штучек, с виду похожих на засохшие леденцы.

Следующий акробатический трюк – попади внутрь через слуховое окошко. Кемурт тренировался в течение месяца, а сейчас у него будет одна-единственная попытка. Он придвинулся ближе к выступу с небольшим полукруглым окном. Глянул вниз и отчаянно сглотнул, потому что крыша показалась ему в этот миг единственным на свете надежным островком, а все остальное – плывущий в темноте заснеженный ландшафт, глыбы соседних строений, омут полуночного неба – все равно что сон, наваждение снаяны, в которое если провалишься, никогда уже не проснешься.

Он мотнул головой, отгоняя дурацкие мысли, и приступил к тому, ради чего забрался на эту верхотуру.

Раз. Рискованно наклонившись вбок, швырнул в оконце, которого отсюда не видно, один из парных амулетов, называемый «Лоцманом». Раздался такой звук, точно плеснула вода.

Два. Еще до того, как звук затих, он отдал команду «Нырку» – второму в паре амулету.

Три. Скривившись от страха, снова наклонился вбок, оттолкнулся от скользкой черепицы и нырнул в слуховое окно.

Его перекувырнуло и как будто протащило сквозь воду. Или, точнее, сквозь желе, вдобавок засоренное чем-то твердым, царапающим – словно пьешь чай, и в нем попадаются жесткие травинки, только сейчас это ощущение было не в горле, а во всем теле. Процесс занял считаные секунды – и Кемурт мешком свалился на пол, прямо под закрытым окошком, забранным в частый переплет и застекленным.

Первым делом он «усыпил» артефакты, чтобы их не застукала магическая охрана, потом возблагодарил Ланки и только после этого обессиленно растянулся на пыльном коврике. По телу прошла запоздалая волна дрожи, за ней еще одна – реакция на использование «Нырка» и «Лоцмана».

Когда его перестало колотить, Кемурт понял, что почти согрелся. Аж пот прошиб, но разлившийся по телу жар уже утихал, не простудиться бы. Зато он по-настоящему крут: пробрался в Конгат, применив трюк, который доступен не всякому.

Впрочем, «нырнуть» в закрытое окно – не самое страшное. Есть еще легендарный «Прыжок хамелеона», когда амулетчик проходит сквозь стену: если не хватит силы, попросту расшибешь лоб о препятствие, а если не хватит воли, можешь застрять в стене и погибнуть, в то время как твои телесные частицы перемешаются с веществом, из которого состоит преграда. По слухам, на «Прыжок хамелеона» способны немногие: знаменитый Дирвен Кориц из ларвезийской Ложи и еще два-три десятка амулетчиков.

Он находился в помещении с низким скошенным потолком – если выпрямишься во весь рост, макушка упрется в наклонные доски. Комната была довольно просторная и явно обитаемая: пахло скорее скромным холостяцким жильем, чем заброшенным чердаком. В темени, едва разбавленной лунной мутью, пятнами на фоне чуть более светлых стен виднелись предметы обстановки. Не будь у Кемурта амулета, наделяющего своего хозяина ночным зрением, он бы и того не разглядел.

От небольшой печки слабо тянуло теплом, вор подобрался к ней поближе. Давно ее топили, уже почти остыла. Он должен дождаться здесь Шикловена – местного слугу, подкупленного заказчиком.

Кемурт скорчился, обхватив руками угловатые костлявые плечи. Он опять начал зябнуть. Вначале думалось, что самое трудное в этой затее – проникнуть в Конгат, но вот первый этап позади, теперь предстоит выполнить заказ Криса и сделать ноги. Влип ты, парень, как последний дурак, а идти на попятную поздно.

С этим Крисом, который играл втемную, зато хорошо платил, Кемурт познакомился в месяц Колесницы накануне Равноденствия, когда начали желтеть листья, и Пес Анвахо нагнал с океана косматых, как его шкура, дождевых туч. Погодка выдалась подходящая, чтобы забраться в особняк баронессы Тарликенц, взявшей на воспитание пойманную зарубанами Гренту из шайки Кемурта.

Если честно, шайка – чересчур громко сказано. Их всего-то двое и было.

Кемурт ударился в бега после смерти родителей, потому что иначе Надзор за Детским Счастьем забрал бы его у деда с бабушкой, чтобы пристроить в какие-нибудь загребущие «хорошие руки». Конфискованным обычно не разрешают встречаться с родственниками – «чтобы это не расстраивало ребенка и его новых любящих родителей», а старикам без него стало бы совсем худо. Он умел просчитывать, вот и в этот раз все прикинул заранее и свалил

до того, как за ним пришли. Инсценировал несчастный случай, перед тем подсунув деду письмо, и с тех пор вел жизнь городской тени, которая всегда своевременно исчезает.

Основательно изучил городские чердаки и крыши, схронов у него было много. Худой и долговязый, но при этом ловкий, проворный, на «ты» с высотой, он больше времени проводил наверху, чем внизу. Промышлял мелким воровством. Связываться с преступными гильдиями Абенгарта не хотел: там свои законы, и оттуда просто так не уйдешь – разве что уедешь в погребальной повозке. Оставаться для них невидимкой Кемурту удавалось благодаря тому, что он был неплохим амулетчиком и не лез на их территорию.

Вот уже три года он вел такую жизнь. Недавно ему исполнилось восемнадцать, а когда стукнут долгожданные двадцать, он станет совершеннолетним овдейским подданным, не подпадающим под действие Закона о Детском Счастье. Кем был уверен, что продержится до победного финала – если только его не сгубит работа на Криса.

Шестнадцатилетнюю Гренту прошлой зимой отобрали у родителей, но она сбежала из приемной семьи, чтобы вступить в воровскую гильдию и стать атаманшей. Начиталась авантюрных романов, а когда обнаружила у себя дар амулетчицы, отправилась на поиски интересной жизни. Знакомство с непридуманными городскими бандитами едва не закончилось для нее печально. Кемурт случайно наткнулся на Гренту на чердаке, где она пряталась и тихонько плакала. Он не смог оставить девчонку на произвол судьбы, с тех пор они воровали и кочевали по абенгартскому поднебесью вместе – вот и вся шайка.

Минувшим летом к ним прибились Таль и Ювгер, тоже спасавшиеся от Детского Счастья. Самолюбие Кемурта получило тогда сокрушительный щелчок: он-то до сих пор считал себя хорошим амулетчиком… Ага, как бы не так! Наглый задиристый Ювгер, на всех глядевший свысока, показал ему, что такое *хороший амулетчик*.

Гренту сцапали вскоре после того, как они расстались с этой странной парочкой. Тогда было неспокойно, зарубаны лютовали, через день устраивали облавы. Судя по всему, Кемурта подельница не сдала. И, похоже, ей удалось утаить, что она амулетчица, потому что ее определили не в специальную государственную школу, а к баронессе Тарликенц, пожелавшей взять воспитанницу.

Честно говоря, Кемурт с самого начала втайне считал, что такой девушке, как Грента, лучше бы жить в уюте и безопасности, а не шкериться по городским чердакам. С ее-то нравом королевны в бегах и верой в благородных разбойников… Он с ней намучился, сыт по горло. В то же время оставшегося в одиночестве вожака ела совесть: девчонка его не выдала, а он бросит ее в беде? Вдруг ей у баронессы плохо?

В конце концов решил хотя бы поговорить с ней. За тем и явился.

Чердак каретного сарая смотрел прямо на ярко освещенные окна второго этажа. Внутри, словно на озаренной магическими лампами сцене, среди роскошных декораций беседовали действующие лица: Лимгеда Тарликенц и Грента. У Кемурта был театральный бинокль (стянул в лавке «Элегантные штучки»), и он отлично их видел, хотя ни слова не слышал.

Грента в белом платье с кружевами выглядела настоящей принцессой, не хватало только маленькой бриллиантовой короны. Баронесса в темно-красных шелках была точь-в-точь роковая злодейка, замышляющая то ли подсыпать яду, то ли сманить жениха. Она что-то говорила, коварно поблескивая подведенными глазами и улыбаясь накрашенным алым ртом, а девушка слушала, скептически щурясь и вздернув точеный подбородок. Когда баронесса протянула руку, словно намереваясь потрепать ее по щеке, Грента с достоинством отступила, на ее лице мелькнула усмешка – или как будто сразу две усмешки одна за другой: первая торжествующая, вторая непримиримо-вызывающая. Теперь уже баронесса прищурилась.

Надо девчонку спасать, решил Кемурт и непроизвольно подобрался. А в следующий момент едва не подскочил, потому что за спиной у него кто-то негромко произнес:

– Не советую.

Этот парень незаметно подкрался, пока он наблюдал за немым диалогом баронессы и Гренты – или был тут с самого начала? С головы до пят в черном, в сурийском тюрбане, лицо закрыто матхавой, только глаза блестят – но мало ли, что там может блеснуть в темноте, поди заметь его в чердачном мраке, пока сам не поздоровался.

Кемурт струхнул. Если его выследили воры из гильдии, ему хана. В отличие от Гренты с ее светлыми девичьими мечтами он не считал, что кистенщики, крышники и щипари – «самые благородные на свете люди». С конкурентами-одиночками у этих «благородных людей» разговор короткий. Если это бандит-суриец, которому мало пособия от овдейских властей, захотелось еще и лихой поживы, тоже хана – пырнет ножом, и все дела.

– Чего не советуешь? – сипло осведомился Кемурт, отдав команду на готовность паре своих боевых амулетов.

– Не советую туда лезть, чтобы спасти прекрасную плененную деву, – миролюбиво пояснил визави. – Ты ведь за этим сюда пришел? Не оценят. Еще и плюх тебе с двух сторон навешают – за то, что испортил их дивную игру.

– Почем ты знаешь? – спросил он оторопело, сбитый с толку и тем, что какой-то посторонний индивид в курсе его планов, и негаданным возражением.

– Может, для начала по чашке горячего шоколада? – Длинные глаза незнакомца улыбчиво сощурились.

– И где ты его возьмешь? – настороженно хмыкнул вор.

– У себя в кладовке.

– Так ты здешний? – Кемурт еще сильнее насторожился, хотя вроде бы нечего бояться, амулеты он бы почувствовал, у этого парня их нет, а от обычного оружия амулетчик, если он не размазня, один на один отобьется. – Служишь у баронессы?

– О нет, баронессе я послужил всего дважды, и она осталась весьма довольна… Но потом мы кое-что не поделили и поссорились.

– А, так она тебя уволила?

– Тебе столько лет?

– Восемнадцать, – растерявшись от такого вопроса, машинально выложил Кемурт.

– А я чуть было не подумал, что восемь. В твоем возрасте пора бы уже понимать непристойные двусмысленности. Ах да, наш шоколад…

Незнакомец протянул руку в сторону, где в чердачной темени смутно виднелась то ли захламленная этажерка, то ли пирамида корзин, и можно было подумать, что он собирается вытащить что-то из этого барахла, но тут у него в руке откуда ни возьмись появился продолговатый цилиндрический предмет, отливающий серебром.

Это заставило Кемурта еще раз судорожно сглотнуть. Теперь он окончательно убедился, что у собеседника нет боевых амулетов: зачем они магу, который настолько силен, что может пользоваться волшебной кладовкой?

Тот поставил серебристый цилиндр на пол и объяснил:

– Термос. Удобная иномирская штука, сейчас оценишь. Ты присаживайся, поболтаем.

Кемурт подчинился. По крайней мере, не бандит из воровской гильдии. И не сурийский беженец, пробавляющийся разбоем. И не верный слуга баронессы Тарликенц, застукавший в каретном сарае злоумышленника.

Устроились на полу. Маг извлек из своей кладовки две керамические кружки, открутил пробку диковинного сосуда и разлил густой горячий шоколад с корицей, который оказался вкуснее, чем в любой абенгартской кондитерской.

– Можешь называть меня… скажем, Крис. Так меня одно время звали в прошлой жизни. У меня с этим именем связаны драматические воспоминания, я тогда провел

несколько незабвенных месяцев с любимой девушкой, но потом нас жестоко разлучили. Ты в эту Гренту влюблен?

– Нет, – честно ответил Кемурт. – Но Грента мой товарищ, и, если для нее тут засада, я должен ее выручить.

– Благородно, – хмыкнул Крис. – Даже трогательно. Но ей тут лучше, чем где бы то ни было, можешь мне поверить.

Перед тем как взяться за кружку, матхаву он, само собой, снял, и Кемурт увидел, что они почти ровесники. Может, Крису немного за двадцать. Хотя глаза у него взрослые. Артефакт, наделяющий своего хозяина ночным зрением, позволил амулетчику более-менее разглядеть его лицо – удлиненное, с треугольным подбородком, коварным актерским ртом и слегка впалыми щеками.

Этот Крис явно был опасным парнем, но враждебности не проявлял. Озябший Кемурт после кружки шоколада согрелся, однако не позволил себе расслабиться.

– С чего ты решил, что Гренте там хорошо? Я следил за ними в бинокль, и мне она счастливой не показалась.

– Тогда для начала объясни, что такое счастье?

Вопросик с подвохом: ответь на него чистосердечно – и собеседник много чего о тебе узнает.

– Скорее всего счастье – это когда у тебя есть все, что тебе нужно, когда живешь, как хочется.

– Недурное определение. Правда, можно привести множество примеров, когда некто глубоко несчастен, несмотря на формальное соблюдение этих условий, но в такие дебри мы сейчас не пойдем. Если исходить из твоих же посылок, Грента счастлива. Она получила ту игру, о которой мечтала, и ее недовольство – тоже необходимая часть игры. Полагаю, за них с Лимгедой можно порадоваться – нашли друг друга. Однако, если к ним в игру влезешь еще и ты со своими похвальными принципами и благими намерениями, тобой банально воспользуются. Девушка, возможно, с тобой сбежит, но лишь затем, чтобы ее снова поймали. А ты либо попадешься вместе с ней, либо, если будет на то милость Ланки, останешься на свободе, но наживешь могущественного врага в лице баронессы. Мстительная особа. У нее недурные связи, и в придачу она сама амулетчица, иначе ей не отдали бы Гренту. Ты ей скорее всего проиграешь, если только не найдешь себе сильного покровителя, но к этому вопросу мы вернемся чуть позже.

– Почему ты так плохо думаешь о Гренте?

Кемурту захотелось ее защитить: девчонка с фанабериями – что правда, то правда, но она же его не сдала!

– Разве я сказал о Гренте что-то плохое? – вскинул бровь Крис. – Да Ланки с тобой, я ведь ее не осуждаю. Не вижу ничего дурного в том, чтобы превратить свою жизнь в увлекательную игру. Скорее уж я не понимаю тех, кто от таких шансов отказывается. Обе дамы получили то, что хотели, но если ты тоже претендуешь на роль в этой пьесе, ничего хорошего не жди, вот я о чем.

– Занятно у тебя выходит, – ощущая протест, но не зная, как его высказать, проворчал Кемурт. – Как будто на словах у Гренты одно, а в глубине души совсем другое, хотя она говорила, что главное для нее – это свобода.

– А что такое свобода без игры? – ухмыльнулся Крис. – Скука смертная. Баронесса – посредственная амулетчица, тебе она уступает, но ее артефакты – это, можно сказать, набор дорогих шоколадных конфет. Впрочем, я дам тебе кое-что равноценное, тогда не попадешься.

Он небрежным жестом извлек из кладовки небольшую связку подвесок. Стоящие штуковины, это Кемурт почувствовал сразу.

– Маленький презент, чтобы не с пустыми руками тебе туда лезть. А после дела можешь оставить их себе.

– Куда – туда? – в недоумении нахмурился вор.

– В особняк Тарликенц, куда же еще?

– Ты же сам меня только что отговаривал!

– Я тебя, по доброте душевной, отговаривал ввязываться в чужие игры. Лезть туда за этим, право же, не стоит. Но совсем другое дело – ради того, чтобы сорвать куш и получить от заказчика достойный твоих способностей гонорар.

– От какого заказчика?

– От меня, разумеется, – тепло улыбнулся Крис. – Мне нужна одна вещица, которая хранится в этом доме, и я хочу нанять вора, некого Кемурта Хонбица.

«А ведь я ему не говорил, как меня зовут, – скользнула тревожная мысль. – Интересно, что еще этот тип обо мне знает?»

– Я не ворую на заказ. Беру на жратву и на прожитье.

– И не хочется большего?

Он пожал плечами:

– Мне хватает.

Ясно было, что от Криса просто так не отвяжешься. Вора пробрал холодок: чего доброго, угрожать начнет. Нужно отказаться так, чтобы он не почувствовал себя оскорбленным. На какое паскудство способны маги, которым ущемили самолюбие, – об этом и в народе байки ходят, и в учебниках истории много чего написано.

– Ты же запросто можешь пробраться туда, взять, что тебе нужно, и уйти. Крутому магу в этих делах никакой обыкновенный вор в подметки не годится.

– Ты не обыкновенный вор, ты амулетчик.

– Так себе амулетчик. До сих пор не сцапали, и на том спасибо. Видел я в деле настоящего амулетчика… – голос Кемурта прозвучал угрюмо: пусть ему и выгодно выставить себя неважнецким вариантом, чтобы этот Крис гулял мимо, а вспоминать Ювгера, которому он во всем уступал, все равно было нерадостно.

– Это какого же настоящего? – неожиданно заинтересовался собеседник.

– Не важно. Просто однажды видел.

Зря об этом сболтнул, так и спалиться недолго. Он начал лихорадочно сочинять историю, которую можно будет впарить Крису заместо правды, если тот прицепится с расспросами, а маг тем временем щелкнул пальцами, и в темноте в шаге от них повис бледно светящийся овал, а в нем, словно в окошке или в зеркале, возникло лицо.

– Уж не эту ли конопатую физиономию ты имеешь в виду?

– Ты знаешь Ювгера?!

– Я, скажем так, имею сомнительное удовольствие знать Дирвена Корица, который минувшим летом был похищен и доставлен в Абенгарт, но сумел сбежать и вернулся в Ларвезу. Как амулетчик он бесспорно сильнее тебя и, вполне возможно, любого другого амулетчика в Сонхи – и что с того? Не то чтобы за мной водилась склонность всех подряд одаривать своим сочувствием, но его многострадальным кураторам я, пожалуй, искренне соболезную.

Ухмылка у Криса была скорее пакостная, чем сочувственная. Вору подумалось, что с человеком, который *так* ухмыляется, лучше не ссориться. Зато на душе полегчало: уступить первенство живой легенде – самому Дирвену Корицу! – не позорно. В то же время у Кемурта в голове не укладывалось, что живая легенда может быть таким обормотом в повседневной жизни.

– Вот оно что, – пробормотал он вслух. – Ты первостатейный маг, у тебя всякие заклинания, почему ты сам туда не слазишь?

– Видишь ли, я знаком с Лимгедой Тарликенц. Как я уже говорил, у нас было два свидания тет-а-тет, и мы остались весьма довольны друг другом, но в дальнейшем поссорились. Дело было в Нангере, на горном курорте Тасалат, и мы с баронессой не поделили служанку из купален при горячих источниках. Представь себе девицу выше меня на полголовы, с классическими скульптурными формами и лицом прекрасной воительницы – она могла бы позировать для статуи Зерл. Добавь сюда гриву золотистых волос, королевскую невозмутимость на людях в сочетании с вулканическим темпераментом в постели, умеренное пристрастие к играм с плеткой… Ей нравится менять партнеров, и она служит в купальнях, хотя в состоятельных поклонниках у нее недостатка нет. Поразительная девушка. Я первым добился ее благосклонности и обошел баронессу Тарликенц, чего мне не простили. Так что, если я сам заберусь в этот особняк, чтобы изъять оттуда старинную рукописную книгу, принадлежащую Лимгеде, это будет некрасиво, чтобы не сказать вульгарно. Обокрал бывшую любовницу, стыд и срам.

– А если меня пошлешь – будет красиво?

– Это будет нейтрально. Другой узор подробностей, другие нюансы, улавливаешь разницу?

Кемурт разницы не уловил, поскольку в обоих случаях книга будет стырена у баронессы и достанется Крису, но высказывать свое мнение не стал.

– Я никогда не занимался такими делами, – вернулся он к прежним доводам. – Если наймешь кого-нибудь из воровской гильдии, они наверняка все сделают в наилучшем виде.

– Если честно, меня интересует долговременное сотрудничество. Мне нужен в Абенгарте мой собственный вор-амулетчик, который будет работать только на меня, так что не прибедняйся, а начинай торговаться. За какую цену можно купить Кемурта Хонбица?

– Чем тебя гильдейские воры не устраивают?

– Не люблю уголовников, они оскорбляют мое эстетическое чувство. В прошлой жизни я был вассалом у одного недальновидного господина и надзирал за его мануфактурами. Он регулярно присылал туда криминальные отбросы, а я при случае втайне от него сокращал их численность, после чего он присылал взамен новую партию любезной его сердцу дряни, так что я этой публикой сыт по горло. Кончилось тем, что я его убил, в том числе за это. Посмотрел я на ваше абенгартское ворье, та же мерзость. Для примера, молонские контрабандисты по сравнению с ними – истинные аристократы духа, несмотря на свою неотесанность, а здешние гильдии – натуральная клоака. Если мне понадобится расходный материал на убой, я найму людей оттуда, а в остальном увольте меня от такого сотрудничества.

Кемурт и сам был не лучшего мнения о подпольных гильдиях Абенгарта. Те подонки, с которыми вначале столкнулась Грента, не исключение, гильдейские в большинстве такие и есть. Потому он и принял решение держаться особняком, несмотря на риск.

В то же время в словах Криса сквозила угроза – еле ощутимая, размытая, но Кемурт ее уловил. Вдобавок он хотел получить амулеты, которые маг пообещал отдать ему насовсем, если он справится с заданием.

В результате он согласился и несколько дней спустя забрался в особняк, когда баронесса укатила на бал. Добыл старинную сурийскую книгу в украшенном потускневшим олосохарским жемчугом переплете. Крис остался доволен и заплатил ему столько, что он смог купить для бабушки дорогой бальзам от боли в суставах, на который давно копил деньги.

Заодно Кемурт повидал Гренту. Она расчесывала перед зеркалом пышные локоны, не зная, что за увитой вьюном деревянной решеткой не слуга протирает подоконник, а прячется ее бывший подельник. За минувшее время она похорошела, исчезли шрамы в уголках губ – видимо, баронесса наняла для нее мага-лекаря из тех, что умеют убирать такие дефекты. Выражение лица у Гренты было ничуть не подавленное. Уверенное?.. Торжествующее?.. Довольное?.. Нет, что-то другое, и оттенок постоянного для нее затаенного страха

по-прежнему присутствовал. Но это было лицо красивой девушки, которая обрела то, чего ей недоставало, и Кемурту подумалось, что Крис, наверное, не так уж не прав на ее счет.

Он расспрашивал о новом знакомом Хромую Неленгу, скупщицу краденого с Малой Антикварной улицы, однако та ничего не слышала о похожем на него маге, хотя знала многих. Неленга состояла в воровской гильдии, но Кемурта гильдейским не сдавала. Когда он пришел к ней в первый раз, чтобы продать мелочовку, которую якобы «принес из дома», она сама поманила его в спальню. Неленга была старше его лет на двадцать. Рябая, веснушчатая, блекло-рыжая, с расплывшейся талией и заметной хромотой, зато полногрудая и горячая. Кто другой сбежал бы, а Кемурту все равно захотелось. С тех пор он навещал ее два-три раза в восьмицу под видом посыльного. Если их застукают, Неленгу по закону о Детском Счастье закатают в тюрьму, но они были осторожны. Всякий раз скупщица до отвала кормила юного любовника и делилась разнообразной информацией.

Криса в Абенгарте не знали, кто он и откуда – дело темное. После книги из особняка Тарликенц ему понадобилась китонская серебряная шарманка, купленная на аукционе богатым вельможей, потом статуэтка, потом чужой дневник… Что ж, зато он хорошо платил и вдобавок учил вора-амулетчика всяким полезным приемам. Повторять он не любил, но ученик все схватывал на лету. Лишь сейчас, отогреваясь возле чуть теплой печки, Кемурт подумал, что его, похоже, в течение всего этого времени целенаправленно готовили к заброске в Конгат.

Ждать пришлось долго. Луна зарылась в тучи, словно в ворох тяжелых рваных одеял, а потом и вовсе уплыла. Наконец послышались шаги, заскрипели половицы, и появился Шикловен с захватанным стеклянным пузырем переносной лампы.

Они обменялись паролями, как в авантюрной книжке про заговорщиков. Потом Кемурт достал амулет в виде булавки и воткнул его себе в шею, не сводя глаз с Шикловена. Тот отшатнулся и заморгал, увидев вместо молодого парня своего двойника – худого долговязого мужчину с седыми висками, изможденным лицом и бородавкой на том месте, куда вонзилась зачарованная булавка.

– Похож… – Он покачал головой. – Вылитый я. Главное, горным козлом не скачи, а то я хвораю, хожу потихоньку. И когда будешь работать, дыши тяжело, чтоб было заметно.

Шикловен прослыл малость тронутым, поэтому в последнее время ему поручали самую простую работу. Он был из примерных старых слуг, еще его прапрапрадед вытирал пыль и топил камин в покоях у прапрапрадеда нынешнего господина Ферклица, вот его и оставили в замке, не ожидая с его стороны никакого подвоха.

«Молодец старикан, – мрачно подумал Кемурт. – Тебя после тихого помешательства на авантюры потянуло, а отдуваться мне».

Впрочем, он понимал, что ввязался сам, поддавшись на уловки Криса.

– Ты небось считаешь меня предателем? – проницательно осведомился Шикловен и тут же заверил: – Я не предатель. Не стал бы я мудрить против господина, если б дочурку мою Клотобию не погубили! И красавица была, и умница, и книжки читала, и все успевала, жить бы ей и жить, а вместо этого что натворила, дрянь подлая… Нету ее больше. – Лицо слуги горестно сморщилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.